К. М. ФОФАНОВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К. М. ФОФАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

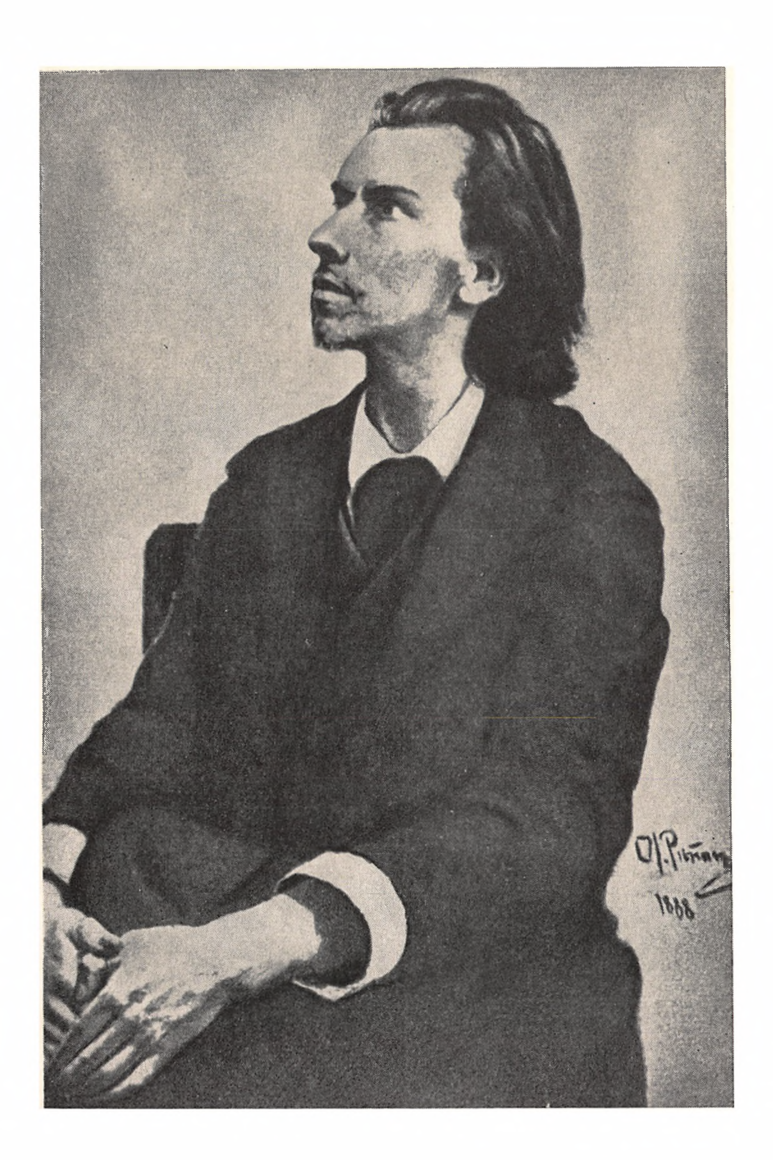
Вступительная статья
Г. М. Цуриковой

Составление, подготовка текста и примечания
В. В. Смиренского

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД · 1962

Ф 1
Ф 74

Настоящее издание является первым достаточно полным научно подготовленным собранием стихотворений и поэм К. М. Фофанова, талантливого поэта, творчество которого сложилось в традициях русской классической лирики XIX века. В то же время — художник переходного времени — Фофанов был одним из предшественников русского символизма. Фофанов — поэт-лирик, особенно удачно писавший о любви, о природе, автор сказочно-романтических и бытовых поэм.


1888

К. М. ФОФАНОВ

Творчество К. М. Фофанова рождено смутной и противоречивой эпохой восьмидесятых годов прошлого века. Как говорил М. Горький [1], это было скучное и бесцветное время «полного торжества мещан», идейного разброда, общественных разочарований. Крушение народничества привело к неверию в силы прогресса, равнодушию и скептицизму. «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией,* которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать», — писал об этих годах В. И. Ленин [2]. Вместе с тем тогда же, в восьмидесятые годы, марксизм проникает в Россию, зарождаются идеи научного социализма, — нарастает новая революционная волна. Однако ее подъем — еще впереди, в искусстве она найдет отражение несколько позже, а в это время в литературе, в поэзии особенно, преобладают мотивы печали и уныния — следствие наступившей реакции, иногда — бессильный протест против нее. Поэзия демократическая, связанная с традицией гражданской некрасовской лирики, теряет к этому времени четкость социальных идеалов, в ней преобладают отвлеченные темы, «беспредметная гражданская скорбь»: «В груди бесплодное рыданье, в устах мучительный упрек» (С. Надсон). В противовес ей реакционно-дворянская линия в поэзии усиливается, усугубляя антиобщественные тенденции школы «чистого искусства», открыто заявляя о своей враждебности революционно-демократическим традициям литературы шестидесятых годов. Поэты этого направления

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 23. М., 1953, стр. 356.
[2] В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 5, стр. 41.

погружаются в мир интимных переживаний, порою отдаваясь религиозно-мистическим настроениям, углубляясь в историческое прошлое, отгораживаясь от жизни, ее борьбы и противоречий. «Что пользы бороться напрасно? — Всё в мире безумье и ложь!» — писал один из поэтов этого круга Д. Н. Цертелев.

Лирику Фофанова вдохновляет пафос неприятия жизни, полной лжи и противоречий. Время борьбы, кажется поэту, миновало. Поэзия Фофанова вся — наивный и восторженный порыв души, томимой скудостью жизни, в некий воображаемый идеальный мир красоты и гармонии, которым нет и не может быть места в окружающей поэта действительности, чуждой всему поэтическому. Одаренный несомненным поэтическим талантом, интуитивно постигавший тонкости своего ремесла, несмотря на недостаточность образования и отсутствие широкого жизненного кругозора, — Фофанов привлек внимание читателей своим искренним и глубоко человечным лиризмом, певучестью стиха, чистотою душевных помыслов, верой в истинность высокого эстетического идеала. Антон Павлович Чехов называл себя «искренним почитателем» его таланта [1]; к нему одобрительно присматривался Лев Толстой [2]; о нем восторженно отзывался Репин, которого связывала с Фофановым многолетняя дружба. М. Горький неоднократно в письмах к начинающим авторам называл Фофанова, наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Фетом, Буниным, в числе поэтов, у которых следует учиться мастерству стихосложения [3].

Отмечая и безусловные слабости Фофанова, Валерий Брюсов писал: «Прекрасные стихотворения у него чередуются с совершенно ничтожными, и число его неудачных произведений даже подавляет собой сравнительно немногие, истинные перлы его поэзии. Однако из этих немногих стихотворений можно было бы составить небольшой томик стихов замечательных и часто безукоризненных, которые навсегда сохраняют Фофанову право на видное и почетное место среди русских поэтов XIX века» [4].

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 15. М., 1949, стр. 262.

[2] Л. Н. Толстой писал Фофанову 11 сентября 1902 года: «Я знаю и читал вас. И хотя, как вы, вероятно, знаете, не имею особенного пристрастия к стихам, думаю, что могу различать стихи естественные, вытекающие из особенного поэтического дарования, и стихи, нарочно сочиняемые, и считаю ваши стихи принадлежащими к первому разряду». (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 73. М., 1954, стр. 290—291.)

[3] М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 105.

[4] В. Я. Брюсов. Избр. соч. в 2 томах, т. 2. М., 1955, стр. 226.

1

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге 18 мая 1862 года в купеческой семье среднего достатка, впоследствии обедневшей. «Предки мои, — писал он в сохранившихся набросках автобиографии, — принадлежали к великой семье, называемой Человечеством. Их останки не покоятся в родовых склепах, их гробы не запечатаны дворянскими гербами. . .»[1] Предки поэта — государственные крестьяне Олонецкой губернии, «и самый старейший из них — какой-нибудь финский рыболов, печальный пасынок природы». Не случайно в стихах Фофанов иногда называл себя «финном».

«Дед мой Петр Фомич Фофанов, — вспоминает поэт, — был привезен в Петербург двенадцатилетним мальчиком из Олонецкой губернии в извоз. Не был ли он одним из тех «веек», весело гремящих звонками лошадей, обыкновенно съезжающихся на масленицу в Невскую столицу. Но в извозе мой дед был недолго, после был, кажется, мыльщиком в бане, а в зрелые годы — уже купцом третьей гильдии и уже имел кожевенную лавку... Отец мой имел лесной двор и все время с рождения до смерти жил в Петербурге... Женился он на уроженке Ярославской губернии Екатерине Афанасьевне Брюхановой. Третьим сыном в семье был я».

Детство Фофанова прошло относительно счастливо и беззаботно. Семья в ту пору еще не знала бедности. Позднее отец разорился, пустившись в рискованное предприятие, и на почве житейских неудач впал в религиозно-мистическое настроение (он еще в юности мечтал уйти в монастырь). Дети (а их было десять человек) учились в дешевых частных пансионах и школах. К. М. Фофанов начал учиться лет с шести в «первоначальной школе», впоследствии посещал и другие частные учебные заведения, едва дойдя до четвертого класса.

Недостатки образования отчасти восполнялись чтением журналов и книг, тоже беспорядочным, — начиная со случайно попавшего в руки крыловского журнала «Зритель», едва ли не первой книги, прочитанной Фофановым в детстве. «Десяти лет я почти знал наизусть «Горе от ума», — вспоминает он. — И страшно любил читать биографии поэтов. Сочинители казались мне существами сверхъестественными, не такими, как все. Встречая в стихах Пушкина обыкновенные чувства простых смертных, я поражался. Строчки «сажусь и кофе с гущей пью» мне казались величайшим откровением в его

---

[1] Автобиографические заметки К. М. Фофанова находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ).

биографии: этот полубог, очаровывающий меня, пил кофе. И я старался смаковать драгоценный напиток, получивший в моих глазах новые достоинства». Граничащую с обожествлением любовь к Пушкину Фофанов сохранял всю жизнь. Она отразилась и в стихах, посвященных Пушкину. Несомненно воздействие пушкинской поэзии на лирику Фофанова. В поэмах же и особенно «рассказах» в стихах, которые представляют собою не лучшую часть его художественного наследия, Фофанов иногда откровенно Пушкину подражает.

Бедное впечатлениями и событиями детство поэта способствовало развитию в нем мечтательности. Фофанов уже тогда жил воображением, мечтал быть полководцем или актером, любил страшные рассказы и сказки, от которых «ужас холодил волосы и слезы выступали на глазах». Впоследствии он, случалось, перелагал их в стихи — о том,

Как в лесу дремучем у колдуньи-бабы
Закипает в чанах много страшных зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном посреди ущелий
Он встречает Лебедь — ласковую фею...

Стихи писать Фофанов начал рано. «Едва умея выводить буквы, я уже забавлялся «графоманией», — признается он. — На восьмом году, едва выучившись грамоте и видя оперу в театре, я написал какую-то пьесу, не то оперу, не то комедию, действующие лица которой говорили по десять слов. Пьеса заканчивалась обмороком обманутой дочерью матери. С криком «Ох, горько, горько, горько!» — обманутая мать падала без чувств, и пьеса кончалась».

В четырнадцать лет Фофанов увлекается поэзией Н. А. Некрасова и открыто подражает ему в стихах, рассуждая, в частности, о назначении поэта: «Пусть буду петь я угнетенным, пусть буду с слабыми страдать!» [1] Впоследствии Фофанов любил рассказывать, что примерно тогда же, в связи с кривотолками о приближении кометы и скором конце света, сочинил стихотворение «Слыхала ли ты, кумушка, о светопреставлении...» и послал его в журнал «Стрекоза». Ответ редактора был помещен в отделе «Почтовый ящик». «Ваше стихотворение, — говорилось в ответе, — написано таким скрипучим размером, как скрипучие ящики комодов, которые

[1] Впоследствии Фофанов неоднократно пытался писать о литературе. Сохранились наброски его статей о Лермонтове, Толстом, Тургеневе, Кольцове, Надсоне, дающие представление о круге его литературных интересов и симпатий. О Некрасове он писал: «Кажется, никто из русских поэтов не представлял такого глубокого и своеобразного явления...» (ЦГАЛИ).

продают на Апраксином рынке». — «Но ведь таким размером написана поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»! ..» — возразил юный поэт. «Укажите парадный подъезд, у которого редакция могла бы принести извинения автору», — отвечали ему.

Неудача не обескуражила поэта. Он продолжал писать стихи несмотря на то, что домашние относились к этому неодобрительно.

В возрасте шестнадцати-восемнадцати лет Фофанов был всецело поглощен чтением Библии и в связи с этим писал во множестве стихи на библейские мотивы. Это увлечение религиозной тематикой, не чуждое Фофанову и в дальнейшем, на протяжении всей его жизни, было лишено религиозного мистицизма и имело по преимуществу романтический характер.

Библейские мотивы в ранних стихах Фофанова легко сочетались с демократическими порывами души поэта, а чуть позднее, в 1881—1883 годах, ту же библейскую окраску он придавал стихам, выражающим сочувствие казненным 1 марта 1881 года народовольцам. Когда впоследствии его «библейскими» стихами заинтересовался Синод, в них было обнаружено не более не менее, как извращение «таинств» православной веры в «языческом смысле», «ненавистном для христианина», едва не повлекшее за собой отлучение поэта от церкви.

Поводом для этого послужило написанное в 1885 и напечатанное в 1888 году в журнале «Наблюдатель» стихотворение Фофанова «Таинство любви», представляющее собою довольно своеобразную трактовку одного из эпизодов «священной истории». Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал в связи с этим Е. М. Феоктистову, начальнику управления по делам печати: «...Сегодня все заседание в Синоде занято было толками об этом. Старцы страшно возмущены. Одни хотят отлучить от церкви торжественно Фофанова, другие хотят подавать всеподданнейший доклад от Синода». Дело о кощунственном стихотворении, в котором поэт «дерзнул коснуться» романтическим вольным воображением «величайшего таинства православной веры — архангельского благовестия о воплощении сына божия от девы Марии и святого духа», завершилось «всеподданнейшим докладом» министра внутренних дел Александру III. Журнал «Наблюдатель» был закрыт на полгода[1].

---

[1] См.: «Литературное наследство», № 22—24, М., 1935, стр. 533—534. Кроме этого, известны и другие случаи, когда цензура запрещала печатать некоторые стихи Фофанова ввиду «неуместности» имеющихся в них сопоставлений картин житейских с библейским сказанием. Такова, например, судьба стихотворения «Будничные картины», сохранившегося в архиве Фофанова (ЦГАЛИ).

Первое напечатанное стихотворение Фофанова было из этой юношеской тетради «библейских» стихов — не столько религиозное, сколько романтическое по своему настроению, — «Сосуд с целебною водою Иордана...». Оно появилось 8 июля 1881 года в газете «Русский еврей» под псевдонимом КОМИФО, составленным из начальных букв имени, отчества и фамилии автора.

А в декабре 1881 года Фофанов обратился к Д. В. Григоровичу с просьбой дать отзыв о своих стихах и посодействовать их опубликованию. Григорович ответил Фофанову сдержанно. «Мне лично кажется, что стихотворение Ваше требует значительной отделки, прежде чем поступить в печать» [1], — писал он, но все же посоветовал обратиться к П. И. Вейнбергу, которому стихи Фофанова понравились. При содействии Вейнберга восемь стихотворений были напечатаны в журнале «Живописное обозрение». С этих пор Фофанов стал печататься часто и много: и в «Живописном обозрении» и во множестве других журналов и газет, среди которых «Литературный журнал», «Век», «Русское богатство», «Новое время», «Всемирная иллюстрация», «Восход», «Устои», юмористические «Осколки» и «Развлечение», где он подписывался псевдонимом «Барон Клакс». Фофанов пытался писать и прозу. В журналах «Век» и «Русское богатство» он поместил несколько довольно беспомощных, сентиментальных рассказов под псевдонимом Каев.

В 1885 году Фофанов порывает с родными и уходит из дома, где его поэтические успехи так и не встретили одобрения и поддержки; он становится поэтом-профессионалом. Один из близких друзей Фофанова, писатель И. И. Ясинский, рассказывает: «Еще в 1881 году, зайдя как-то в редакцию быстро скончавшихся «Устоев» к Венгерову, я увидел, беседуя с редактором, как в комнату вошел призракоподобный худой юноша на тонких, как соломинка, ногах и в огромных волосах, прямых, густых и светлых, похожих на побелевшую соломенную крышу. „Поэт, — отрекомендовался он. — Стихи...“» [2]. Это был Фофанов. Его странная, производившая неожиданное и подчас комическое впечатление фигура к середине восьмидесятых годов была уже хорошо знакома в литературных кругах Петербурга. Охотно и часто Фофанова приглашали принять участие в разного рода литературных вечерах, где его чтение неизменно пользовалось большим успехом.

Однако в массе его стихи еще теряются среди посредственной поэтической продукции восьмидесятых годов. Имя Фофанова не-

---

[1] Копия письма Д. В. Григоровича хранится в архиве К. М. Фофанова (ЦГАЛИ).

[2] И. И. Ясинский. Роман моей жизни. Л., 1926, стр. 173.

редко вспоминали критики — в статьях, исполненных жалоб на плачевное состояние русской поэзии. И то сказать, в прозе — Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Лесков, Глеб Успенский и более молодые — Гаршин, Короленко, Чехов, упрочившие реалистические традиции русской литературы, ее общественную активность, тогда как поэзия той поры представлена второстепенными именами. Среди поэтов возвышались старшие представители школы «чистого искусства»: Майков, Полонский, Фет; Надсон — поэтический кумир тогдашней молодежи. А рядом с Фофановым — элегический, чуждый гражданственности Апухтин, сосредоточенный в себе Случевский, стремящиеся прочь от жизненных волнений и забот поэты реакционно-дворянского направления Цертелев, Голенищев-Кутузов, К. Р. (великий князь Константин Романов), Андреевский. Большинство из них — эпигоны «чистого искусства», далекие от каких бы то ни было, даже и формальных, художественных исканий. Стихи Фофанова вначале слабо выделяются на этом фоне. Тем более что, живя исключительно литературным трудом, Фофанов пишет много, часто варьируя одни и те же поэтические мотивы, торопливо печатается везде, где удается, без разбора. В конце восьмидесятых годов он становится одним из постоянных сотрудников суворинского «Нового времени» — газеты, имевшей огромный по тому времени тираж. Выражая официальную программу правительства и одновременно умело приспосабливаясь к вкусам и запросам читателей, «Новое время» заслуженно пользовалось репутацией одного из самых продажных и реакционных органов русской печати. Влияние «нововременской» идеологии несомненно сказалось на поэтическом творчестве Фофанова, так же, впрочем, как и общий невысокий уровень поэтической культуры, характерный для такого рода изданий.

Почти все написанное Фофанов в 1887 году включает в свой первый сборник «Стихотворения». Не приходится удивляться тому, что критика приняла книгу холодно. В рецензиях отмечалась крайняя неравноценность вошедших в сборник стихотворений, необработанность некоторых из них, многочисленные небрежности — вплоть до нарушения грамматических норм, отсутствие умелого и строгого отбора. Даже благожелательно настроенный по отношению к Фофанову критик «Нового времени» В. П. Буренин был вынужден заметить, что этот «наивный талант» поет, как поют птицы, — «не заботясь о том, что споется и как споется», и поэтому в сборнике удачное соседствует с неудачным, а серьезное со вздорным; из двух с лишним сотен стихотворений «следовало бы около трети исключить совсем, около трети сократить и тщательно обработать, тогда сбор-

ник производил бы впечатление несравненно более выгодное, чем теперь» [1].

Вместе с тем книга вызвала несомненный интерес в литературных кругах. При активной поддержке Я. П. Полонского она даже была выдвинута на соискание Пушкинской премии, присуждаемой Академией наук. Однако, по словам П. П. Перцова, «академики восстали, указывая многочисленные неправильные обороты и слишком смелые «поэтические вольности» в стихах Фофанова, и премия не была присуждена, так как было решено, что Академия не может покрывать своим авторитетом подобные погрешности» [2].

Очевидна была несомненная, ярко выраженная поэтическая одаренность Фофанова. «Знакомы ли Вы с произведениями молодого поэта Фофанова? — писал И. Е. Репин в мае 1887 года В. Г. Черткову. — Прочтите его... уверен, что и Вам понравится» [3]. В представлении современников Фофанов — талантливый самородок, «поэт милостью божьей», которому, к сожалению, слишком часто недостает поэтической культуры.

В наброске воспоминаний Репин воспроизводит облик поэта в те годы, живописно воссозданный им тогда же в отличном портрете, широко известном в репродукциях (местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно). «Я знал, — рассказывает Репин, — всю плеяду современников, талантливых товарищей К. М. Фофанова... Какой несомненный — типичный образ поэта из всей этой компании представлял собою Фофанов! Особенно ярка в нем была черта почти религиозного культа служения поэзии... Я всегда приятно был удивлен тоном его традиционной величавости, когда он переступал порог своего храма. Совершалось преображение... И Фофанова уже нельзя было узнать: он казался — в длинном сюртуке, с высоким воротником и гофрированными манжетами — вдохновенный, недоступный, важный идеей своего высокого поста...» [4]

Репин здесь не упоминает о том, что в повседневной жизни Фофанов, жестоко страдавший от наследственного алкоголизма, чаще бывал жалок.

В том же 1887 году, когда вышла его первая книга, Фофанов женился на Лидии Константиновне Тупылевой, которой посвящены многие его стихи. Они познакомились, когда Лидия Константиновна

---

[1] «Новое время», 1887, 6 марта.

[2] П. П. Перцов. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 125.

[3] И. Е. Репин. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950, стр. 25.

[4] «Дачница», 1912, 22 июня.

была еще четырнадцатилетней восторженной гимназисткой, через сестер поэта обратившейся к нему с просьбой написать стихи в альбом. По окончании гимназии она уехала воспитательницей в Кронштадт, отвергнув по настоянию родителей предложение поэта, лишенного состояния и положения в обществе. Она даже собиралась поступить в монастырь. Это нашло отражение в стихах Фофанова. Появление сборника «Стихотворения» несколько укрепило общественное положение поэта в глазах родителей невесты, — вторичное предложение было принято.

Конец восьмидесятых годов — наиболее счастливый в жизни Фофанова период, отмеченный, в частности, и относительным материальным благополучием. Спустя два года после первой книги А. С. Суворин издал второй сборник Фофанова — «Стихотворения» (1889).

В марте 1890 года жизнь Фофанова омрачает тяжелое психическое заболевание. После длительного лечения Фофанов по совету врачей переселяется в Гатчину.

В 1892 году появляется третья книга Фофанова — «Тени и тайны», едва ли не лучшая из всех. Одновременно в издании «Московской иллюстрированной газеты» выходит его пространный рассказ в стихах «Барон Клакс», во многом, несомненно, навеянный «Евгением Онегиным». Еще через четыре года А. С. Суворин издает «Стихотворения» К. Фофанова в пяти частях: «Маленькие поэмы», «Этюды в рифмах», «Снегурка», «Майский шум» и «Монологи». В это собрание вошла значительная часть книги 1889 года, но не были включены стихи из сборников 1887 и 1892 годов, сохранивших, таким образом, самостоятельное значение.

Это время творческого расцвета Фофанова и вместе с тем время наибольшего успеха его поэзии, по определению П. П. Перцова — «фофановский» период («приблизительно с 1887 г. — года смерти Надсона, по 1895 г. — год появления первых характерных изданий символистов» [1]).

2

Одним из первых критиков, отметивших стихи Фофанова как явление незаурядное, был С. Я. Надсон, который еще в мае 1886 года писал: «Упорно надеясь рано или поздно заинтересовать читателя русской поэзией, обыкновенно игнорируемой нашей крити-

---

[1] П. П. Перцов. Литературные воспоминания, стр. 153.

кой, я обращаю его внимание на молодого поэта г. Фофанова, обладающего, по-моему, большим дарованием чисто художественного оттенка. К сожалению, г. Фофанов преимущественно печатался в мелких журналах и поэтому известен немногим...». Перепечатав полностью стихотворение Фофанова «Когда, удалившись от зол суеты...», Надсон далее замечает: «Стихотворение это не без недостатков, но романс из него вышел бы прелестный, певучий, грациозный» [1].

Особое значение этот отзыв имел, несомненно, для самого Фофанова; оценка — «дарование чисто художественного оттенка» — безусловно воспринималась им как похвала. Надсон был одним из наиболее любимых и уважаемых поэтов. Характерно, что Фофанова привлекали в творчестве Надсона отнюдь не гражданские тенденции. «В самой музыке его стихов, женственной и тонкой, как кружево, чувствуется жалоба его музы, — писал Фофанов, пытаясь анализировать поэзию Надсона, — и напрасно порой он старается проклинать. Его проклятия звучат надорванным стоном» [2].

Творчество К. М. Фофанова не случайно с самого начала встретило одобрение и поддержку со стороны защитников «чистой поэзии», в частности — законодателя критических нравов «Нового времени» В. Буренина, который снисходительно, но настойчиво противопоставлял «наивную, небрежную, даже порою неряшливую музу» Фофанова проявлениям демократизма и гражданственности в поэзии — «фразистой рутине» [3], поэзии С. Я. Надсона в том числе. Также и официозный «Правительственный вестник» хвалит Фофанова за отсутствие «утомившей русскую читающую публику тенденциозности», за «очевидное сочувствие идеям чистого искусства» [4]. Идеи «чистого искусства» — не без влияния реакционной критики — проникают в сознание Фофанова, во многом определив формирование его идейных и художественных позиций. Во многом, но далеко не во всем. Творческий облик Фофанова не лишен глубоких, присущих его времени, противоречий, что не всегда принималось во внимание при оценке его поэтического наследия.

Мир поэзии в творчестве Фофанова противостоит, как правило, миру действительности. Поэзия Фофанова фантастически расцвечивает серые будни, отражая не столько реальность жизни, сколько восторженные, несбыточные мечты. Поэт не скрывал их полную

---

[1] С. Я. Надсон. Литературные очерки. СПб., 1887, стр. 42.
[2] ЦГАЛИ.
[3] «Новое время», 1887, 6 марта.
[4] «Правительственный вестник», 1889, № 65.

отрешенность от действительности. С наивной искренностью он сам признавался в этом:

Не правда ль, всё дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.

И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..

В них белопенные каскады
Шумят, свергаяся с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.

В них ты — блистательная фея;
В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

Жизнь Фофанова представляет собою цепь прозаических и будничных лишений: постоянная, непреодолимая нищета, болезнь, осложнившая и без того нелегкое существование (а потом и психическое заболевание жены поэта), дети — всего одиннадцать человек, из которых двое умерли в раннем возрасте. Самоотверженная преданность жены поэта обеспечивала зыбкое материальное равновесие и уют домашнего очага. Тем не менее характерно, что поэтическая драма, воплощенная в лирике Фофанова конца восьмидесятых — начала девяностых годов, решительно никак не соотносится с его житейской трагедией.

Не случайно современники Фофанова видели в приведенных выше стихах поэтическую декларацию. Два мира — поэзия и повседневность. Два царства — как день и ночь: «В темном царстве влачится ряд пасмурных дней, а в лазурном — мгновенье прекрас-

ное». Декларативность многих стихов Фофанова очевидна — в них нескрываемое торжество идеалов «чистого искусства», чистого не только от общественной злобы дня, но и от обычных житейских забот и скорбей. Но если бы поэзия Фофанова действительно состояла из одних лишь «фантазий» да «иллюзий», трудно было бы понять, тем более объяснить, что же привлекало в ней великих современников поэта Толстого и Чехова, едва ли склонных тешиться иллюзиями красоты и гармонии.

Между тем сложившийся в восьмидесятые годы поэтический облик Фофанова надолго сохранился в сознании современников. Он — воплощение отрешенного от жизни, возвышенного романтизма. Любивший стихи Фофанова за их проникновенный лиризм, Л. Н. Толстой однажды заметил сердито в своей записной книжке (ноябрь 1906 г.): «Любовь Фофанова? — такой уже не было» [1]. Почти одновременно с Толстым, работая над пьесой «Последние», М. Горький заставляет свою героиню Веру, очень юную девушку, некогда верившую «высоким» словам, но обманутую пошлой и подлой жизнью, со злыми слезами декламировать фофановские стихи: «Звезды ясные, звезды прекрасные нашептали цветам сказки чудные. . .» — одно из самых популярных стихотворений Фофанова — поэтический эквивалент «красивого обмана», любви, которой «не было».

В «Очерках по истории русской литературы», вышедших еще при жизни поэта, С. А. Венгеров рекомендовал Фофанова как одного из талантливейших поэтов, стремившихся к «чистому искусству»: поэзия его, по словам Венгерова, «представляет собою редкий образчик творчества, почти отрешенного от условий места и времени. Он живет в своем особом мире неясных видений и смутных настроений и отдается песнопению почти бессознательно. . .» [2] Эта оценка творчества К. М. Фофанова по сути дела традиционна, ее же повторяет и М. Клеман — автор одной из немногих работ, посвященных Фофанову в послереволюционный период, — во вступительной статье к сборнику «Стихотворений» К. Фофанова, вышедшему в 1939 году в Малой серии «Библиотеки поэта». «Художественное зрение поэта, — пишет он, — сильнейшим образом обусловлено его романтическим мироотношением, носящим идеалистический характер. Для лирики Фофанова чрезвычайно типичен идеалистический мотив противопоставления поэзии и прозы, мечты и дей-

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 55. М., 1937, стр. 391.

[2] С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907, стр. 141.

ствительности... Творческое вдохновение, по мысли Фофанова, вырывает художника из власти действительности...»[1]

Эта традиционная характеристика творчества Фофанова, в сущности, верна. Но нельзя не видеть и ее ограниченности. В лирике Фофанова есть множество декларативных подтверждений его излюбленной мысли о «двух царствах», «двух мирах». Но поэзия Фофанова не сводится к его декларациям, как бы ни были они красноречивы.

Пусть сам поэт охотно признается в том, что искусство для него — волшебный мир вымысла и фантазий:

Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества:
И гармонические грезы,
И музыкальные слова.

Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд...

А в другом стихотворении — «Душа поэта», вошедшем в книгу «Иллюзии» (1900), — он сравнивает душу поэта с таинственной пещерой, в глубоком сумраке которой — «гении неба и хищные звери», где «веет цветами забытого рая» и где «премудрость» мешается с «ложью больною».

Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокочет,
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.

Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампады, —
Скрываются в норы
И змеи и гады...

Узорами радуг
Свивается плесень,
И слышатся звуки
Торжественных песен.

---

[1] К. Фофанов. Стихотворения. Л., 1939, стр. 16—17.

Во всем этом Фофанов не оригинален. Он откровеннее и проще других современных ему поэтов излагает эстетические взгляды, чрезвычайно характерные для поэзии его времени, представленной именами поэтов младшего поколения школы «чистого искусства»: Апухтина и Голенищева-Кутузова, Цертелева и Андреевского, которых критика так часто объединяла в своих упреках, не без основания обвиняя их всех в отсутствии твердой художественной позиции, в безликости и несамостоятельности. И для Цертелева жизнь — «бесконечный ряд призраков», «вечно мелькающих снов», и Голенищев-Кутузов стремится уйти от жизненной прозы в «замок красоты», за «волшебные стены». В основе поэтических взглядов большинства из них — одно и то же противопоставление: «мир лжи и прозы» — «искусства идеал». Подобные мотивы ранее встречались у Алексея Толстого, у Фета, у Полонского. Конфликт между поэтом и толпой, между веяниями времени и «вечными» идеалами красоты и искусства — обычен для поэтов школы «чистого искусства». Его истоки можно различить еще дальше — у Пушкина и Лермонтова, у поэтов-романтиков, но там этот конфликт имел совсем иное, общественное значение, утраченное в творчестве сторонников искусства для искусства, у которых мы уже не найдем присущей стихам Пушкина и Лермонтова социально-исторической конкретности, их гражданского пафоса.

Эстетические декларации Фофанова недвусмысленно и вполне последовательно «перекликаются» с первоначальными истоками идеи «чистого искусства», как нельзя лучше раскрывая смысл и характер эволюции традиционного поэтического конфликта.

От пушкинского столкновения «поэта» с «чернью» («Ты — царь, живи один, дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...») в стихотворении Фофанова «Мир поэта» сохраняется лишь внешняя словесная оболочка — абстрактная поэтическая формула: «Везде поэт, как царь, как гордый царь в изгнаньи...» При этом пушкинская идея свободы творческого гения, его независимости от воли и законов враждебной поэту общественной стихии — придворной «черни» — превратилась в отвлеченную и по смыслу очень далекую от пушкинской идею противопоставления поэтического творчества самой жизни, окружающей поэта действительности:

Он носит мир в душе прекраснее и шире,
Над ним он властвует, как вдохновенный бог,
А здесь, в толпе людской, в слепом подлунном мире,
Он только раб тревог...

В то время как у Пушкина поэт мечтает о свободе «свободного ума», свободе волеизъявлений, мыслей, чувств творческой личности от велений «толпы», от тирании власти, — у Фофанова поэт абстрактно любит «солнце грез» и ненавидит «тьму», «он хочет властвовать, он хочет наслаждаться, не покоряясь никому». Власть и свобода, которых он жаждет, — абстрактны, нереальны. Пушкинская идея гражданской независимости Фофанову чужда, он подменяет ее идеалистическими рассуждениями об искусстве, стоящем над жизнью, вне реальной действительности.

Эстетические декларации Фофанова часто непоследовательны и противоречивы, они не исчерпывают реального содержания его лирики, которое в целом не дает основания утверждать, что поэзия Фофанова не связана с жизнью, свободна от веяний времени, лишена социального смысла. Сами декларации эти во многом вызваны явлениями социального порядка. «Чистое искусство» — понятие в достаточной степени условное. И даже современная поэту критика, в представлении которой Фофанов — живое воплощение «чистой поэзии», видела в нем прежде всего типичного представителя эпохи восьмидесятых годов, поэта чрезвычайно характерного именно для своего времени. «Широкий размер чувства, всеобъемлющая страсть, великое дело не находят отражения в его стихах, потому что их не было и в окружающей его действительности», — писал о Фофанове Пл. Краснов в статье под многозначительным заголовком «Поэт нашего времени» [1].

Наряду с миром «иллюзий» в поэзии Фофанова отразился иной мир, ненавистный порою поэту, мир жестокий и реальный. Противопоставляя «лазурному» миру искусства земную «прозу» и «ложь», Фофанов большей частью вовсе не имеет в виду некие отвлеченные понятия; напротив, он отталкивается от очень реальных, не чуждых и прямого общественного смысла представлений. Если «поэзия» в

---

[1] «Книжки Недели», 1898, № 8, стр. 235—236. Пл. Краснов, как и некоторые другие критики, сопоставляет Фофанова, «певца безвременья», с А. П. Чеховым, адресуя им обоим упрек в неспособности подняться до истинных дел и страстей. Отвечая на подобные критические высказывания, Чехов писал еще в марте 1890 года И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Если критика, на авторитет которой Вы ссылаетесь, знает то, что мы с Вами не знаем, то почему она до сих пор молчит, отчего не открывает нам истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, поверьте, давно бы уж указала нам путь, и мы знали бы, что нам делать, и Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор... и Вас не тянуло бы в театр, а меня на Сахалин...» (Полн. собр. соч., т. 15. М., 1949, стр. 42).

его понимании — это красивая греза, то «проза» будней, воплощенная в его стихах, — не что иное, как грубая и скорбная правда жизни. Она в ряде случаев ощутима и в поэтических декларациях Фофанова. Показательно в этом смысле стихотворение «Два мира», развивающее обычную для Фофанова тему двойственности его мировосприятия:

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанье и мечты,
А здесь — борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!

Там — свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари.
А здесь — ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...

Стихотворение «Два мира» написано в апреле 1886 года, но известно, что до этого, в начале восьмидесятых годов, Фофанов писал многочисленные стихи, посвященные непосредственно борьбе и казни народовольцев. Это — «Молитва» (1881), «Хоть грустно мне, за них, но я горжуся ими...» (апрель 1881), «Грядущее, безмолвная пещера...» (1881), «Узник» (1882), «Мечтания» (1882), «Привели его к допросу люди...» (1883), «Рассказ могильщика о казни» (Отрывок из поэмы), «Мне снилось, сожгли мы царей-палачей...» (1883), «На смену смолкнувших певцов...» (1885). В архиве поэта сохранились отрывки и наброски стихотворений художественно беспомощных и незрелых, но тем не менее явно свидетельствующих о глубоком сочувствии поэта казненным героям. Некоторые из такого рода стихотворений вошли в первый сборник Фофанова, в том числе «Я обращаю речь к вам, выброски природы...» и «Погребена, оплакана, забыта...» Последнее стихотворение, по свидетельству близких Фофанову людей, посвящено Софье Перовской.

Это вовсе не поэтическая условность для Фофанова — «ряды развенчанных кумирен, потухшие безмолвно алтари», весь этот «злобный мир безумья и тревоги»; это лишь обычная для того времени условнопоэтическая фразеология, принятая для выражения конкретных общественных представлений.

Поэт живет в мире угасших надежд и несбывшихся ожиданий, в стране поруганных пророков, в годы общественного упадка и разочарования, когда недавняя борьба за социальный прогресс — революционно-демократический подъем в России шестидесятых го-

дов, движение народников в семидесятые годы — уже воспринималась многими как «борьба за призраки свободы», а ее идейные вдохновители представлялись российскому обывателю как развенчанные кумиры. Это был канун нового революционного подъема, в ту пору для Фофанова (да и не только для него) не ощутимый. «Наше время унылое и весьма скептическое», — писал в январе 1888 года В. Г. Короленко, вспоминая «песни» недавнего прошлого, которые теперь уже не звучат, потому что «эти песни, чтобы нравиться, требовали аккомпанемента в общем настроении, которое уже миновало» [1].

«Мы — поздние певцы», — с горечью признается Фофанов в одном из стихотворений 1891 года:

Мир злой и обветшалый
Оставил только то для нас,
О чем не грезил он, что проклинал, усталый,
Стремяся рухнуть каждый час.

В стихотворении «Отошедшим» (1889) Фофанов с искренней печалью оплакивает «старых глашатаев свободы», он видит с горечью, как «смерти торжеству внимает скорбь живых». И поэт завидует «отошедшим»:

...Они родилися в мятущиеся годы,
В дни предрассудков роковых!

В те дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мрак отчизны дорогой...
При них порвалися гнилого рабства звенья,
От них повеял дух благого просвещенья
Над пробужденною страной.

Понятна их борьба, разумна их тревога,
Благословен их трудный путь.
Страдая и любя, они творили много —
Их есть чем помянуть!

Поколению шестидесятых годов, вдохновленному борьбой за освобождение крестьян от «гнилых» цепей крепостничества, поколению мятущемуся и целеустремленному, Фофанов противопоставляет свое — бессильное и «робкое, больное поколенье»:

---

[1] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. 3. М., 1936, стр 27.

Смирив в своих сердцах пытливое волненье,
Мы всё хотим простить и всё благословить,
Но цель потеряна, кумир давно разрушен;
Мы к миру холодны, и мир к нам равнодушен...
Мы не умеем жить!

Поэт безвременья, Фофанов не скрывает зависти к недавним временам общественного подъема; его уход в мир иллюзий и поэтических грез в большой степени обусловлен и этим сознанием ничтожной серости общественного существования в «глухие годы» реакции. Его протесты редки и бессильны, — Фофанов еще во многом следует Надсону, однако надсоновская «гражданская скорбь» все чаще представляется ему лишенной смысла, бесцельной. В то же время Фофанов не может ей не сочувствовать, не поддаваться время от времени ее влиянию. Один из идейных вождей народничества, Н. К. Михайловский, с иронией заметил, что в поэзии Фофанова, социально пассивной в целом, встречается иногда и «гражданская скорбь» и «тенденция». «Только уж очень они робко, стыдливо, как-то бочком протискиваются между звездами и цветами». Они — «как маленькая запятая, которую робко и неуверенно ставит гимназист приготовительного класса, хорошенько не знающий, нужна ли тут запятая, а так, на всякий случай» [1]. Фофанов искренен в своих гражданских чувствах: он не приемлет «тенденциозной» поэзии, потому что время ее прошло, но вместе с тем он внутренне симпатизирует ее «отошедшим» творцам. Его демократизм уже не поднимается до их публицистического накала и даже до надсоновских «бесплодных рыданий», он «протискивается» в лирику Фофанова окольными путями, лишенный былой гражданственности, «скорбный» и уже окончательно бессильный.

В цитированном выше письме к Михайловскому В. Г. Короленко, сам отнюдь не склонный к унынию и скептицизму, подчеркивает существеннейшую разницу в отношении к литературному «герою» в шестидесятые и в восьмидесятые годы. Былой жажде «героев»-борцов, являющих образец общественного поведения, он противопоставляет характерные для наступившего времени поиски «уже не героя, а *всамделишнего,* настоящего человека, не подвига, а душевного движения, хотя бы и не похвального, но непосредственного». Короленко приводит в качестве примера творчество Чехова, но тут же отмечает: «Мы, как всегда, идем в этой реакции слишком далеко

[1] Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1909, стр. 614—615.

и отрицаем не только выдуманных героев, но и самый «момент» (если так можно выразиться) героизма, который хотя бы и в микроскопических дозах все же присутствует в каждой почти душе. . .» Он сетует по поводу того, что критика в поисках «подлинных» переживаний готова умиляться умению Чехова показать извозчика, улицу, дачу, а все, что выходит за пределы заурядного, обывательского быта, признает за натяжку, — все то, что характерно для самого Короленко, например когда он ведет за собою читателя «в тюрьму, ссылку, в сибирские леса, в якутскую юрту». Одно дело, признает Короленко, «изобразить правдиво», иное — выбор темы. Одного из критиков, замечает он, привело в восторг стихотворение Фофанова «На даче» с его «чеховским», «реалистическим» описанием бытовых подробностей — «дачки» и «балкончика». Стихотворение рисует дачный вечер, «влажные сумерки», замелькавшие в окнах домов «огоньки», движения души человеческой, не похвальные, но непосредственные, мечты — говоря попросту — мелкие:

Мы утомилися долгой прогулкой,
Верно, давно поджидает нас дома
Чай золотистый со свежею булкой. . .
Глупое счастье, а редким знакомо.

«Дачный вечер, дачная луна, стакан чаю и булка, свежая булка, — усмехается Короленко. — Как это близко, как это понятно петербургскому гомункулу... Это *реально*». А ведь существуют сотни людей, замечает он, поставленных не менее реальными условиями русской действительности в необходимость считаться с обстоятельствами, которые критика считает «романтическими бреднями».

Что это — упрек «реальной» поэзии? Призыв к героической «романтизации», к «песням» шестидесятых — семидесятых годов? Нет. Оставаясь в душе «романтиком», Короленко признает в то же время, что «реакция от романтизма к крайнему реализму заходит, быть может, слишком далеко, но все же она законна и плодотворна... Мы научимся, — пишет он, — разбираться вообще в душевных движениях, научимся не лгать в этой области, не извращать человеческую природу, а затем уже с этим знанием доберемся и до высших творчески существенных мотивов. . .» [1]

Любопытно отметить, что для Короленко, воспитанного на революционно-демократической литературе, Фофанов с его миром

---

[1] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. 3. М., 1936, стр. 27—29.

пассивно-романтических иллюзий, с его воспеванием маленьких человеческих радостей, с его наивной поэтизацией сереньких будней, которые он силится принарядить средствами поэтической фантазии, — отнюдь не романтик, но представитель самого что ни на есть «приземленного» реализма, «реализма на подножном корму» — как сказал бы Маяковский. «Иллюзии», «грезы», «мечты» Фофанова — воплощение дешевых мещанских идеалов «поэзии» и «красоты». Пассивность и умиротворенность этой лжеромантики Короленко, естественно, воспринимает как пошлость.

Лирику Фофанова отличает насыщенность психологическими оттенками, в которых поражает богатство ощущений — не чувств, что, в сущности, представляет собою развитие другой тенденции «чистой поэзии», не менее характерной для этого поэтического направления, чем противопоставление мира искусства миру действительности, — тенденции, воспринятой Фофановым от Тютчева и Фета, в творчестве которых столь заметно было стремление разобраться в душевных движениях вообще, не лгать в этой области, выразить правдиво человеческую природу в ее непосредственных ощущениях, настроениях, душевных порывах.

3

Чехов писал в январе 1888 года Д. В. Григоровичу: «Из поэтов начинает выделяться Фофанов. Он действительно талантлив, остальные же как художники ничего не стоят. Прозаики еще туда-сюда, поэты же совсем швах. Народ необразованный, без знаний, без мировоззрения. Прасол Кольцов, не умевший писать грамотно, был гораздо цельнее, умнее и образованнее всех современных молодых поэтов, взятых вместе»[1]. Выделяя Фофанова из круга современных ему молодых поэтов, «необразованных», лишенных мировоззрения, Чехов скорее всего имел в виду его стихийную одаренность и то, что Горький впоследствии называл «эмоциональной грамотностью», а также цельность и органичность мировосприятия, внутреннее своеобразие Фофанова, без которого нет и не может быть истинного таланта. Поэзия Фофанова вырастала на песенной (не народно-песенной, как у Кольцова, но уже литературно опосредствованной, от Кольцова идущей) мелодической основе русского стиха. Заметим, что сам Фофанов из всех поэтов, повлиявших на него, — кроме обожествляемого им Пушкина, — особенно выделял именно Кольцова.

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1949, стр. 16.

Так, в наброске незаконченной статьи о Кольцове он с гневом ополчается на критику по адресу этого «гения из народа» со стороны людей, «недостойных развязать лыко его лаптей». «С презрением они критикуют не только произведения великого поэта, но даже его чувства, примыкая к ним узкую мерку бюрократа, выросшего среди тесных улиц города». Фофанову припоминается гоголевская «птица-тройка». «Да ведь это шире, чем Россия!» — восклицает он. — «Это — Русь!» И он продолжает понравившееся сравнение с тройкой: «Три величайших гения, на которых мчится русское народное искусство и которым разве не откликнется русская земля, — пишет Фофанов, — это Гоголь, Глинка, Кольцов! Люди, не оторванные от почвы, со всеми своими достоинствами и, может быть, недостатками, они — гении своего века, тесно и неразрывно связанные с организмом народной жизни». [1]

Эта связь с «организмом народной жизни», с народно-поэтической стихией, подчас обнаруживается и в творчестве самого Фофанова, который иногда обращается к картинам из народной жизни, к русскому (но и не только русскому) фольклору. Фофанов писал поэмы и сказки, баллады и повести в стихах, используя фольклорные сюжеты, испытывая при этом и стилевое влияние народной поэзии. Так, его поэмы «Волки», «Ревнивый муж» (с подзаголовком «Народная былина»), «Старый дуб» близки по своему строю к народной балладе. На сюжеты народных баллад написаны многие стихотворения Фофанова, такие как «Невеста», об умирающей девушке.

В отличие от стихотворений А. К. Толстого на былинные сюжеты, произведениям Фофанова в этом роде одинаково чужды и ирония и стилизация. Это чаще всего поэтические переложения готовых сюжетов, сохраняющие присущее их фольклорным первоисточникам чувство народного юмора, отточенную и демократическую в своей основе афористичность. Это особенно относится к сказкам «Каменотес» (по мотивам японской сказки) и «Очарованный принц». Нимало не претендуя на сюжетную самостоятельность, они легки, изящны, мелодичны, выразительны по языку.

В лирике Фофанов с большой любовью показал природу и быт родного края. Он находил живые, свежие краски, рисуя «серых деревень заплаканный простор и в бледной дали лес зеленый». Называя себя «внуком простонародья», Фофанов по-своему гордился «милою деревней, где страсть полней и песня задушевней». Он признавался искренне:

---

[1] ЦГАЛИ.

...Ты видишь, я готов
Сменить тоску нарядных лестью горниц,
Где зреет страсть завистливых затворниц,
Лукавых жен, холодных дочерей,
Кичащихся лишь немощью своей, —
На скромный дар заветных огородов,
На золото колеблющихся нив...

(«Наш домовой»)

Здесь, как и в сценках из народного быта, Фофанов ближе к лирической стихии Пушкина и Кольцова, чем к Некрасову с его страстной социальной проповедью. В эпоху политической реакции, когда открытая тенденциозность и действенный демократизм некрасовских традиций в русской поэзии были преданы, подвергались насмешкам и поруганию, когда даже тоскливые порывы гражданского отчаяния у Надсона служили достаточным поводом для критической травли (такого рода травле подвергался С. Я. Надсон в последний год своей жизни со стороны суворинского «Нового времени»), — мягкая, приглушенная демократичность лирики Фофанова воспринималась порою как широта воззрений, чему способствовала и некоторая переоценка личности Фофанова и его творческих возможностей. Так, в одном из литературных домов, в отсутствие Фофанова, маститый А. Н. Майков провозглашал: «Знаете ли, господа, кто, по-моему, у нас теперь самый талантливый, самый крупный поэт, приближающийся к Пушкину? — И, не дожидаясь ответа, заключил: — Это наш приятель Фофанов! В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и — будь он начитан и образован — это была бы гордость русской литературы» [1].

Это очень характерно для Фофанова — восторженные отзывы с одной стороны, и... весьма сдержанные, подчас даже насмешливые критические оценки — с другой. И то и другое находит обоснование в его творчестве.

Лирическое своеобразие Фофанова во многом объясняется неожиданным соединением иллюзорного мира «поэтических грез» с выразительно точным изображением окружающей поэта реальности; в его поэзии странно контрастируют фальшивые «поэтические» блестки с тонкими психологическими находками, близкими к откровению: «любовь», которой «не было», вторгается в исторически и психологически конкретный духовный облик лирического героя своего времени.

---

[1] А. Измайлов. Принц и нищий. — «Исторический вестник», 1916, кн. 5, стр. 468.

Валерий Брюсов, высоко ценивший Фофанова, видел особый смысл в противоречивости его творчества: «Через всю поэзию Фофанова, — писал он, — проходит эта борьба двух начал: романтизма, зовущего поэта укрыться в «гротах фантазии», и человека наших дней, смутно сознающего все величие, всю силу, все грозное очарование современного мира. В этой борьбе — истинный пафос поэзии Фофанова»[1].

В стихи, проникнутые страстью к «поэтическим», «красивым» образам и словам: ко всем этим «звездам», «сказкам», «гротам», «теремам», «зефирам» и «фимиамам», — жизненная реальность вторгалась как будто бы исподволь, часто — в пейзаже. «Фантазии» Фофанова не богаты воображением, однообразны по слогу; они поэтически банальны и для того времени. Иногда и пейзажи бывают у него фантастичны: «слезы божества» — озера, весна — «царица светлых дум»; «сладкоструйные воды», «лазурные воды», «гроты голубые», «эфиры», «ароматы», «алтари» столь же часто встречаются в стихах Фофанова, как и напыщенные эпитеты, уподобление природы драгоценностям, слащаво-выспренний пафос «песнопений». Но рядом с этим — иной мир, особенно в городском, петербургском пейзаже, почти всегда живописно точный, психологически выразительный, фиксирующий душевное состояние человека, воспринимающего создаваемую поэтом картину.

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят.
Немеркнущий закат дробит свой отблеск алый
В окошках каменных громад. . .

Здесь возникает поэтический образ богатого капиталистического города, как бы предваряющий раннего Брюсова, символистов.

В «петербургских» стихах Фофанова нет лирической цельности, как было у Пушкина, — нет гордого пафоса личности, осознавшей себя в истории; нет и обстоятельной точности некрасовских петербургских уличных сцен с их социально выразительной завершенностью психологических типов.

Петербургский пейзаж у Фофанова кажется призрачным, он возникает из внезапно выхваченных из мрака разрозненных деталей: «Вот дрожки поздние в тиши продребезжали — и снова тишина вокруг». В напряженной, враждебной человеческому сознанию тишине мысли поэта тоже разрозненны, тревожны, — в них болезненная острота, напоминающая обостренную чувствительность героев Достоевского.

[1] В. Брюсов. Далекие и близкие. М., 1912, стр. 158.

...Город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой:
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной...

Кажущаяся дробность, случайность поэтических впечатлений у Фофанова — явление еще необычное в русской поэзии, хотя и не совсем новое уже в ту пору. Фофанов лишь заметно усилил импрессионистические тенденции, присутствовавшие в лирике Фета, с которым его связывает несомненная поэтическая преемственность. Зыбкость лирических образов, мимолетность ощущений, столь характерные для Фофанова, часто высмеивались современной ему критикой. Фофанова упрекали в нарочитом пристрастии ко всему туманному, смутному, неясному, неопределенному, непонятному:

Где-то торопливо скрипнула калитка,
Кто-то раздвигает влажную сирень...

Критик «Недели» Пл. Краснов находил эти строчки деланно туманными. Самый интерес поэта к оттенкам чувств и переживаний вызывал язвительные замечания. «Он уже потому не может распознавать общественных настроений, — иронизировал критик, — что на него гораздо сильнее влияет изменение погоды»[1]. Но критика не всегда учитывала то, что в самой этой зыбкости и неопределенности мыслей и чувств сквозила расплывчатость общественных настроений тех лет. В разрозненности впечатлений был свой смысл и своя художественная выразительность.

Из полупризрачных деталей складывается своеобразие фофановского пейзажа, столь ценимое младшими его современниками, представителями «новых течений» в русской поэзии начала двадцатого века, и в первую очередь Брюсовым, чье раннее творчество во многом идет от таких, например, фофановских поэтических мотивов:

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей;
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.

Движенью пестрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали...

---

[1] «Книжки Недели», 1898, № 8, стр. 235.

«Пестрота» движения и звуков, отблеск газовых фонарей в окнах, суетность столичной улицы — всему этому Фофанов противопоставляет поэтическую «мечту» — о «серебре сверкающих озер», «сережках вербы опушенной», о «запахе полей», мечту о нетронутой, тихой и ясной природе. Эта композиция типична для фофановской лирики: печальная, спокойно-живописная, недвижная мечта противостоит «пестрой» и призрачной суете реальной жизни, реального Петербурга. С этим часто связана и художественная неравноценность стихов — даже в пределах одного цикла, а иногда и одного произведения. Обычное в поэзии Фофанова столкновение ложно и наивно понимаемой «красивости», мнимо глубокой философичности с живым и свежим восприятием реальной действительности, с образами простыми и точными, истинно поэтическими.

Я за́ город ушел; не слышно здесь движенья,
Не утомляет слух тяжелый стук колес...

Так начинается стихотворение «За городом». Но следом в стихи вторгается избитое поэтическое «откровение», за которым — мир грез и фантазий, противостоящий действительности:

И сходит в душу мне былое умиленье
Давно забытых дум, давно угасших грез...

Очевидна стилистическая неоднородность этих двустиший, их поэтическая неравноценность. Банальная «красивость» неразрывно сплетается в этом стихотворении с образами непосредственными, живыми, пластичными:

И шепчут надо мной пленительные сказки
Дрожащие листы застенчивых осин.
Как старость мирная за юностью счастливой,
Нисходят сумерки за утомленным днем,
Чуть стелется туман над золотистой нивой,
И вьются комары трепещущим столбом...

С одной стороны — традиционные «пленительные сказки», вычурные, с претензией на философичность сравнения, а рядом — эпитеты свежие и неожиданные, емкие и простые.

Сопоставление «поэзии» и «прозы», мечты и действительности, столь характерное в особенности для лирики Фофанова восьмидесятых годов, в дальнейшем принимает несколько иной характер. К середине девяностых годов поэзия Фофанова заметно обретает

черты более земные. Жизненно реальные картины начинают в ней перевешивать. Контраст будничного и возвышенного остается, но отношение поэта к тому и другому существенно изменяется. Интересно в этом отношении сравнить приведенное выше стихотворение из книги 1887 года «Не правда ль, всё дышало прозой...» со стихотворением на ту же тему 1894 года «Ты помнишь ли, подруга юных дней...» В первом из них Фофанов, развивая тему («всё дышало прозой»), как бы нанизывает цепочку поэтических отрицаний, достаточно банальных («Нам соловьи, пленившись розой, Не пели гимны в тьме ночной...» и т. п.), он противопоставляет «прозе» — «поэзию», созданную воображением («А посмотри — в какие речи, В какие краски я облек...»), все стихотворение строит на отрицании «прозы» жизни во имя поэтической фантазии.

Второе стихотворение начинается почти так же, с той же формулы-отрицания: «Не пел нам сладкогласный, Не пел влюбленный соловей...» Но дальше Фофанов рисует картины, дышащие «прозой жизни», которых прежде поэт упорно избегал касаться:

Встречалися с тобой мы в улицах туманных,
Осенним днем иль утром золотым,
Когда над городом из очертаний странных
Ткал город облачный, бегущий к небу дым.
Не музыка лесов широколистным воем
Приветствовала нас, а грузный лязг колес,
И барабанный бой солдат, идущих строем,
И крики торгашей, как шум несметных ос...

И все это, не будучи само по себе поэтичным, рождало тем не менее поэтическое настроение, «высокий» строй чувств:

Нас в душном городе теплом гостеприимным
Всё грело, всё влекло... И весь нестройный гам
Звучал мелодией, звучал победным гимном
Еще доверчивым сердцам!

Хаосу и пестроте повседневности Фофанов здесь противопоставляет не выдуманную «красивую» мечту, но гармонию душевного состояния, ту поэзию, что рождается в сердце, преображая весь мир вокруг, освещая тусклые будни фантастическим светом. Не город был другим, но был увиден по-другому, поэтому и пестрые картины не ужасали ум «бессмертной суетой». И все уродливое и нелепое, все

жестокое и жалкое не задевало сознания, вызывая в душе неожиданный и, казалось бы, странный отклик:

Всё взоры тешило мечтательностью яркой:
Усталый продавец под рыночною аркой,
Застенчивый бедняк с протянутой рукой,
Салопница, идущая с кухаркой, —
Неторопливая расчетливым умом,
И над рассыпанным желтеющим овсом
Веселых голубей откормленная стая —
Всё радовало нас, восторгом опьяняя,
Как шумно брызжущим вином...

Пейзаж у Фофанова — не параллель к человеческим переживаниям, не поэтическое воплощение мысли, не символ; он внутренне един с лирикой мимолетных и зыбких, субъективных человеческих чувств. Он сам иногда — отражение чувств человека. В других случаях пейзаж, напротив, — повод для ощущений, причина переживаний, он эмоционально активен, дает толчок движениям души.

В реальном мире, окружавшем поэта, природа была скудна и печальна. Здесь — «бледный день рождался для проклятий, безжизненный, как сердце без огня»; «слезился белый снег» и «обнажал в безлюдных скверах сосны». Иным казался мир природы в поэтических мечтах: там — «кручи скал и шум потоков пенных». Унылое бытие заставляло поэта уноситься воображением в «прекрасные края», смело сочетая при этом «волшебное с возможным», переживая грядущее мечтой. Но даже этот воображаемый мир величественной природы накладывал на душу отпечаток:

Весь мир умом пытливо облетев,
Исчерпав всё, что ярко и прекрасно,
Я стал чужой всему, и лишь былой напев
Звучит в душе моей неясно.

(«Любил я с детства темные леса...»)

От скудости жизненных впечатлений поэта влечет к мечтам о фантастическом «прекрасном мире», но мечты не только обогащают, но и обкрадывают душу, еще сильнее отвращая ее от окружающей повседневной действительности. В девяностые годы Фофанов все глубже начинает это осознавать. «Мечта» все больше отступает перед реальностью природы, жизни, ощущений.

Природа, которую знает Фофанов, бедна и однообразна — скупой на краски север с его редким солнцем, с его туманами и пас-

мурными днями. Пейзаж часто представляет собою как бы лирический эквивалент переживаний, переплетаясь с ними:

Родился день, как поздняя любовь.
Холодный день, без звуков и, зарею
Недолгою блистая, слился вновь
С безжизненной, полуночною мглою.

Он не раскрыл душистые цветы
И не принес желаний сердцу новых...

Унылый день — образ обманутых ожиданий, однообразного хода жизни, толкающего поэта к горькой мысли: «Лишь вымыслу доступна новизна — Для правды нет ее у человека...» Но и «вымысел» уже все меньше удовлетворяет Фофанова.

В девяностые годы в лирику Фофанова все чаще вторгаются оттенки чувств болезненных и странных, существующих где-то на грани разума. Так, в стихотворении «Чудовище», которое высоко ценили декаденты, картины бытия смешиваются с каким-то тревожным то ли образом, то ли просто ощущением, которое незримо присутствует в окружающем ли или в душе самого поэта.

Зловещее и смутное есть что-то
И в сумраках осенних и в дожде...
Оно растет и ширится везде,
Туманное, как тонкая дремота.

«Чудовище» глядит «свинцовыми очами» сумерек и «шепчется с вечерними тенями на языке, нам чуждом...» Оно мелькает «в сумраке неосвещенных лестниц, У тусклого прозрачного окна», «глядит в пролет» и слушает «унылый перебор глухих шагов по ступеням отлогим». «К мольбе людей и к воплям равнодушно, Оно скользит печально и воздушно...» Стихотворение передает глухую, затхлую, призрачную атмосферу петербургских трущоб, оно навеяно тревогой и тоской расстроенного сознания, но и оно по-своему отражает реальный мир и реальные человеческие ощущения и переживания. Вместе с тем «Чудовище» воссоздает образ таинственный и иррациональный. Потому и выделяли это стихотворение декаденты, видя в его «странном» образе шаг в сторону искусства нового склада.

«Я не знаю в русской литературе поэта более неровного, болезненного и дисгармонического...» — писал о Фофанове Д. С. Мережковский. В его представлении Фофанов — поэт резких и мучительных диссонансов, поэт городской, порождение безнадежных петербургских туманов, из которых вышли «полубезумные и таинственные»

герои Достоевского. «За каждым его вдохновением вы чувствуете смутный гул никогда не засыпающей столицы, похожий на бред — в сумраке белых ночей; одиночество бедных меблированных комнат, которое доводит всеми покинутых людей до отчаяния, до самоубийства; декорацию грязных улиц Петербурга, которые вдруг, в известный час вечера, при известном оттенке туманной зари, смешанном с голубоватым отблеском электричества, делаются похожими на фантастический и мрачный сон. Вы начинаете верить, что это — вовсе не шутка, когда поэт говорит вам о страхе безумия, о своей болезни, о нищете, о гибели...» Мережковского в Фофанове особенно привлекает все смутное, таинственное, болезненное. Между рифмами ему слышатся «живые стоны живого человека», и за это, за «капли теплой человеческой крови, прямо из сердца упавшие на страницы книги», он прощает поэту многое: «и дикость образов, и неуклюжесть формы, и наивные описания тропической природы, составленные по школьным учебникам географии» [1].

Глубокий и тонкий, неподдельный психологизм в творчестве Фофанова не часто звучит надрывною струной. Его лирике в целом чужда пессимистическая монотонность. Как бедная северная природа, она скупа на краски, но зато богата оттенками. В туманные и пасмурные дни он знает не одни лишь сумрачные настроения.

...Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.

В уме моем рождаются картины,
Одна другой прекрасней и светлей...
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то взошло в душе моей!..

В поэзии Фофанова — щедрое разнообразие оттенков настроений, в том числе — воплощенных в пейзаже.

В его стихах встречается не только излюбленный поэтом «осенний дождь в безветренную тьму», но и жизнерадостные, ясные картины весны, и щедрые летние грозы:

С полей несется запах хлеба
В разгоряченное лицо,
И опоясало полнеба
Румяной радуги кольцо.

---

[1] Д. С. Мережковский. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893, стр. 87.

Фофанов глубоко и тонко чувствует природу, ее оттенки, запахи и звуки. Он умеет передать малейшие изменения в ней, ту «перемену погоды», от которой зависит лирическое настроение, выраженное в его стихах. Не просто ночь, а ночь после грозы:

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем;
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком...

Поэту дан особый взгляд, который позволяет увидеть мир в его первозданной свежести и красоте, как будто узнанный впервые. И неприметное для всех, обычное и примелькавшееся — в стихах Фофанова часто выглядит чарующим и необыкновенным:

...Был вечер. Таяла веселая заря,
Всё светом розовым приветно озаря.
Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробегал; и шмель с гудящим шипом,
Качаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатою спиной.
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо паутина
Качалась серою, чуть видною струной
Меж гроздий наливных рябины молодой...

(«Первая заря»)

Это мир, впервые в красоте своей увиденный ребенком; сдержанное, умиротворенное настроение, вызываемое воспоминанием об этой «первой заре», передается и в замедленном перерывами фразы в середине стиха ритме, и в обилии запечатленных подробностей.

Гибкость и безыскусственность поэтической интонации, богатство ритмических и мелодических оттенков стиха, выразительность и экономность деталей позволяют Фофанову создавать подвижные и зримые картины природы, зачастую скрывающие в себе психологический и даже исторический подтекст. Но вместе с тем все это, несмотря на психологическую и часто историческую конкретность, — лишь полнота преходящих ощущений жизни. Поэзии Фофанова не хватает глубины обобщений. Мысль, озаряющая временами его пейзажные зарисовки, большей частью элементарна, приблизительна. Поэта занимает главным образом само впечатление — неясное, мимолетное. Он любуется летучей сменой настроений, в природе его

привлекают моменты, когда происходит внезапное преображение: рождение весны, осенние приметы — тот самый миг, когда свершилось нечто:

Лучами солнце брызнуло, —
Столбы косые пыльные,
Как струны, протянулися
Вдоль комнаты моей...

(«Лучи на закате»)

Фофанов может подолгу вглядываться в огонь горящей печки, видя там то «золотые города», то «мост чрез огненную реку», и «терема», и «лес из пламенных кораллов», — это не более как живая, увлекательная игра воображения, иллюзия жизни. Но с той же выразительной четкостью перед взором поэта возникают и реальные в каждой своей детали картины. Примечательно в этом смысле стихотворение «На поезде»:

Мы мчимся, как стрела, — всё мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая...

Смена картин перед глазами передает ощущение этой «фантастической» по тому времени скорости:

Вдали синеет лес неровною стеной,
Над ним кудряво вьются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи.
Мелькнуло кладбище...

Здесь Фофанов не может избежать невольно возникающих сравнений с «быстротекущей жизнью»; «Всё летит, как вольная мечта», и лишь луна в лучах вечернего заката «следить не устает наш торопливый бег, печалью тайною объята», — «Так жизнь вперед летит, — летит, как паровоз...» Сравнение, сейчас смешное, тогда уже казалось пошлым и само собой напрашивающимся, а философичность его — мнимой. Стихи Фофанова сильны отнюдь не глубиною рассудочных обобщений, но лишь живописной выразительностью поэтических картин, живостью и непосредственностью переданных в них ощущений и переживаний, запечатлевших исторически конкретный психологический облик человека, сына своей эпохи.

4

Импрессионистические тенденции, получившие развитие в поэзии Фофанова, преувеличенное внимание к оттенкам настроений и переживаний, стремление к иррациональности и субъективизму, равно как и формальные поиски мелодической стиховой выразительности, — «то, чего добиваются символисты, музыка слогов, от которой так и веет смутным настроением» [1], — все это обеспечило Фофанову признание со стороны представителей «новых течений» в русской поэзии второй половины девяностых — начала девятисотых годов. Немалую роль сыграли в этом и те больные, мистические струны в поэзии Фофанова, к которым настороженно отнеслась критика демократического толка [2] и на которые в первую очередь откликнулись декаденты.

Один из первых теоретиков модернистской поэзии, П. П. Перцов, писал впоследствии в своей книге воспоминаний о поэтах-«фофановцах», видя в Фофанове начала девяностых годов «наиболее признанного и наиболее характерного» представителя «юных течений», предшествующих поэзии модернизма, «центральное светило звездной системы — пусть и состоящей из астероидов» [3].

Фофанова охотно привлекали к участию в первых символистских сборниках и альманахах. Его творчество высоко ценили представители самых различных поэтических школ начала двадцатого века, видевшие в нем своего предшественника и учителя.

Валерий Брюсов писал Фофанову в начале девятисотых годов: «Юношеское увлечение, «влюбленность» (вот верное слово!) миновало, но осталось, может быть, лучшее — любовь, желание вновь и вновь становиться причастным дум и настроений, замкнутых в Ваших стихах. Никому из поэтов не обязан я так много за часы восторга и радости, как Вам» [4].

С чрезвычайным, преувеличенным восторгом обращается в своих стихах и письмах к Фофанову Игорь Северянин, не называвший его иначе, как «Мой Король!». «А я кое-что понимаю в поэзии, если люблю Лохвицкую и Фофанова!!.» — восклицал он [5].

В некрологической статье, посвященной Фофанову, Н. Гумилев

[1] В. Г. Короленко. Дневник, т. 1, 1925, стр. 268.

[2] См.: П. Ф. Гриневич (П. Ф. Якубович). Очерки русской поэзии. СПб., 1911, стр. 306.

[3] П. П. Перцов. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 153—154.

[4] Архив В. Брюсова в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

[5] Архив К. М. Фофанова, ЦГАЛИ.

писал: «В эпоху восьмидесятых и девяностых годов он говорил о свете добра, о весне, мае, соловьях и ландышах и заставлял себя слушать. Его образы, спокойные, ненавязчивые, были тихо красивы, хотя напоминали пейзажи, какие рисовались в те годы. Но иногда он загорался силою выражения и глубиною мысли. Таковы его стихотворения «Декадентам», «Чудовище» и «Северный полюс». Он был подлинный поэт, но из тех скромных поэтов, о которых в своем знаменитом стихотворении мечтал Лонгфелло, на вечер отрекаясь от „грандиозных поэтов, носителей громких имен, чьи стоны звучат еще эхом в глухих коридорах времени"»[1].

Существенно отметить, что сама эстетическая позиция Фофанова во многом приближается к требованиям, которые предъявляли поэзии символисты. Лирике Фофанова присуща та незамкнутость поэтического сознания, в которой К. Бальмонт видел основную заслугу психологической лирики, подготовившей возникновение символизма (Тютчев, Фет): «земная жизнь» для нее — «ряд звеньев гигантской цепи, оба края которой... уходят вдаль и, принимая теневой характер, незаметно теряются в бесконечности пространства и времени»[2]. Для Фофанова характерна созерцательность, способность запечатлеть мимолетность явлений, их призрачность. Отсюда уже недалеко до символистского понимания поэзии как отражения смутной и неопределенной мечты, в которой жизнь мелькает, как движущиеся тени, а мир становится фантасмагорией, создаваемой самим поэтом. Искусство — «дерзновение за грань» (Брюсов). Это все имелось в зачатке в лирике Фофанова.

Однако характерно, что, несмотря на всё, современники Фофанова не причисляли его к декадентам. Это подчеркивает в своей книге воспоминаний П. П. Перцов. Отмечает различие и Л. Н. Толстой, отрицательно относившийся к декадентам. Н. Н. Гусев в «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого» неоднократно приводит одобрительные отзывы Толстого о стихах Фофанова. В частности, прочитав в 1907 году «Стансы», Толстой сказал о Фофанове: «Лучше поэта нынче нет...» И тут же заметил: «Бальмонт — дрянь, декадент»[3].

Отношение самого Фофанова к представителям «новых течений» было сложным. В 1900 году вышла, изданная Сувориным, последняя и наиболее объемистая книга Фофанова «Иллюзии», которую откры-

---

[1] Н. Гумилев. Письма о русской поэзии. П., 1923, стр. 124.
[2] К. Д. Бальмонт. Горные вершины. М., 1904, стр. 71.
[3] Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960, стр. 580.

вало стихотворение «Ищите новые пути!», подхваченное модернистами, — поэтическая декларация, призывающая вырваться из тесных уз неумолимой и суровой действительности в область еще не изведанных грез.

Мечты исчерпаны до дна,
Иссяк источник вдохновенья!
Но близко, близко возрожденье, —
Иная жизнь иного сна!
Мечты исчерпаны до дна!..

В этих стихах представители «новых течений» видели отражение собственных упований и надежд. Но перед самим Фофановым они не открывали новой перспективы. Его попытки овладеть поэтикой символистов носят случайный и во многом искусственный характер. Так, он пишет «драматическую фантазию» «На полюсе». Она написана мастерски, но сама эта холодная, блестящая манера Фофанову органически чужда. Не случайно он почти одновременно с «драматической фантазией» пишет злое и темпераментное стихотворение «Декадентам», в котором решительно и безоговорочно отвергает притязания мнимых «новаторов», их ложный, искусственный пафос:

Бьют они в горячечную грудь
И вопят они о чем-то непонятном,
Но не их кадилом — ароматным
Свежим воздухом пора вздохнуть!

Прочь, рабы! И прочь, князья уродства,
Душен ваш бесчувственный огонь...
Прочь, фигляры! Маску донкихотства
Пусть сорвет с вас дерзкая ладонь!

В споре с декадентами Фофанов берет сторону «черни», «дерзкой, но искренней», которая не примет их больного, уродливого комедиантства.

Призыв «Ищите новые пути!», предпосланный книге Фофанова, не отражал и реальных творческих возможностей поэта, не отвечал характеру его поэтической эволюции. Книга «Иллюзии» во многих отношениях значительно слабее предыдущих сборников. Прежде всего она, как это ни странно, менее самостоятельна, менее оригинальна. Здесь слышнее чем где бы то ни было перепевы старых поэтов, особенно Лермонтова и Тютчева, в меньшей степени — Пушкина, Кольцова, Фета, Надсона. Речь идет о простой и наивной подражательности многих стихотворений.

Значительное место в книге «Иллюзии» занимают «Поэмы и баллады». В художественном отношении повествовательные стихи Фофанова значительно слабее его лирики. В этих вещах особенно ощутима небрежная недоработанность. В повестях и рассказах в стихах бросается в глаза эпигонская зависимость Фофанова от излюбленных литературных образцов, версификаторская легковесность. В поэмах Фофанов беспомощно и длинно перелагает известные, порой банальные сюжеты, перекликающиеся то с бытовыми поэмами Пушкина и Лермонтова, то с балладами Жуковского. Нет ничего удивительного в том, что большинство произведений Фофанова в эпическом жанре прочно забыто.

Стихотворные повести и рассказы Фофанова не спасают даже их реалистические намерения и демократизм. Длиннейшая «Поэтесса», задуманная как вольное повествование о мертвенной тупости русского провинциального быта, о петербургских литературных кругах, о судьбе женщины, посмевшей вырваться из тенет привычного и общепринятого существования, несмотря на благородство намерений, все-таки скучна, посредственна, неинтересна; повести в стихах не хватает не только живости и наблюдательности, но и прежде всего — подлинности, конкретности человеческих типов, характеров. В еще большей мере это относится к пространному рассказу в стихах «Барон Клакс», в котором Фофанов пытается возродить живую, ироническую манеру стихотворного повествования. Однако в рассказе нет ни реалистической выразительности бытовых деталей, ни живости характеров, ни остроты сюжета. Некоторые из этих качеств можно встретить в более удачной «Весенней поэме», сентиментальной по содержанию, но отличающейся легкостью стиха и занимательностью сюжета, что позволяет и сейчас читать «поэму» (точнее рассказ в стихах) с интересом.

Особое место среди поэм и рассказов в стихах Фофанова занимает опубликованная позднее поэма «Поэзия — бог», не лишенная горького юмора и во многом автобиографическая. Рефреном проходят в ней слова Жуковского «Поэзия есть бог в святых мечтах земли!». Здесь Фофанов набрасывает острыми чертами судьбу певца возвышенных иллюзий, поверившего с детства в божественность своего поэтического призвания, прославленного и — забитого жестокой нищетой.

Меж тем как где-нибудь в заброшенном селеньи
Счастливый юноша досужим вечерком
Восторженно твердит в его стихотвореньи
Созвучья легкие, склоняясь над столом;

Меж тем как стих его, затверженный украдкой,
Девица юная строчит в альбом подруг
И говорит о нем в мечтах с улыбкой сладкой:
«Как счастлив, кто создал такой волшебный звук!..»

Создатель этих нежных звуков живет, измученный нуждой, терпя насмешки, издевательства. Он тщетно бродит из одной редакции в другую, пытается занять немного денег у друзей. Друг — «как сапожник пьян и потчует вином. Напился и поэт. Идет, шатаясь, к дому. И на ночлег попал он в полицейский дом...» Поэт живет, завидуя бронзовым памятникам поэтов, которые не мерзнут в заснеженном сквере, в отличие от живого певца. Разочарованный, униженный, голодный, поэт в бессильном гневе на судьбу сжигает старые тетради со стихами. Но мир вокруг, плывущая над городом ночь и льдистая река — все возрождает в нем знакомые мечты:

...на небесах, в созвездиях Медведиц,
В лучистом бисере, в сверкающей пыли
Серебряных миров, услышал песнопевец:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

В поэме нет «иллюзий», в ней беспощадный взгляд на прожитую жизнь. О своем герое Фофанов повествует с горькой усмешкой. И все-таки ничто не заставило его отречься от своего бога — *поэзии.*

Судьба самого Фофанова перекликается с судьбой его героя. Литературное признание ничего, по существу, не изменило в его жизни. Перцов, познакомившийся с Фофановым в начале девятисотых годов, вспоминает о встречах с ним: «В моей памяти... остался... образ глубоко несчастного, приниженного жизнью, надорванного человека, — образ, так странно контрастирующий с впечатлением от его лучших вечно юных, вечно праздничных стихов». Перцов случайно встретил Фофанова в одной из редакций и удивился: «Какой-то приказчик из лавки», — подумалось о прославленном поэте. «Как нарочно, в редакцию в одно время с Фофановым зашел Блок — тогда еще совсем юный, в студенческом мундире, не вполне еще установившийся в своем внешнем облике и манерах. Но все-таки — какой контраст! Вот настоящий, прирожденный поэт, кого можно узнать с первого взгляда... Но Фофанов? Только одно в нем хоть сколько-нибудь отвечало ожиданию, давало намек на «поэта» — это глаза: ясные, нежные, застенчивые, в которых было что-то детское и вместе — «нездешнне»...»[1]

---

[1] П. П. Перцов. Литературные воспоминания, стр. 186—189.

В 1904—1905 годах Фофанов жил в Новгороде и в Старой Руссе. В Старой Руссе жил тогда и М. Горький; по просьбе биографа поэта В. В. Смиренского Горький рассказал о своих встречах с Фофановым, которого лично почти не знал, но часто видел на улицах и от которого иногда приходил человек с просьбой о деньгах. Фофанов «был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Репин»[1].

Приближались годы первой русской революции. Фофанов был захвачен общим подъемом демократических и антимонархических настроений. Надо сказать, что и прежде приверженность к «чистому искусству» не мешала ему быть человеком чувствительным к социальной несправедливости. Он откликался и на голод (стихотворение «Голод»), и на отлучение от церкви Л. Н. Толстого. Позднее пользовались известностью его стихи, написанные в связи с полицейскими преследованиями, которым подвергся в Америке Максим Горький («В свободном городе Нью-Йорке поэтов лавры очень горьки. . .»).

«Я — убежденный демократ», — писал Фофанов в одном из своих последних стихотворений, и даже заявлял в стихах: «Социалист я по призванью». Разумеется, этого мало, чтобы судить об определенных, сложившихся общественных взглядах Фофанова, но и не учитывать демократических настроений поэта, говоря о его творчестве, было бы несправедливо.

В 1905 году Фофанов написал пьесу в стихах о революции — «Железное время», которая так и не была напечатана[2].

В узком литературном кругу он славился как отличный импровизатор, мастер эпиграмм и стихов на случай, которые часто затрагивали политические темы. Он сам их, как правило, не записывал, поэтому сохранились лишь довольно скудные обрывки[3]. Так, например, известен экспромт 1907 года, случайно сохранившийся в записной книжке К. К. Фофанова, сына поэта:

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29. М., 1955, стр. 461—462.

[2] Рукопись пьесы сохранилась в архиве К. М. Фофанова (ЦГАЛИ).

[3] См. опубликованные В. В. Смиренским стихотворения К. М. Фофанова на политические темы в «Литературной газете», 1935, 29 октября; а также статью А. Измайлова «Принц и нищий». — «Исторический вестник», 1916, кн. 5, стр. 471—472.

Царизм из моды вышел ныне,
А если правду вам сказать —
Царь будет властвовать в пустыне.
Какая это благодать!

Известны и многие другие высказывания Фофанова против царизма. Он писал, возлагая большие надежды на будущее русского народа:

Дай волю Ванькам и Парашам,
Дай свет их зоркому уму —
И будет то, что в мире нашем
Еще не снилось никому!

Бесправие народа не оставляло Фофанова равнодушным: «Неволя русского народа есть воля русского царя!» — восклицал он.

Некоторые экспромты Фофанова затрагивали отдельных высокопоставленных лиц: поэта К. Р. — царского дядю Константина Романова («Великий князь — пиита малый...»); митрополита Антония («Уже митрополит Антоний не пастырь, а церковный скот...»); губернаторов Багговута и Гернета и многих чином пониже — полицмейстера Кавтарадзе, гатчинского пристава Антонова... Все это, вместе взятое, настолько обострило отношения Фофанова с гатчинской полицией, что в январе 1907 года он был арестован по обвинению в политической неблагонадежности и около двух недель содержался в гатчинской тюрьме. За это время им были написаны стихотворения, составившие цикл «Песни в заключении» [1].

В последние годы жизни Фофанова его поэзия все заметнее удаляется от прежнего мира грез и фантазий, обретая устойчиво реалистические черты, ничего общего не имеющие с исканиями декадентов, но иногда сближающие творчество Фофанова с поэзией И. Бунина. Эти его стихи часто пессимистичны: «Всё кончено, чем наша жизнь красна. Любовь, мечты, надежды улетели...», «В мире душно и позорно, и обидно жить...» Все чаще возникают у Фофанова мысли о том, что в жизнь вступило новое, иное поколенье — «новой мысли откровенье, новой жизни плоть и кровь».

Ощущение больших жизненных перемен, оставшееся в поэзии Фофанова смутным, неопределенным, было в большой степени вызвано событиями и общественными настроениями периода первой

---

[1] См. об этом: В. Смиренский. Поэт Фофанов — за решеткой. — «Гатчинская правда», 1960, 13 ноября.

русской революции. Фофанов не сумел и, пожалуй, не мог понять ее громадного исторического значения, но он тем не менее искренне сочувствовал предстоящей неизбежной ломке привычного жизненного уклада. В 1906 году он пишет стихотворение «Ломка», в котором приветствует рождение новой России — бурной разрушительной стихии. Он сравнивает новое поколение с кузнецом, бьющим по наковальне, события — с ураганом, который, «сметая пережитки, предрассудки старых дней, Развернет на новом свитке Торжество иных идей». Фофанов приветствовал то время, когда «Русь воспрянет с новой славой В час свободы...»

И даже в 1910 году, когда раскаты революции отгремели, он пишет в стихотворении «Волны»:

Вставайте, наши кормчие,
Вожди вставайте смелые,
Проснись и бодрствуй, праведный
Рабочий, друг и брат!

В лирике Фофанова девятисотых годов, наряду с усилением общественных, демократических настроений, следует отметить и еще одно, прежде ей не присущее, качество — автобиографизм («Старый поэт», «В гóре» и др.). Неловко, как будто даже неумело он вводит в стихи подробности своей трудной и горестной жизни:

И шум и грусть в родной столице.
Мой младший брат сидит в тюрьме,
Моя жена лежит в больнице,
При этом — не в своем уме.

Двух дочек взяли по приютам,
А старший сын, совсем дурак,
Мне угрожает или кнýтом,
Или под нос сует кулак...

Отказавшись от поэтических иллюзий, от «мечты», поэт остался безоружным перед лицом жестокой и тягостной «прозы жизни». В его новых стихах, порою очень мрачных, появилась прежде нехарактерная для Фофанова робость перед жизнью, от которой уж не уйти теперь в «лазоревые гроты» фантазии. Появился в стихах и редкий прежде юмор, очень невеселый, порою горестный, как например в стихотворении «Старый поэт». Здесь жена поэта рассказывает сыну о том, как в былые времена отец писал полные возвы-

шенных чувств стихи о любви и блаженстве, тогда как судебный пристав описывал остатки его скудного имущества.

...Папа твой, бывало, пишет
Об обедах у вельмож,
А на кухне ни краюшки,
И знобит в квартире дрожь.
Выйдет новая поэма,
Расточают похвалы,
Просят писем и портретов,
Ждут на званые столы.
А у папы нет ботинок,
И давно в ломбарде фрак.
Не просить же за автограф
Хоть полтинник, хоть пятак! ..

«Старый поэт» во многом напоминает поэму «Поэзия — бог», но это стихотворение написано в иной манере, значительно сниженной, — это почти бытовой рассказ о судьбе самого автора.

В архиве Фофанова сохранилось составленное, видимо, в 1908 году объявление для газеты: «Желаю получить место швейцара, дворника или полового». Годом позже Фофанов намеревался объявить через газету о своем желании продать для издания собрание своих сочинений в 15 томах за тысячу рублей.

Фофанов писал стихи вплоть до самых последних дней своей жизни. Его поражала новизна происходящего, казавшаяся почти фантастической, но совсем по-новому фантастической, не похоже на старую, привычную, традиционную поэтическую фантазию:

Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И кажется, камни дрожат...

Так виделось Фофанову «новое» в жизни — автомобили. «Под бешеный ритм завыванья», «горды молньепышущим лётом», проносились перед ним «расточители» жизни, не знающие забот, — «в погоню ль безумной забавы Иль к плахе позорной своей? ..». Себя поэт уже не чувствовал с ними. Он остался в прошлом.

Литературная атмосфера в России после разгрома революции 1905 года настолько изменилась, что творчество Фофанова уже воспринималось как анахронизм. Поэзия Фофанова, в свое время подготовившая развитие «новых течений», утратила в представлении

современников интерес, выглядела устаревшей. Подготовленные Фофановым в последние годы жизни две новые книги стихов — «Эфиры» и «Крылья и слезы» — так и не вышли в свет ни при жизни поэта, ни после его смерти. Стихи последнего десятилетия, разбросанные в многочисленных газетах и журналах, так и не были собраны. Фофанову удалось опубликовать лишь две тоненькие брошюрки: «После Голгофы» и малоудачную, давно написанную, но отвергнутую всеми журналами поэму в октавах на мотив пушкинского «Домика в Коломне» — «Необыкновенный роман». Они только усилили впечатление упадка его творческой деятельности.

«Хотелось бы говорить о почтенном поэте, создателе нескольких прекрасных стихотворений, К. М. Фофанове, — писал в 1910 году Александр Блок, — но откроем его новую книжку «После Голгофы» — и пропадет охота. Зачем так безбожно неряшливо относиться к русскому языку, произнося слова «слышно» и «стерта» с ударением на *последнем* слоге? Это истинно по-интеллигентски: написать шесть книг стихов и под конец на каждую посадить досадную кляксу; то пошлость вроде незабвенных «дачки» и «балкончика», то просто непростительную орфографическую ошибку «для размера». Такова, видно, нововременская культура. . .» [1]

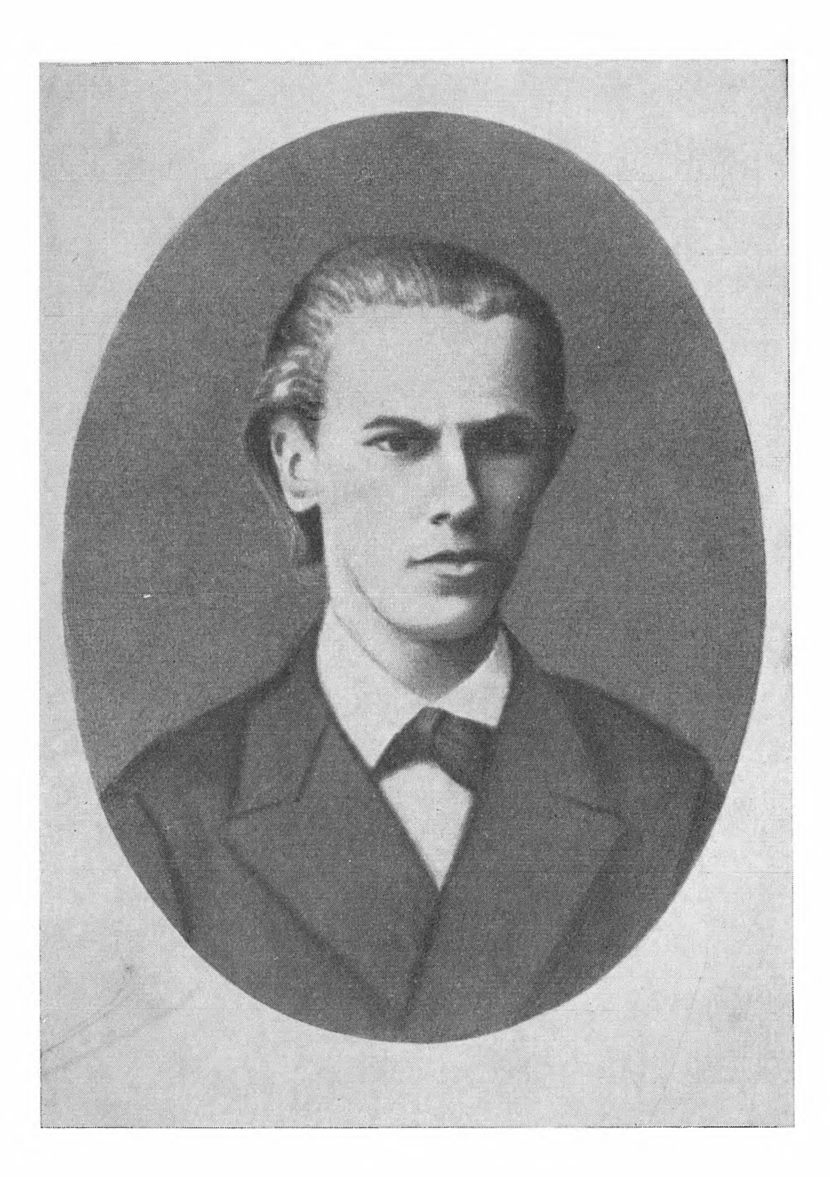
Умер Фофанов полузабытым, пережив свою славу. В мае 1911 года в одну из столичных редакций пришла жена поэта. Она сказала, что Фофанов тяжело заболел; в доме нет средств, чтобы его лечить, и обстановка ужасная. Средства были найдены. Больного на таксомоторе доставили в Петербург и поместили в благоустроенную лечебницу. Консилиум врачей установил воспаление легких при общей крайней истощенности организма... 17 мая 1911 года, накануне сорок девятой годовщины со дня своего рождения, К. М. Фофанов скончался.

Г. Цурикова

---

[1] Александр Блок. Собр. соч., т. 5. М.—Л., 1962, стр. 438—439.

СТИХОТВОРЕНИЯ



ИСТИНА

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.

Ее движенья не приветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.

Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,
Гордяся поступью и взглядом, —
Идет лукавая мечта.

Мечта живет кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.

Но гордый, он не замечает,
Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

2 января 1880

ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

Второзаконие, кн. 5, гл. 3

Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь из него, —
И кроткая душа, восторгом обуянна,
Забудет черный день злосчастья своего.
Напейтесь из него и исцелитесь, братья.
Замолкнет стон в груди, замрут в устах проклятья:
Я вечный мир принес!

С Сионской высоты принес я ветвь оливы;
Коснитеся ее, — бог чудо совершит.
Вы, просветленные, спокойно-горделивы,
Стряхнете с ваших ног прах мщенья и обид;
И будет на земле одно святое братство, —
Без гибельных измен, без злого святотатства:
Я истину принес!

Я камень вам принес от древнего Содома, —
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.
Иное я хочу устроить в мире царство, —
Без лжи смеющейся, без низкого коварства:
Я правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет;
И в страхе убежит, безумствуя, тиран;
И ветер след его с проклятием завеет.
Рассеется в умах бессмысленный туман;
Слепцы увидят свет, сияющий повсюду;
И станет жизнь тепла ликующему люду:
Я волю вам принес!

Март 1880

* * *

Вселенная во мне, и я в душе вселенной.
Сроднило с ней меня рождение мое.
В душе моей горит огонь ее священный,
А в ней всегда мое разлито бытие.

Благословляет нас великая природа,
Раскидывая свой узорчатый покров,
Приветствуя от вод до шири небосвода
Сияньем алых зорь, дыханием цветов.

Покуда я живу, вселенная сияет,
Умру — со мной умрет бестрепетно она;
Мой дух ее живит, живит и согревает,
И без него она ничтожна и темна.

Апрель 1880

* * *

Не бойся сумрака могилы,
Живи, надейся и страдай. . .
Борись, пока в душе есть силы,
А сил не станет — умирай!

Жизнь — вековечная загадка,
А смерть — забвение ее.
Но, как забвение ни сладко,
Поверь, что слаще бытие.

1880

* * *

Я обращаю речь к вам, выброски природы,
Бредущие впотьмах на торжище мирском:
Над вами ласково синеют небосводы, —
Но помните, что в них таится божий гром.

Под вами гладь земли в блистающем уборе,
Но жертвы корчатся под вашею пятой;
В них есть и гнев в груди и зависть есть во взоре,
И вам не избежать расплаты роковой.

В расчетах мелочных вы чахнете безлично,
Молчанье и грабеж — заветный ваш закон.
Суровой правды речь смутит вас непривычно,
Как смех безумного на тризне похорон.

Вы упитали плоть, а дух не ищет хлеба,
От вещих мудрецов бежит преступный взор.
Награбленной казной не купите вы неба,
Слезами бедняков не смоете позор!

Пусть услаждает лесть ваш слух, пускай оравой
Глупцы бегут вослед, моля добра от вас;
За вами — сатана с улыбкою лукавой,
Пред вами — мщенья грозный час!

6 февраля 1881

* * *

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!

До полу́ночи мы украдкою
Увлекалися речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел. . .
До утра б сидеть, да всему предел! . .

Ты задумался, я сижу — молчу. . .
Занавесь окно, потуши свечу! . .

Сентябрь 1881

* * *

Полураздетая дуброва,
Полуувядшие цветы,
Вы навеваете мне снова
Меланхоличные мечты.

И так идут они к туманам,
Так дружны с сумраком небес,
Как крест — с кладбищенским курганом,
Как сказка — с прелестью чудес!

10 октября 1881

* * *

В кругу бездушном тьмы и зла,
Где все — ханжи и лицемеры,
Где нет ни искры теплой веры,
Ты родила́ся и взросла.

Но ложь коснуться не посмела
Твоей духовной чистоты,
Иного ищешь ты удела,
К иным мечтам стремишься ты.

Напрасно! Нет тебе исхода,
Родным ты кажешься чужой,
И только чахнешь год от года
За бесполезною борьбой.

Так незабудка голубая
На топком береге болот,
Свой скромный запах разливая,
Никем не зримая цветет.

1881

* * *

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят.
Немеркнущий закат дробит свой отблеск алый
В окошках каменных громад.

За спящею рекой, в лиловой бледной дали,
Темнеет и садов и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши продребезжали,
И снова тишина вокруг.

И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной.

3 февраля 1882

* * *

Это было когда-то давно!
Так же ты мне шептала: «Молчи».
И роняло косые лучи
Заходящее солнце в окно.

Или сон позабытый пришел
Так внезапно на память мою?
Или миг, что сейчас я обрел,
Тайно в сердце давно уж таю?

Заходящее солнце в окно
Золотые роняет лучи.
Ты чуть слышно шепнула: «Молчи».
Это было когда-то давно!

5 марта 1882

* * *

Погребена, оплакана, забыта,
Давно в земле покоится она.
А кем судьба неопытной разбита, —
Тем жизнь, как встарь, привычна и красна.

В чертогах их цветы, сиянье, пенье
Тревожат нас соблазнами досель. . .
И страшно им гнилого гроба тленье,
Их бедных жертв суровая постель. . .

Август 1882

* * *

Ива с дубом, мечтая, росли у пруда. . .
Дуб тянулся всё к небу прекрасному,
Где веселые звезды под вечер всегда
Зажигались светить миру страстному.

Ива вниз наклонялась к зеркальным струям,
К тем струям, что светила несметные
Отражали в себе по осенним ночам
Да журчали сказанья приветные.

Не дорос дуб до тверди небес голубой,
Ива ветки зеленые выгнула
И коснулась воды, и омылась водой,
А горящих светил не достигнула.

Август 1882

В ДИЛИЖАНСЕ

Под вечер улицею грязной
Плетется тряский дилижанс.
Я еду. . . В слухе неотвязно
Звенит затверженный романс.

Я тихо грежу и украдкой
Дремлю, забившись в уголок;
И так мне радостно, так сладко,
Так я мечтой от всех далек!

И снится мне: сверкает зала,
Вкруг молодежь, а я уж сед.
Шипит вино в стекле бокала,
И шлю я юношам привет.

Они речам моим внимают,
Они растроганы до слез,
И седину мою венчают
Гирляндой девственною роз!

Исчезли грезы. . . Блещет город
Рядами тусклых фонарей. . .
Я одинок. Я снова молод
И еду в круг моих друзей!

6 декабря 1882

* * *

В неприглядных стена̀х заключен я давно;
Яркий месяц глядит безучастно в окно,
И решетка окна полосатым пятном,
Словно призрак, легла на полу земляном.
За стеною моей заключенный сосед
Всё о волюшке вольной поет много лет,
А в полно́чь с мостовой, безрассветна как мрак,
Мне доносится песнь запоздалых гуляк;
О неволе та песнь, о неволе крутой,
Что раскинулась вширь за тюремной стеной.
Я сижу и грущу. Вкруг тоскующий вид,
Яркий месяц в окно безучастно глядит;
И решетка окна полосатым пятном
Точно призрак легла на полу земляном.

Декабрь 1882

* * *

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет — лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных
дней,
А в лазурном — мгновенье прекрасное.

1882

* * *

Безымянные стремленья,
Безотчетные порывы,
Молодого вдохновенья
И приливы и отливы. . .

Где конец ваш, где начало?
И откуда ваша сила?
Не змеиное ли жало
Вас отравой напоило?

Не волна ль седая моря
В вас бушует бесконечно?
Нет! Вы — плач чужого горя,
Эхо немощи сердечной. . .

1882

ТОСТ

Друзья! Я тост провозглашаю
За тех, кто смелою душой
Служил измученному краю
И шел за правду смело в бой!

Кому не чужды были муки
Осиротелых горемык,
Кто креп в борьбе, яснел в науке,
Кто был и в бедности — велик!

За всё грядущее, святое,
Чья не прошла еще пора,
Но чье забьется ретивое
Для правды, мира и добра! ..

1882, 1905

* * *

Мы при свечах болтали долго
О том, что мир порабощен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он.

О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.

Но на прощанье мы сказали
Друг другу: будет время, свет
Блеснет, пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!

И весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо.
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.

Дремала улица безгласно,
На небе не было огней,
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей! ..

6 мая 1883

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Видишь, сыплют цветы, зажигают огни,
Но мне чужд этот праздник нарядный,
И на шумные дни, на безумные дни
Я взираю с тоской безотрадной.

Слышишь, клики слились с беспрерывной
пальбой, —
То салютуют счастью чужому.
Праздник весел. Толпа вслед бежит за толпой
Подивиться и блеску и грому.

Пусть ликует, кто может беспечно теперь
Ликовать! Я печален не в меру.
И отчаянье, этот прожорливый зверь,
В сердце смяло восторги и веру.

Молча я прохожу меж цветов и огней,
На другие красоты смотрю я.
На картины, что ночи осенней темней, —
Там, где бедность ютится, горюя.

Там, где плач, где борьба, где погубленных сил,
Как на небе звезд ярких, не счесть нам;
Где так много души и так много могил,
Где нет места молитвам и песням.

Я мечтаю — безумны и страстны мечты.
Мнится, если б порвалися разом
Этих пышных гирлянд расписные цветы
И огни, что сверкают алмазом,

Вдруг померкли б, и музыки звучной волна
На полноте свой гимн перервала,
И толпа, отомщеньем безумно пьяна,
Новый праздник мгновенно создала, —

О, тогда бы огнем загорелась душа,
Смолкли б в сердце моем укоризны,
И, навстречу свободному клику спеша,
Стал бы праздновать праздник отчизны! . .

23 июля 1883

* * *

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята, —
В ней звуки любви отзвенели.

В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет, —
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

* * *

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.

Движенью пестрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.

Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.

Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушённой,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.

И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлóбивой моей
Мне в душу слал благословенье.

Октябрь 1884

МАЙ

Бледный вечер весны и задумчив и тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит; и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.

Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Там, за душной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет аромат,
И журчат сладкоструйные воды.

И дрожит под росою душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом, —
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая —
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая!

О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грез в моем сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей
Разбудил бы своим опахалом! . .

1 мая 1885

* * *

Уснули и травы и волны,
Уснули и чудному внемлют,
И статуи дремлют безмолвно,
Как призраки дремлют.

И полночь крылом утомленным
Трепещет легко и пугливо
По липам, по кленам зеленым,
По глади залива.

Сквозь ветки луна молодая
Бросает снопы позолоты,
Ревнивым лучом проникая
В прохладные гроты.

И бродят в серебряном мраке
Толпою стыдливые грезы,
Роняя на сонные маки
Прозрачные слезы.

Заслушалась роза тюльпана,
Жасмин приклонился к лилее,
И эхо задумалось странно
В душистой аллее.

19 июня 1885

* * *

Не правда ль, всё дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.

И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..

В них белопенные каскады
Шумят, свергаяся с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.

В них ты — блистательная фея;
В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

Июнь 1885

ТАИНСТВО ЛЮБВИ

Господь карающий, бог грозный Иудеи,
Бог в дымной мантии тяжёлых облаков,
Бог, шумно мечущий огнистых молний змеи
На избранных сынов;

Бог созидающий, чтобы разрушить снова
Созданье рук своих, как злой самообман;
Бог, славы ищущий у племени людского,
Бог-деспот, бог-тиран!

Бог, проносившийся грозою над Сионом,
Испепеливший в прах Гоморру и Содом;
Бог, улыбавшийся над кесаревым троном
И тяготевший над рабом!

Бог, проносившийся заразой над пустыней
И забывавший гнев при сладостных псалмах
В душистом сумраке благоговейных скиний
На цветоносных алтарях;

Бог, крови жаждущий и слушающий речи
Слепого демона сквозь райские врата, —
Бог, этот грозный бог неумолимой сечи,
Родил смиренного Христа,

Святого, кроткого, властительного сына,
Всё возлюбившего бессмертною душой,
Кто умер на кресте, чья мирная кончина
Зажглася вечною звездой;

Зажглась, чтоб озарять мир мрака и печали
И поучать людей смиренью и добру,
Чьи чудные персты недужных исцеляли,
Едва приблизившись к их смертному одру...

И этот мирный сын властительного бога
Пришел в мир бедняком, — не царская парча,
Не складки пурпура, не бархатная тога
Спускались с бледного плеча...

О, как блаженно тих, любвеобильно мирен
Был бог, громовый бог, когда в дыму кадил,
Под пение молитв, пройдя ряды кумирен,
В ложницу девы он вступил.

И как была чиста безгрешная Мария
В своем счастливом сне на девственном одре,
Как улыбалися уста ее живые
И богу и заре!

Всё в храмине ее дышало тишиною,
Румяный луч зари струился в полумглу
Сквозь занавес окна и алой полосою
Ложился на полу;

И на ковре ее разбросанные ризы
Луч солнечный лобзал, скользя по ним змеей;
И шумно под окном на фрески и карнизы
Взлетали ласточки веселою семьей.

Тогда к ней бог вошел! Он не тревожил сладкий
Прекрасный сон ее, исполненный чудес,
Он только колыхнул бесчувственные складки
Малиновых завес.

Он только опахнул стыдливые ланиты,
Он только осенил безгрешное чело, —
И были новые ей помыслы открыты,
И даль грядущего разверзлася светло...

Со смутною тоской проснулася Мария,
С раздумьем на челе пошла в росистый сад,
Где пели хоры птиц, где ма́слины густые
Струили аромат.

И солнцу ясному и радостному шуму,
Вокруг звучащему, внимала, и порой
Невольно думала таинственную думу
О райском чудном сне, смутившем ей покой.

И плакала она! .. Вдруг голубь белоснежный
Внезапно выпорхнул из синей вышины,
И закружил над ней, воркуя с лаской нежной,
И поняла она пророческие сны.

И поняла она, что пышное убранство
Природа с этих пор кладет к ее ногам
И что под куполом небесного пространства
Весь мир, весь божий мир — ее заветный храм.

Что только ей кадят душистые растенья,
Что только ей — зари волшебный перелив,
И в девственной груди разлился вдохновенья
Задумчивый прилив. . .

А голубь всё кружил! — То был всё тот же грозный,
Самодержавный бог, молниеносный бог!
Теперь он не метал стрелу из выси звездной,
Он не хотел, не мог!

Он понял мир земной, погрязший в тьме полночной;
Он стал его отцом, бессмертный и благой,
Теперь очищенный любовью непорочной
И освященный сном невинности земной! ..

5 сентября 1885

* * *

С тоской в груди и гневом смутным,
С волненьем, вспыхнувшим в крови,
Не поверяй друзьям минутным
Печаль осмеянной любви.

Им всё равно. . . Они от счастья
Не отрекутся своего,
Их равнодушное участье —
Больней несчастья самого! ..

8 октября 1885

* * *

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные, —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные! . .

Декабрь 1885

МУЗЕ

Верная спутница жизни печальной,
Ты мне одна изменить не могла;
Первая факел зажжешь погребальный,
Пот в час кончины омоешь с чела.
Станешь, как няня, ты с песнью унылой
Смолкшие струны искать в мертвеце,
Будешь одна тосковать над могилой
С царственной грустью на юном лице.
Станешь душистой весной-невидимкой
Дерн надмогильный смиренно топтать;
Будешь в час ночи под месячной дымкой
Чудные сказки о жизни шептать;
С теплым участьем в задумчивом взгляде
В мой опустевший зайдешь уголок,
Перья одуешь, раскроешь тетради
И, прослезившись, уйдешь за порог.

1885

НЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Перебирая вновь украдкой
Все письма нежные твои,
Я окрылен был местью сладкой
И упоен тоской любви.

Я говорил небесным высям:
«Сотрите бурей и грозой
Слепые знаки этих писем,
Так чудно лгавших предо мной».

Я говорил свечам горящим:
«Пожрите их своим огнем, —
И пусть не лжет мне в настоящем
Раз обманувшее в былом.

Развейте их налетом шумным», —
Я буйно ветры умолял,
Но сам я в бешенстве безумном
Их уничтожить не дерзал.

Так жаждет зла и разрушенья
Былым святыням ренегат
В час малодушного моленья,
Тоской и трепетом объят.

18 января 1886

ДВА МИРА

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанье и мечты,
А здесь — борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!

Там — свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари.
А здесь — ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...

То край певцов, возвышенных как боги,
То мир чудес, любви и красоты. . .
Здесь — злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты. . .

7 апреля 1886

НЕБО И МОРЕ

Ты — небо темное в светилах,
Я — море темное. Взгляни:
Как мертвецов в сырых могилах,
Я хороню твои огни.

Но если ты румяным утром
Опять окрасишься в зарю,
Я эти волны перламутром
И бирюзою озарю.

И если ты суровой тучей
Нахмуришь гневную лазурь,
Я подыму свой вал кипучий
И понесусь навстречу бурь. . .

3 июня 1886

ЭЛЕГИЯ

(Из траурных песен)

Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски:
Не все я выплакал мечты,
Не все поведал миру сказки.

Не до́пил я любовных снов
Благоуханную отраву,
И не допел своих стихов,
И не донес к сединам славу.

А как был ясен мой рассвет!
Как много чувств в душе таилось!

Но я страдал, я был поэт,
Во мне живое сердце билось.

И пал я жертвой суеты,
С безумной жаждой снов и ласки!
Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски!

29 августа 1886

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

В броженьи юности капризной,
Под лепет музы молодой
Я грезил милою отчизной,
Как отрок юною женой.

Тогда мечта мечту рождала,
И жизни смутные черты
Под легким флером покрывала
Блистали солнцем красоты.

И, всё нечистое стыдливо
От взора юного тая,
Отроковицею счастливой
Являлась родина моя.

Теперь то время миновало,
Мечта недвижна и мертва, —
И сердцу родина предстала
Осиротелой, как вдова.

И за нее в часы сомненья
Страдает молча, не спеша
В горниле страсти и волненья
Перегоревшая душа.

Сентябрь 1886

* * *

Исполнен горького упрека
За злую повесть прежних лет,
За сон безумства и порока,
Я на ее гляжу портрет.

Я вновь люблю, страдая страстно,
И на меня, как в день обид,
Она взирает безучастно
И ничего не говорит.

Но к ней прикованный случайно,
Я не свожу с нее очей. . .
В ее молчаньи скрыта тайна,
А в тайне — память прошлых дней. . .

Октябрь 1886

ПРИЗРАК

Как сторож чуткий и бессменный —
Во мраке ночи, в блеске дня, —
Какой-то призрак неизменный
Везде преследует меня.

Следит ревнивыми очами
В святом затишье, в шуме гроз
И беспокойными речами
Перебивает шепот грез.

Иль вслед беззвучною стопою
Бредет остывшим мертвецом
И машет ризой гробовою
Над разгоревшимся лицом.

Иль, грустью душу наполняя,
Молящим голосом зовет
Под сень неведомого края,
В иную жизнь, в иной народ.

Ищу ли в жизни наслаждений,
Бегу ль в святилище мечты —

Всё тот же облик бледной тени,
Всё те же смутные черты.

Кто ты, мой друг, мой гость незваный, —
Жилец эфира иль земли?
От духа горного создàнный
Иль зародившийся в пыли?

Куда влечешь ты: к жизни стройной
Или в мятущийся хаос?
И что ты хочешь, беспокойный, —
Молитв, проклятий или слез?!

1886

МИР ПОЭТА

По шумным улицам, в живой толпе народа,
В вертепах праздничных разврата и гульбы,
Среди полян кладби́щ, где гневная природа
Венчает зеленью гробы;

Во мраке темных рощ, в кудрявой чаще леса,
Где мягко бродит тень от сосен и берез,
Где звонче хрустали эфирного навеса
При вспышке майских гроз;

У тихоструйных вод, где тощую осоку
Лобзает беглых волн обманчивый прибой,
В пустынях, где земля завистливому оку
Грозит небесною стеной,

И там, где скалы гор в бессмертном изваяньи
Застыли навсегда под божеской рукой, —
Везде поэт, как царь, как гордый царь в изгнаньи,
Томится мощною душой...

Он носит мир в душе прекраснее и шире,
Над ним он властвует, как вдохновенный бог,
А здесь, в толпе людской, в слепом подлунном мире,
Он только раб тревог...

И душно здесь ему, и больно пресмыкаться...
Он любит солнце грез, он ненавидит тьму,
Он хочет властвовать, он хочет наслаждаться,
Не покоряясь ничему.

Он хочет взмахом крыл разбить земные цепи,
Оставить мрак земной в наследие глупцам...
Со стрелами зарниц блуждать в небесной степи
И приобщаться к божествам!

1886

ТЕНИ А. С. ПУШКИНА

Ты мне близка, родная тень,
Близка, как близки небу птицы,
Близка, как розам — вешний день,
Как тучам — быстрые зарницы.

Не помню я, когда твой дух
Ко мне вошел стопой неслышной,
Когда впервые стих твой пышный
Благословил мой детский слух!

То было ль раннею весною,
Когда живей тревожат сны
И ночи белые полны
Обворожительною мглою?

Когда я, бледный, у окна
Сидел в молчании глубоком
И созерцал прилежным оком,
Как в небе теплилась луна.

Иль в час утра́, когда как розы
На небе рдели облака
И пробужденные березы,
Стряхнув росы целебной слезы,
Внимали вздохам ветерка?

Иль в час, когда, гудя метелью,
В окно стучалася зима
И над моею колыбелью
В снах колдовала полутьма?

Во сне ли было то свиданье
Иль наяву, при свете дня?
Как тайна смерти от сознанья,
Тот час утерян для меня
И нет о нем воспоминанья!

Но только помню, что с тобой
Меня знакомил кто-то чудный,
Какой-то гений неземной,
Какой-то демон безрассудный.

И близок ты с тех пор мечтам,
Как близок белый ландыш маю.
Тебе молюсь, тебе внимаю
И за тобой стремлюся сам.

Моя душа тобой согрета,
Ты в ней царишь, как юный день. . .
Ты мне близка, родная тень
Благословенного поэта!

9 января 1887

* * *

Умирала лилия лесная,
Умирала в радужном букете
И дрожала, трепетно мечтая
О румяном, благовонном лете.

Снилась ей тропинка в темной чаще,
Свет зари янтарный в небосклоне,
Свет зари, приветливо дрожащий
На речном колеблющемся лоне.

И, поникнув венчиком атласным,
Так тепло, так искренне вздыхала,
Что эфир смущенный наполняла
Сном своим предсмертным, но прекрасным! . .

Февраль — март 1887

* * *

Она цветы свои любила
И поливала их сама.
В ее теплицу не входила
Губить их гневная зима.

И при мерцаньи звезд полночных
Она пила их аромат,
Смотря, как в венчиках цветочных
Росинки светлые дрожат.

И в час, когда, простясь с землею.
И бездыханна и бледна,
Под золоченою парчою
В гробу покоилась она,

Цветы, исполнены печали,
Приникли к мертвому челу
И в ароматах изливали
Ей скорбь и позднюю хвалу. . .

Май 1887

* * *

Прекрасна эта ночь с ее красой печальной,
С ее мечтательным, болезненным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот отблеск дальний
Померкнувшей зари на небе голубом!

О, если б дум моих неверное теченье,
Как эти облака, стремилось в глубь небес, —
Какое б подарил тебе я вдохновенье!
Какой бы мир открыл, мир красок и чудес!

Но жизнь моя темна и дума безотрадна,
Как облетелый сад — пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно
И гнет вершины лип, порывисто дыша.

Я не пущу тебя в мой сад осиротелый —
Там осень, там туман, а здесь перед тобой
Сияние весны и этот отблеск белый
Лазури голубой! . .

Май 1887

ПЕСНЯ

Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Листья золотые
Сыплются с берез.

Сердце тихо плачет,
Плачет и поет, —
Посмотри, стучится
Милый у ворот.

Как я выйду ночью
Сени отворю?
Вышел месяц ясный
Проводить зарю.

Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Путь-дорогу ветер
Листьями занес!

Июнь 1887

УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА

«Матушка! Я слышу, кто-то шепчет сладко,
Кто-то за стеною там поет давно. . .»
— «Спи, моя родная! Спи, моя касатка!
Это дождь осенний хлещется в окно».

— «Матушка! Скорее отвори окошко. . .
Слышишь ли, подъехал милый мой к крыльцу?
Поведи к окошку, посмотрю немножко, —
Он ли, — я узнаю сразу по лицу! . .»

— «Нет, моя голубка, это шепчут нивы,
Это расходились волны по реке. . .»
— «Матушка, мы в церкви! Мы теперь счастли́вы!
Перстень обручальный блещет на руке. . .

От свечей венчальных темное мерцанье
Жаром обвевает щеки и чело. . .
Как народу много! Мне теснит дыханье. . .
Матушка! Не правда ль, в церкви как светло!»

Потупи́вши очи и глотая слезы,
Мать не отвечает дочери своей.
Перед нею реют сумрачные грезы,
Сумрачные грезы, полночи темней.

Видит она церковь, только не с налоем,
Без свечей венчальных. . . и глядит на дочь,
Дышащую тяжко, пышущую зноем, —
В эту ночь глухую, пасмурную ночь. . .

7 июля 1887

НА ПОЕЗДЕ

Мы мчимся, как стрела, — всё мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая,
А поезд всё вперед стремится и стучит,
Броней железной громыхая.

Вдали синеет лес неровною стеной,
Над ним кудряво вьются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи.

Мелькнуло кладбище. Белеются кресты,
Угрюмо смотрят мавзолеи. . .
И вновь по сторонам канавки и кусты
Да редко — темные аллеи.

На нивах зыблется пшеница и овес,
Пестреют гряды в огороде,
И грустная семья задумчивых берез
Белеет в дружном хороводе.

Всё мимо! Всё летит, как вольная мечта,
Как жизнь с обманчивыми снами;
И только светлая лазури высота
Горит незыблемо над нами.

И тусклая луна, бледна как первый снег
В лучах вечернего заката,
Следить не устает наш торопливый бег,
Печалью тайною объята...

Так жизнь вперед летит, — летит, как паровоз,
Меняя сны и впечатленья,
И сыплет искрами живые чары грез,
И стелет дымом увлеченья.

И всё бежит вперед, без устали бежит...
И лишь сомненья призрак вечный,
Как бледная луна за поездом, следит
За нашей жизнью скоротечной.

28 июля 1887
Гатчина

К СКАЗКАМ

Мне веет светлым волхвованьем,
Веселой зеленью долин,
Ключей задумчивым журчаньем
От русских сказок и былин!

Прекрасен сказок мир воздушный —
К нему с младенчества привык,
Мне мил и дорог простодушный,
Животворящий их язык.

Вступаю с трепетом священным
Под кров радушной старины,
Передаю струнам смиренным
Ее младенческие сны.

И пусть — полны цветной окраски,
Осенены прозрачной мглой —

Летят задумчивые сказки
Разнообразною толпой

От арфы стройной и покорной,
Как стая белых лебедей,
Заслыша визг стрелы проворной,
Летит со спугнутых зыбей.

30 июля 1887

* * *

Она была похожа на тебя,
В ее очах лучи сверкали те же.
Но, милый друг, она смеялась реже,
Она жила не веря, не любя. . .

В ее щеках румянец не играл,
Как у тебя, — он вспыхивал порою. . .
Единою блистали вы красою,
Но разный пламень души волновал.

Так тучки две в лазури золотой
Плывут, сходны́ по трепетным изломам,
Но теплый дождь одна несет с собой,
Другая — град с молниеносным громом.

Июль 1887

* * *

Нет, мне не жаль, что умер этот день,
Что мирная природа засыпает
И вечер шлет лазоревую тень, —
В моей душе угасший день сияет!

Оставил он свой отблеск золотой
В моих мечтах, согретых теплой лаской,
Обворожив блистательною сказкой,
Навек живым остался он со мной. . .

Пройдут года... Сквозь мглу почивших лет,
В дни черные, в дни скорби предзакатной,
Он будет мне бросать свой теплый свет
На темный путь, как гений благодатный...

Так в небесах померкшая звезда
Чрез много лет по смерти блещет миру...
Она тепла для смертного тогда,
Но холодна далекому эфиру.

Июль 1887

* * *

Забытою весной пахнуло на меня!
Я вновь у светлых чар во власти,
Душа моя полна мятежного огня,
Полна избытком чистой страсти.

Забытая весна — с ее роскошным сном,
С ее веселыми лучами —
В дождливый вечер мне мерцает за окном
И тихо реет над мечтами.

И сердце, как струна, и плачет, и поет,
И вдруг томится болью жгучей,
И трепетно дрожит, как лоно синих вод
Под набегающею тучей.

Июль 1887

ПЕРВАЯ ЗАРЯ

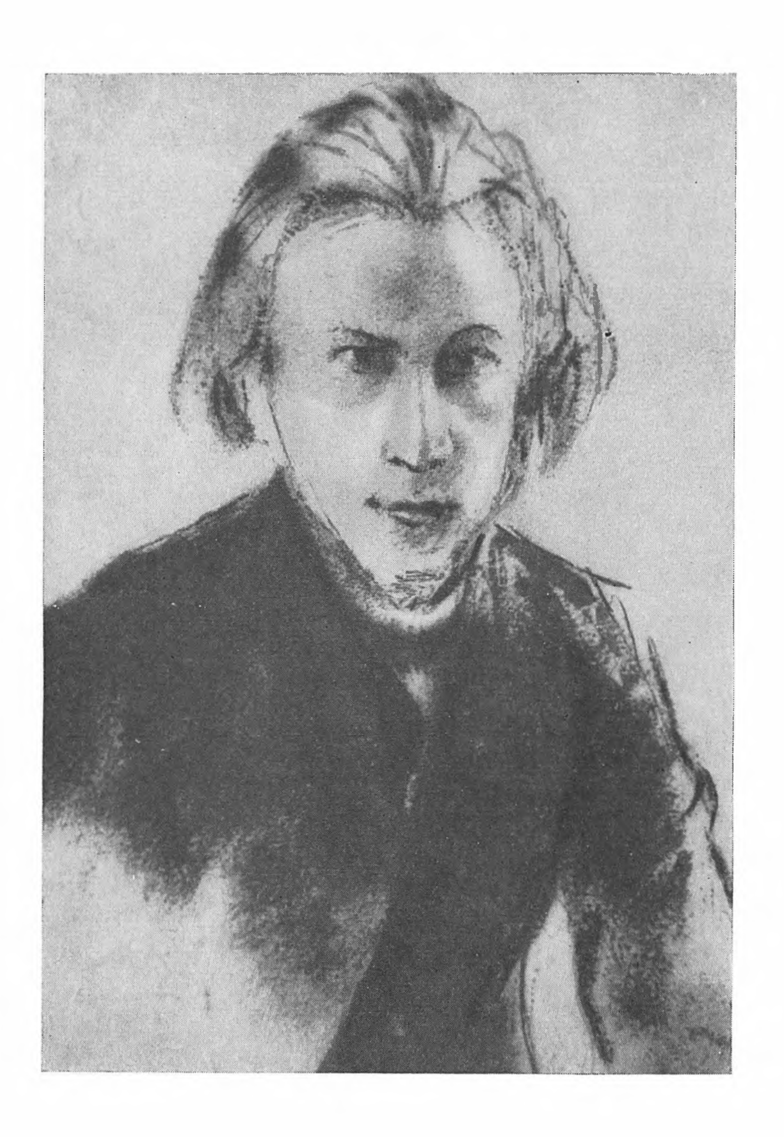
Мне было года три, когда впервые я
Почувствовал душой всю прелесть бытия,
Когда сознание мелькнуло метеором,
И я вокруг себя окинул ясным взором.
Был вечер. Таяла веселая заря,
Всё светом розовым приветно озаря.

Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробегал; и шмель с гудящим шипом,
Качаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатою спиной.
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо паутина
Качалась серою, чуть видною струной
Меж гроздий наливных рябины молодой...
Мне было хорошо. С восторгом ненасытным
Я с нянею бродил, и раем первобытным
Казался мне наш сад, наш скромный, тощий сад,
Возросший в улице меж каменных громад.
Я жадно слушал шум задумчивых берез,
И за оградою веселый треск колес,
И ближней фабрики свисток, стенящий звонко,
И каждый звук томил загадкою ребенка.
Но гаснет блеск зари, свежей в саду зеленом:
Багряный небосклон стал сизым небосклоном
И даль туманная, сквозь сень густых берез,
Подернулась каймой серебряных полос,
И в глубине небес лазоревым сапфиром
Далекая звезда зажглась над спящим миром.
К ночлегу, каркая, летит семья ворон,
И тихо ночь плывет, плывет со всех сторон,
Из каждого куста дыша росистой мглою
В горячее лицо... И с робкою мечтою
На небо синее внимательно смотрю,
Сгорая жаждою увидеть вновь зарю,
Потерянную в тьме, но давшую мне много:
Всю прелесть тайную небесного чертога,
Все чары шумные мятущейся земли,
Так бледные вблизи, так яркие вдали!..

. . . .

Но что я дам взамен природе необъятной
За сон житейский свой, святой и благодатный,
Что, оставляя жизнь, я миру подарю,
Встречая кроткую, последнюю зарю?!.

5 августа 1887



* * *

Я родом финн — и гордая свобода
Моей душе с младенчества родна,
Но в мире зла ей не найти исхода.
Моя душа, как финская природа,
Однообразна и грустна.

Где на камнях гранитного уступа
Печальных сосен высится семья,
Где степь слепит красою мертвой трупа,
Где сохнут мхи, где солнце светит скупо —
Там родина моя!

Там, между скал, мои скучали деды;
Закинув невод в беглую волну,
Вполголоса певали про победы,
Иль сумрачно вели свои беседы
У очагов, вкушая тишину.

В суровый час ожесточенной бури,
Когда метель гудела по полям
И падал снег с нахмуренной лазури,
Они, сидя́ в густой медвежьей шкуре,
Вверялися таинственным мечтам.

И я таю в душе своей печальной
Их гордую, мечтательную лень,
И я суров; люблю я лед хрустальный,
И хохот вьюг, безумно музыкальный,
И от сосны узорчатую тень...

В моей душе, под песни назревая,
Прекрасных дум теснятся семена.
И я мечусь, душой изнемогая,
Как водопад полуночного края,
Как финских вод стесненная волна.

Там водопад, сверкая пеной млечной,
Стремится вдаль, и ропщет, и шумит...

И плачет он, и бьется в злобе вечной,
Но холодно борьбе его сердечной
Внимает сумрачный гранит...

12 сентября 1887

* * *

Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови
Из мира светлых чар и царственной любви...
В нем всё знакомо мне, всё мило с колыбели —
И звучных соловьев раскатистые трели,
И розы белые, и белые стихи...
Я их люблю мучительной любовью,
Как любит старость юные грехи...
Доступны только мне те страны неземные,
Их звонкие ручьи, их гроты голубые,
Их звезды бледные, как блеск моих очей,
Их темные леса, как скорбь души моей,
Их волны звучные, как стих мой перекатный,
И пышный их цветник, как греза ароматный,
Где реют и жужжат элегии свои
На утренней заре тяжелые шмели...
И даже мшистые руины и могилы
Их сумрачных степей мне дороги и милы,
Как лоскутки знамен — для дряхлого бойца,
Как песня старая — для нового певца...

16 октября 1887

* * *

Всегда мы чувствуем правдиво,
Но ложно мыслим мы подчас.
И от очей ума ревниво
Хороним взор духовных глаз.

Но, друг, живя, не мудрствуй ложно,
Не удивляйся ничему:
Постигнуть сердцем всё возможно
Не постижимое уму.

Ноябрь 1887

* * *

Отзвучали струны сердца,
Догорели краски дня;
Нет огней в природе сонной,
Нет в душе моей огня.

Только где-то сиротливо
В бледном сонме дум моих
Брезжит свет воспоминанья,
Как звезда небес ночных.

И томительно и сладко
Воскресают предо мной
Слезы прежнего страданья,
Песни радости былой...

Так последним блеском тлеет
Под золою уголек,
Так под первым снегом дышит
Поздней осени цветок!

Ноябрь 1887

* * *

Я помню дни весенних дум —
Дни беспечального рассвета,
Когда гордился детский ум
Священным именем поэта.

Восторг кипел в моей груди,
Я пел в волнении веселом;
И счастье, счастье впереди
Сияло светлым ореолом.

Увяли вешние цветы,
Померкли розовые зори,
Умчалась юность, и мечты
Сменило будничное горе.

Печаль свила гнездо в груди,
И песнь звучит моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцает бледною звездою...

6 декабря 1887

* * *

От луны небесной, точно от лампады,
Белый и прозрачный блеск разлит. Вдали
Темные аллеи, полные прохлады,
Шепчутся о тайнах неба и земли...

Где-то торопливо скрипнула калитка.
Кто-то раздвигает влажную сирень...
Вон в саду мелькнула белая накидка,
В озаренной чаще проскользнула тень...

Нет, вокруг всё тихо! Это только греза!
За окошком осень. Это шепчет мне
В ароматной дреме молодая роза,
Тихо увядая на моем окне...

1887

* * *

Свечка догорела, спать давно пора бы.
Ты поник головкой, закрываешь глазки,
А еще всё хочешь слушать наши сказки,
Как в лесу дремучем у колдуньи-бабы
Закипает в чанах много страшных зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном посреди ущелий
Он встречает Лебедь — ласковую фею.
О дитя, поверь нам: нет прекрасней сказки
Той, которой учит нас судьба-старушка.
Так забудь же бред наш, так закрой же глазки:
Ждет тебя постелька, ждет тебя подушка.

1887

ДВОЙНИК

Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то белый мне кивает
У открытого окна.

Узнаю я этот призрак,
Я давно его постиг:
Это — бедный мой товарищ,
Это — грустный мой двойник.

Он давно следит за мною,
Я давно слежу за ним,
От него мне веет смутно
И небесным и земным.

Он являлся мне весною
При мерцании зарниц;
Он на оргиях встречался
И встречался у гробниц.

Жаль ему меня покинуть,
Мне его оставить жаль:
Он делил со мной, бывало,
Одинокую печаль. . .

И теперь он грустно бродит,
И уйти боится прочь
От раскрытого окошка
В эту пасмурную ночь.

И листвою пожелтевшей
Осыпает мне окно
В эту ночь, когда на небе
И на сердце так темно! . .

1887

* * *

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют темные леса.
Небо блещет — точно море,
Море — точно небеса.

Сосны в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком!

1887

НАКАНУНЕ ЗИМЫ

Еще на ветке помертвелой
Дрожит, как сказочный коралл,
Багряный лист, но иней белый
Уж кровли блестками убрал...

Недолго ждать! Ручей прозрачный
Замедлит свой журчащий бег,
И на него фатою брачной
Небрежно ляжет первый снег.

И солнце, алое в тумане,
Как факел к нам заглянет в сад, —
На строй хрустальных колоннад
И на глазетовые ткани.

Ты скажешь: «Дедушка-мороз
Колдует в полночь, осыпает
Чело поникнувших берез
И прядь серебряных волос
В их ветки мертвые вплетает».

Ты скажешь: «Фей разнообразных
Здесь хоровод в ночи́ вился́,
И с ожерелий их алмазных
Упали перлы на леса».

И не подумаешь, что злобно
Здесь ночью снежная метель
С своею песнею надгробной
Стлала холодную постель;

Что бедных странников знобила,
Что в эту ночь не одного
Она под снегом схоронила,
Сама не зная для чего...

1887

СТАРЫЙ САД

Люблю я этот старый сад,
Он мил, как мгла воспоминанья.
С тоской впиваю аромат
Его осеннего дыханья.

Вздыхаю тихо и грущу,
Входя в забытые аллеи.
Я место милое ищу...
Тропинки, узкие как змеи,

Там, извиваяся, бегут
По склону двух холмов, и вместе
Они сплетаются, где пруд
Блестит, как сталь. На этом месте

Я в раннем детстве отдыхал.
Там гнулись бледные ракиты,
И я под сенью их мечтал.
О чем? Мечты те позабыты!

Но я люблю и до сих пор
Тропинку, узкую как змейку,
И сень ракит, и ту скамейку,
Где уследит прилежный взор

Ножом начерченные строки
Элегий томных при луне,
Когда мне первые уроки
Дарила муза в тишине.

И в час, когда мечта приводит
Меня сюда, вздыхаю я:
Мое младенчество здесь бродит,
Здесь дремлет молодость моя...

1887

* * *

Шумят леса тенистые,
Тенистые, душистые,
Свои оковы льдистые
Разрушила волна.

Пришла она, желанная,
Пришла благоуханная,
Из света дня сотканная
Волшебница-весна!

Полнóчи мгла прозрачная
Свивает грезы мрачные.
Свежа, как ложе брачное,
Зеленая трава.

И звезды блещут взорами,
Мигая в небе хорами,
Над синими озерами,
Как слезы божества.

Повсюду пробуждение,
Любовь и вдохновение,
Задумчивое пение,
Повсюду блеск и шум.

И песня сердца страстная,
Тебе, моя прекрасная,
Всесильная, всевластная
Царица светлых дум!

1887

* * *

Печально верба наклоняла
Зеленый локон свой к пруду;
Земля в томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звезду.

Сияло небо необъятно,
И в нем, как стая легких снов,
Скользили розовые пятна
Завечеревших облаков.

Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки
И пела смутная тоска.

И мне хотелось в то мгновенье
Живою песнью воскресить
Всё перешедшее в забвенье
И незабвенное забыть!..

1887

* * *

Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества:
И гармонические грезы,
И музыкальные слова.

Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд.

Там всё, как в юности, беспечно,
Там всё готово для меня —
Заря, не гаснущая вечно,
И зной тропического дня.

Так, после битв, исполнен дремы,
С улыбкой счастья на устах,
В благоуханные гаремы
Идет усталый падишах.

1887

СТАРЫЕ ЧАСЫ

Меж старой рухляди в лавчонке у еврея,
Где дремлет роскошь бар, сгнивая и темнея,
Где между пыльных ваз и старомодных ламп
Мерцает рамкою весь выцветший эстамп,
Где бледный купидон с отбитою ручонкой
Под паутиною, как под фатою тонкой,
Лукаво щурится в мечтательной тоске,
Где зелень плесени на ярком завитке
Узорных канделябр ложится изумрудом,
Где в томной нежности над золоченым блюдом
Из рамы смотрит лик напудренной красы, —
Стоят, безмолвствуя, старинные часы...

Их маятник молчит, их стрелки без движенья,
И мнится: давние слетают к ним виденья, —
И старые часы прадедовских палат
Припоминают вновь событий длинный ряд,
Тот долгий, смутный сон, ушедший без возврата,
Когда две стрелки их по кругу циферблата
Ползли — минуты, дни, года разя с плеча,
Как два холодные, бесстрастные меча
Суровой вечности... Бывало, в сумрак томный,
Когда дремал угрюмо зал огромный,

И алый свет, колебля, лил камин,
И ветки тощие расшатанных вершин
Из сада темного стучались в окна зала,
И ночь осенняя, как грешница, рыдала, —
Тогда задумчивый владелец тех часов
Печально вспоминал утраченных годов
Разгулом и стыдом запятнанную повесть,
И плакала его встревоженная совесть,
И теплая, никем не зримая слеза,
Слеза раскаянья туманила глаза.

А маятник часов спешил без содроганья
Спугнуть в мрак вечности минуты покаянья.
И зимней полночью, когда в покоях шумных
Гремело пиршество и гам речей безумных
Заздравным звоном чаш был дружно заглушен,
Вдруг дерзко слышался часов докучный звон,
Как жизнь томительный, как старость монотонный,
Напоминая сон толпе неугомонной.
И кубки медленней ходили по рукам,
И гости бледные, поднявши к небесам
Свой утомленный взор, зевая, различали
Сияние утра́ в посеребренной дали...

А сколько чудных тайн подслушали они
У нежной юности в те ночи и в те дни,
Когда, доверившись бесстрастному их лику,
Влюбленная чета на них, как на владыку
Свиданья краткого, смотрела, торопясь
Последний поцелуй продлить в прощальный час.

И что ж! Прошли года, которые так ровно,
С такой иронией, так зло и хладнокровно
Спешили погубить бесстрастные часы...
И вот — наперсники сатурниной косы —
Они, забытые, как памятник могильный,
Стоят меж рухляди, и циферблат их пыльный,
Как инвалид слепой, не страшный никому,
Глядит бессмысленно в таинственную тьму
Недвижной вечности. И грозный гений тленья
Над ними празднует победу разрушенья.

24 января 1888

У ПЕЧКИ

На огонь смотрю я в печку:
Золотые города,
Мост чрез огненную речку —
Исчезают без следа.

И на месте ярко-алых,
Золоченых теремов —
Лес из пламенных кораллов
Блещет искрами стволов.

Чудный лес недолог, скоро
Распадется он во прах,
И откроется для взора
Степь в рассыпчатых огнях.

Но и пурпур степи знойной
Догорит и отцветет.
Мрак угрюмый и спокойный
Своды печки обовьет.

Как в пустом, забытом доме,
В дымном царстве душной мглы
Ничего не станет, кроме
Угля, пепла и золы...

Январь 1888

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Я узнал весну по блеску голубому
Томных, как мечта, задумчивых ночей,
Но, в душе лелея тайную истому,
Я боюсь весны болезненных очей.
От ее безмолвных и пытливых взоров
В сердце, подымаясь, воскресают вновь
Тень былых обид и боль былых укоров,
Всё, что сердце жгло, что волновало кровь.

Я завесил окна темной пеленою,
Растопил камин и свечи я зажег,

Чтоб спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая в теплый уголок.
Над весной победу торжествуя, грезы
Снова рисовали сердцу моему
В инее пушистом белые березы
И морозной ночи сумрачную тьму,
Скрип саней по снегу и на снеге тени,
Дым, из труб бегущий медленным столбом,
И недвижный воздух, полный мертвой лени, —
Но недолго был я очарован сном.

За окном шумливо что-то зазвенело,
Точно кто-то юный крылья развернул,
И ворвался в сердце празднично и смело
Пробужденной ночи благозвучный гул.
Я узнал, что это за окном рокочет,
Что стучится в стекла. Это дождь весны!
Он звенит и плачет, он поет и хочет
Властно развенчать обманчивые сны.
О, как страстно сердце сжалось болью жгучей,
И как тускло пламя вкрадчивых свечей!
Я открыл окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утренних лучей;
За плетнем осины под дождем блестели...
Жгучей влагой слез туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенели,
И весенней каплей канула слеза...

27 марта 1888

СОЛОВЕЙ

Был соловей влюблен в весну и зори,
И свил гнездо в смородинном кусте,
И до утра в невыплаканном горе
Он пел любовь, послушную мечте.

Он пел весну, и юность, и надежды...
Заря зарю сменяла в небесах.
Прошла весна. Зеленые одежды
Густых лесов рассыпались во прах.

Седой туман, клубяся, встал над нивой...
И улетел влюбленный соловей
К иной весне, к иной стране счастливой,
За ширь и даль полуденных морей.

И бедный куст поник осиротело,
И о певце вздыхая по ночам,
Он шелестел так грустно, так несмело,
Как будто слал упреки небесам.

И, поседев от стужи и мороза,
При шуме вьюг задумывался он:
Всё о певце рождалася в нем греза,
Всё о певце слагался светлый сон!..

Апрель 1888

НА НЕВЕ

Нет ночи, а не день. Над сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладою ночною
И морщит светлых вод спокойное стекло.

Пурпурным янтарем пылают окна зданий,
Как будто бы там ночь справляет пир весны,
Узоры пестрые далеких очертаний
В лиловый полумрак, как в дым, погружены.

Удавом каменным змеится цепь гранита,
И паутиной мачт темнеют корабли.
Уныло ночь молчит, и грусть кругом разлита,
И слышен вздох небес в молчании земли.

И точно чей-то глаз, как луч любви случайной,
Мне в душу заглянул пытливо и светло, —
И всё, что было в ней загадкою иль тайной,
Всё в звуки облеклось, всё имя обрело.

И страстные мечты, больные до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...

И мнится, что вокруг всё пышные хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны мечтой.

И мнится — даль небес, как полог, распахнется,
И каменных громад недвижный караван
Вот-вот, сейчас, сейчас, волнуясь, колыхнется —
И в бледных небесах исчезнет, как туман.

Апрель 1888

ОДУВАНЧИК

Обветрен стужею жестокой,
Еще лес млеет без листвы,
Но одуванчик златоокий
Уже мерцает из травы.
Он юн, и силы молодые
В нем бродят тайною игрой.
Питомец поля, он впервые,
Лобзаясь, встретился с весной.
И смотрит он в часы восхода,
Как ходят тучи в высоте,
Как пробуждается природа
В своей весенней наготе.

А в дни сверкающего лета,
Когда всё пышный примет вид
И, темной ризою одета,
Дубрава важно зашумит, —
Смотря на шумные вершины,
На злаки нив и цвет долин,
Он будет ждать своей кончины
Под пыльным венчиком седин.
Тогда зефир, в полях играя,
Иль молодые шалуны
Его коснутся седины,
И он умрет, питомец мая.
Он разлетится, исчезая
Как вздох, прощальный вздох весны!

12 мая 1888

ЗА ГОРОДОМ

Я зá город ушел; не слышно здесь движенья,
Не утомляет слух тяжелый стук колес,
И сходит в душу мне былое умиленье
Давно забытых дум, давно угасших грез.

Ласкают кротко взор пестреющие краски
В синеющей дали разбросанных долин,
И шепчут надо мной пленительные сказки
Дрожащие листы застенчивых осин.

Как старость мирная за юностью счастливой,
Нисходят сумерки за утомленным днем.
Чуть стелется туман над золотистой нивой,
И вьются комары трепещущим столбом.

Смотрю я в глубь небес — слежу прилежным взором
За дивною игрой плывущих облаков:
Изменчивы, как жизнь, они своим убором
Капризны, как обман младенческих годов.

И месяц между их рассеянной толпою
Серебряным серпом белеет, а вокруг
Объято всё святой, стыдливой тишиною,
И запахом травы благоухает луг.

И точно бледный креп таинственной вуали,
Всё шире, всё смелей ложится полумгла,
Навстречу первых звезд печально замигали
Чуть видные огни далекого села.

И мнится, те огни со звездами ночными
Задумчиво ведут безмолвный разговор;
Они полны тоской, страданьями земными,
Но светлой тайною мерцает звездный взор!..

15 мая 1888

КОНЧАЕТСЯ! ..

Памяти М. П. Фофанова

Кончается! .. Невольно рвется стон, —
Так тяжело, так страшно это слово!
Оно звучит, как погребальный звон
Иль как набат, рокочущий сурово
В молчаньи ночи, возвестивший нам
Пожара дым, бегущий к небесам...
Любовь, и жизнь, и славу отравляя,
Нередко нас преследует оно,
Зияет нам, как бездна роковая,
Всё вечностью, всё тайнами полно...
Ужасное таинственное слово!
Оно старо, но вечно будет ново —
Кончается!

Мы видим пир: беспечны и светлы
Ликуют гости, зал блестит огнями,
Ласкают взор накрытые столы
И винами, и яством, и плодами.
Веселый смех и гам со всех сторон,
И хрусталя дрожащий перезвон.
Но поздно! Зал редеет понемногу.
Смолкает шум. Как пестрые шмели,
Стремятся гости к тесному порогу...
Вот спешно слуги в звучный зал вошли, —
Метут полы, проворно гасят свечи...
Темнеет зал; беседы, тосты, встречи —
Кончаются!

Волнуяся, сверкает море нив,
Журчат ручьи, пестро цветут долины;
К сиянью дня вершины обратив,
Листвой трепещут робкие осины;
И дружных птиц залетная семья
Поет восторг и сладость бытия.
Проходит май; за ним уходит лето,
И острый серп уносит злак долин...
Обожжена, безмолвна и раздета,
Дуброва спит... Лишь с дремотных вершин
Последний лист, кружася, упадает
На мокрый мох... И ветер напевает:
Кончается...

Наш нежный друг волнуется, живет,
Пленяет нас открытою душою;
Мечтает он, а дерзостный недуг
К нему ползет голодною змеею.
И наконец, обвив его кругом,
Томит и жжет горячечным огнем.
Спешите вы к одру больного друга,
Его приют безмолвен и уныл.
Открыта дверь, чуть шепчется прислуга,
Душистый мускус воздух напоил.
Больной лежит и с хриплым шумом дышит,
Вы вздрогнули, — ваш слух невольно слышит:
Кончается...

Земля цветет... Бесстрастные века,
Сметая всё, меняют поколенья.
Так в небесах меняют облака
Морских ветров суровое броженье...
Кипит борьба и ропщет гордый ум.
Но будет век — замолкнет спор и шум,
Земля умрет. Над снежными морями
Повиснут гор недвижные хребты,
Засеребрясь нетающими льдами.
И род людской, как бред земной мечты,
Исчезнет сном — и даже смерть забудет...
И некому тогда воскликнуть будет:
Кончается!

15 мая 1888

* * *

Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальняя,
Как лента синяя, пестрея, тянется.

Мечтаю сумрачно, гляжу рассеянно.
Душа отзывчивей, сны — суевернее...
И, как печаль моя, как дым развеяна
Заря прощальная, заря вечерняя.

17 мая 1888

СМЕРТЬ ШУТА

В смятеньи двор веселый короля...
Всё мрачно в нем; хозяин хмурит брови,
Молчит, печаль с пажами не деля,
Заговорит — досада в каждом слове.
Придворных дам нарядная семья
Близ королевы медленно теснится;
Прекрасный принц вздыхает и боится
За краткий сон земного бытия.
В тяжелых люстрах не блестят огни,
Унылый зал почил в молчаньи строгом...
Немая смерть витает над чертогом,
И дремлет он в таинственной тени.

И лишь в одном готическом окне
Горят лампады и, слезяся воском,
Мерцают свечи... В мрачной тишине
Там труп шута лежит на ложе жестком.
Он, как мудрец, как резвое дитя,
Свой век провел — беспечно и шутя.
Воспитанный средь роскоши дворцовой,
При шепоте завистливых льстецов,
Он не любил ни славы, ни чинов,
Питая сердце мудростью суровой,
И что имел — всё бедным раздавал...
Трофеи шуток: золото, алмазы,
Из царских рук подаренный фиал,
Расшитый плащ, затейливые вазы —
Всё нес он в дар голодной нищете...
И многие в смеющемся шуте
Защитника и друга находили...
Он был один пред хмурым королем
Заступником несчастных — и о нем
Не раз бедняк поплачет на могиле...

Вот он лежит, недвижный и немой,
Презревший жизнь, и роскошь, и покой.
В одном углу сквозь сонный полумрак
Виднеется истрепанный колпак,
В другом углу — заплатанная тога...
Ничтожный шут, играющий давно ль

На пиршествах бессмысленную роль,
Теперь уснул в величьи полубога!
Еще не смело тление могил
Его чела холодного коснуться, —
Уже не раз, боясь улыбнуться,
Король к одру любимца подходил,
И на него смотрел прилежным оком,
И отходил в молчании глубоком...
И думал он: в какой облечь наряд
Тебя, мой друг? Ты кончил жизнь земную...
В твоих чертах читаю жизнь иную,
Ты мудростью и святостью объят...
Тебе чужда земная суета,
Как ветхий плащ, ты бросил мир наш тленный!..

И повелел усопшего шута
Король одеть в наряд свой драгоценный...

Май 1888

Л. Н. Т‹ОЛСТОМУ›

Я знаю мир души твоей,
Земному миру он не сроден:
Земной мир соткан из цепей,
А твой, как молодость, свободен.

Не золотой телец твой бог,
Не осквернен твой храм наживой.
Ты перед торжищем тревог
Стоишь, как жрец благочестивый.

Ты как пророк явился нам,
Тебе чужды пороки наши,
И сладкой лести фимиам,
И злом отравленные чаши.

Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю...
Остановясь на полпути,
Тебе доверчиво я внемлю.

Слежу за гением твоим,
Горжусь его полетом смелым,
Но в изумленьи оробелом
Не смею следовать за ним!

11 июня 1888

В ДОРОГЕ

Верста, еще верста! Назад я бросил взор,
Селенье скрылося за желтый косогор,
Лишь церкви дальней крест сверкает в высоте,
Да космы чучела желтеют на шесте,
Как привидение, и дымных тучек стая
Несется медленно, свой очерк изменяя...
Я дальше ухожу... Верста, еще верста!
Как знойный океан, сверкает высота.
Я бросил взор назад — уж нет вдали селенья,
Лазурью сонное сверкает отдаленье,
И небо знойное, лобзаяся с землей,
Как тайну прячет даль... Так годы чередой,
Как версты пестрые, проходят перед нами,
И смотрим мы назад пугливыми очами;
Но память бледная, как синий небосклон,
Скрывает прошлого невозмутимый сон...
И только дни любви, как крест далекий храма,
На небе бытия спокойно и упрямо
Сверкают дольше всех внимательным очам,
И смотрим мы вперед, и небо видим там.

25 июня 1888

ВДОХНОВЕНИЕ

Как хорошо, при лампе одинокой,
В тиши ночей обдумывать свой труд!
Душа кипит, и образы — плывут,
Как Млечный Путь, толпою звездоокой.

Младенческий и сладостный восторг
Стесняет грудь. Слеза дрожит во взоре.

Счастливая! Бог грез ее исторг
Из родников растаявшего горя.

Еще к земле прикован чуткий слух,
Но к небесам уже подъяты крылья.
Еще порыв, еще одно усилье,
И новый мир объемлет гордый дух.

Для жарких снов раскрыт чертог ума,
И памяти рассеянная тьма
Яснеет вновь... Былое — воскресает.
Но кончен труд, остыл сердечный жар.
Развеялись виденья милых чар...
Алтарь погас... И жертва — остывает...

2 июля 1888

* * *

Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный
Стеной узорною; румянец золотой
Угаснувшего дня не тает в бездне, полной
Глубокой вечностью и звездной глубиной.

И тихо в небесах, и тишина немая
Объемлет ласково спокойный мрак долин,
Лишь слышно, как река шумит, не умолкая,
Стремясь расторгнуть плен стеснительных плотин.

Но в чуткой тишине так много тайной жизни,
Что кажется, мой друг, оставленный вдали,
Ко мне твой тихий вздох и ропот укоризны
Ночные ветерки, волнуясь, принесли.

25 июля 1888

СОН

Мне снилося: мы шли по сте́пи ароматной,
Кругом темнела ночь спокойная; вдали
Теснились выси скал. В лазури необъятной
Горели зерна звезд — светильники земли.

И чувствовали мы, что с нами кто-то рядом,
Чуть зримый, молодой, таинственно идет;
Он не блистал красой и не блистал нарядом,
Он тих и бледен был, как месяц в лоне вод.
Нам было хорошо со спутником туманным,
Казалось, он сердца восторгом обжигал;
Но вот шатнулся мрак шатром благоуханным,
И дымная роса поднялася от скал...
И спутник наш поплыл с неверными тенями.
Он к небу улетал, в лазоревое дно, —
И там, где он исчез, — как светлое вино,
Разлилася заря багряными струями.
И стало грустно мне... И, в страхе пробужденный,
Я жадно стал искать разгадки тайной сна...
И вот увидел я, печальный и смущенный,
Что у тебя в косе мерцает седина.
Я разгадал свой сон!.. То юность улетела,
Как спутник призрачный!.. О, друг мой дорогой!
Она покинуть нас совсем еще не смела
И светит издали нам тихою зарей...

Август 1888

ХУДОЖНИК

Посвящается И. Е. Репину

Он мертвый холст волшебно оживлял
Послушной кистью перед нами...
Мы видели моря, и кручи темных скал,
И стаи облаков, играющих с волнами.

Исполнен творчества, покорствуя мечтам,
Он всюду проникал своим духовным взором,
И снова открывал испуганным очам,
Что вечность навсегда для нас закрыла флёром.

Под кистью властною вставали из гробниц
Цари, томимые раскаяньем невольным,
Пророки бледные, склонившиеся ниц
Перед святынями в восторге богомольном.

Мы казни видели, и видели пиры,
И кельи темные отшельников унылых.
В затишье шумных битв зажженные костры
И вдов заплаканных на родственных могилах.

Пред нами умирал царевич молодой,
Родительским мечом до времени сраженный,
И клялся и скорбел перед печальной донной
Жуан, волнуемый и страстью и тоской.

Мы видели в цепях смиренных христиан
И грубых палачей с кровавыми мечами.
Мы видели певца: над звучными волнами
Стоял он, звучными мечтами осиян...
. . . .

Сентябрь 1888

СТАНСЫ

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!

Слепая страсть, волнуяся, живет,
А мысль — в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!

А дни идут... На мертвое «вчера»
Воскресшее «сегодня» так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..

Октябрь 1888

* * *

Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта, —
Не знаю я, но в этот миг со мною
Роднилися добро и красота.

От светлых дум сомненья исчезали,
Как легкий дым от гаснущей золы;
Я был далек от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.

Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам,
С толпою звезд, за сонмищем планет.

И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром — и вечна и сильна.

Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...
Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?..

1888

НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!

Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною
Ранним сиянием дня,
Поздней зарею!

Пусть истерзала печаль
Сердце твое молодое,
Слез нам, как счастья, не жаль,
Вспомним былое!

В прошлом борьба и недуг
Веют забытой весною.
Не отходи, милый друг,
Смейся со мною!

В сердце тревогу смири,
С новой весною воскресни.
Пой! За сияньем зари —
Счастье и песни!

Если ж, весну схороня,
Счастье от зависти спрячем,
Не отходи от меня,
Вместе заплачем!

Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною,
Пусть же сияние дня
Длится зарею!..

1888

* * *

Рыдает и плачет тоскливая скрипка,
И слышится в звуках мне голос родной,
И тихо, сквозь слезы, мерцает улыбка
Над юностью падшей, над жизнью больной.

Рыдайте и плачьте, печальные струны!
Рыдайте, мне сладок ваш трепетный плач.
Как первые грезы, вы страстны и юны,
Безжалостны вы, как жестокий палач.

Вы вновь пробудили певучие думы,
Вы вновь окрылили восторгом меня...
И грусть моя тает, как сумрак угрюмый
Пред алым сияньем веселого дня.

И вижу я снова из мрака забвенья,
Как бледный туман из глубоких лощин,
Встают и кивают былые виденья
Сквозь черную дымку угасших годин...

1888

КАПЛЯ

Румяная заря на капле дождевой
Лучом приветливым играла.
И капля искрилась алмазною серьгой,
И капля детский взор прельщала.

Но умерла заря на западе небес,
И распростерлась тень немая,
И в капле дождевой волшебный блеск исчез.
И влажный ветер, пробегая,
Ту каплю уронил, незримую впотьмах...
Ах, для чего зари сиянье
Она пережила! Смерть капли при лучах
Могла бы вызвать состраданье!

1888

* * *

Я знаю грусть: певучая, как песнь,
Она в душе рождается случайно,
Чтоб утолить, как тяжкая болезнь,
И взволновать, как призрачная тайна...

Я знаю песнь: в душе моей, как грусть,
Она звучит то нежно, то сурово;
Ее давно твержу я наизусть,
Но в ней мечтам всё ярко и всё ново.

1888

ЛУННЫЙ СВЕТ

Бывало, всё в душе моей будило
Святые сны и звуки песнопенья
И чистые, как юность, впечатленья!
Как я любил вечернее светило,
Когда оно задумчиво глядело
В мое окно — и на полу несмело
Лучом зеленым весело чертило
Квадраты окон, сумрак наполняя
Каким-то светозарным, белым дымом...
И в проблеске его неуловимом
Мне чудилася прелесть неземная...

Как привиденье — смутный блеск луны
Рождал в душе, взволнованной невольно,
Прекрасные, пленительные сны.
Так старому ботанику довольно

Засохшего и мертвого стебля,
Чтоб по нему его воображенье
Нарисовало небо и поля,
Где расцвело усопшее растенье...

И, свет луны случайно уловив,
Исполненный восторженной истомы,
Я создавал хрустальные хоромы
Из снежных льдин: и чудный их извив,
И звонкого кристалла их изломы
Я поясами радуг обвивал
И освещал алмазными лучами.
И наполнял я лучезарный зал
Прекрасными и бледными тенями,
Без крови теплыми и ясными без света,
Как скорбь влюбленных, как мечта поэта,
Рожденная весенними ночами...
Теперь — не то, от волшебства небес
Моя душа угрюмо удалилась.
Волшебный мир лазурных грез исчез,
Тоска небес тоской земли сменилась.

Вчера я свечи погасил — и свет
Ночной луны проник в окно случайно,
Как призрак робкий, как немая тайна,
Лия вокруг болезненный привет.
Но он в душе моей не пробудил
Ни прежних снов, ни вымыслов прекрасных.
Я на него, безмолвен и уныл,
Смотрел в мечтах холодных и бесстрастных.
И думал я: зачем он светит мне,
Печальным факелом блуждая в вышине?
Зачем, дразня капризными лучами,
Обворожал он детские мечты, —
Он, созерцающий спокойно с высоты
Всё преходящее пред смертными очами?

И было мне обидно и смешно
За детский сон, исчезнувший так скоро,
И, чтобы скрыть луч месяца от взора,
Завесил я окно!

<1889>

УПРАЗДНЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

Стареет всё, и всё уносит время,
Но зрелища грустнее нет, когда
В заботах дня мятущееся племя
Приют отцов сметает без следа.

Печальный вид! Железная ограда
Разрушена кощунственной рукой;
Немых могил задумчивое стадо
Осквернено последнею хулой.

Изломаны кресты и мавзолеи —
Смирения и вечности симвóл,
Лишь завернет в заглохшие аллеи
Щипать траву меланхоличный вол.

Унылый вид! Не требуя земного,
Земля не верит памяти живых
И письмена тщеславия людского
Сдувает пылью с кáмней гробовых.

И жадный вор вечернею порою
Чугунный крест с расшатанной плиты
Спешит унесть, — святынею чужою
Не дорожат преступные мечты...

И лишь дерев зеленые побеги
Из года в год всё чаще, всё пышней,
Чтоб мертвецов загробные ночлеги
Благословлять дыханием ветвей;

Чтоб говорить мечтательно случайно
Забредшему под шаткую их сень,
Что жизнь — вечнá, что кто-то бросил тайно
В могильный мрак забрезжившийся день.

1888

* * *

Вечернее небо, лазурные воды,
В лиловом тумане почившая даль —
Всё прелестью дышит любви и свободы.
Но в этом чарующем лике природы
Читаю, как в книге, свою же печаль.

И мнится, что всё под лазурью румяной:
Склоненные ивы над сонным прудом
И лес темно-синий за далью туманной —
Всё это лишь призрак, обманчиво-странный,
Того, что созиждилось в сердце моем.

Всё это — отрывок поэмы певучей,
Кипящей глубоко в душе у меня,
Где много так веры и страсти кипучей,
Где много так жажды к свободе могучей,
Так много печали и много огня!

1888

* * *

Сумерки бледные, сумерки мутные
Снег озарил перелетным мерцанием.
Падают хлопья — снежинки минутные,
Кроют всё белым, как пух, одеянием.

Снежно... бело́, но проходят мгновения —
Снова не видно ковра белоснежного...
Грезы так падают, грезы сомнения,
В сумерки бледные сердца мятежного...

1888

* * *

Посмотри: у пруда, где в прохладную тень
Зной струится сквозь ветки дрожащие ив, —
Реют мошки; родил их сверкающий день,
И умрут они к ночи, мгновенье прожив.

И родятся другие в ликующем дне...
Так в душе у меня сонм докучных забот
Расцветет, — уплывет на житейской волне,
И родится опять, и опять уплывет...

1888

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

1

Пойдем в сосновый лес, сегодня жар несносен...
Всё тихо, всё молчит, не шелохнется лист, —
Уйдем под тихий мрак гостеприимных сосен,
И лес там молчалив, и воздух там смолист!

Люблю я этот лес; далеким желтым строем
Уходят вглубь стволы деревьев, янтарем
Смола слезится с них, и мертвенным покоем,
Боясь людских шагов, томится всё кругом!

2

Есть грусть прекрасная, когда поется стройно,
Когда — как ширь реки — задумчиво, спокойно
Катится беглых грез летучий хоровод...

Но есть другая грусть, грусть пропасти темнее,
Грусть, давящая грудь, как мстительная фея,
Когда молчат мечты и сердце смерти ждет,

Как ласку юноша, когда ни звука песен,
Ни смелых образов, когда вся жизнь — тюрьма,
Где млеет по стенам седеющая плесень
И веет сыростью губительная тьма.

1888

А. А. ФЕТУ

Есть в природе бесконечной
 Тайные мечты,
Осеняемые вечной
 Силой красоты.

Есть волшебного эфира
 Тени и огни,
Не от мира, но для мира
 Родились они.

И бессильны перед ними
 Кисти и резцы.
Но созвучьями живыми
 Вещие певцы

Уловляют их и вносят
 На скрижаль веков.
И не свеет, и не скосит
 Время этих снов.

И пока горит мерцанье
 В чарах бытия:
«Шепот. Робкое дыханье,
 Трели соловья»,

И пока святым искусствам
 Радуется свет,
Будет дорог нежным чувствам
 Вдохновенный Фет.

Январь 1889

В АЛЬБОМ В. Б. БЕРТЕНСОНА

Сильней и глубже век от века
Земли и мысли торжество.
Всё меньше веры в божество
И больше — веры в человека!

20 апреля 1889

* * *

Дрожащий блеск звезды вечерней
И чары вешние земли
В былые годы суеверней
Мне сердце тронуть бы могли.
А ныне сумрак этот белый,
И этих звезд огонь несмелый,
И благовонных яблонь цвет,
И шелест, брезжущий по саду, —
Как бледный призрак прошлых лет,
Темно и грустно блещут взгляду.
Хочу к былому я воззвать,
Чтоб вновь верней им насладиться,
Сны молодые попытать,
Любви забытой помолиться!..

Апрель 1889

МЕЧТА

Дрожит ли зыбь сребристого ручья,
Сверкает ли вечерняя зарница,
Шумит ли лес иль песня соловья
Гремит в кустах — везде мечта моя
Найдет приют, как властная царица.

Она живет с природой заодно;
Она в ручье купается наядой,
И ложе ей — из мхов цветущих дно...
Ей всё любить, ей всё понять дано,
Чтоб пролететь мгновенною усладой.

Чтобы на миг блеснуть в душе моей
И озарить улыбкой суеверной
Холодный мрак моих печальных дней,
Чтоб исцелить минутный яд страстей
И скрасить жизнь красою лицемерной...

4 мая 1889

ВСЁ ТО ЖЕ

Ты сказала мне: «Как скучно
Нынче пишут все поэты —
И у этого печалью
Переполнены сонеты.

Те же грезы, те же рифмы!
Всё сирени да сирени!..»
И, зевая, опустила
Книгу песен на колени.

А над нами в это время
Горячо лазурь сверкала,
На песке узорной сеткой
Тень от веток трепетала.

В кленах зыбью золотистой
Блеск мигал, играя с тенью.
Пахло липами и медом
И цветущею сиренью.

И сказал тебе я: «Видишь,
Как прекрасны чары лета!
Но стары они, как вечность,
Как фантазия поэта!..»

Май 1889

КУКУШКА

Гаснет вечер, гаснет небо
В бледном золоте лучей.
Веет тихою печалью
От безлиственных аллей.

Даль пронизана туманом,
Точно пылью голубой.
Пахнет свежею травою
И увядшею листвой.

Всё полно безмолвной неги,
Только в зелени сосны,
Будто медленные стоны,
Звуки мерные слышны.

То, встречая праздник мая,
В ароматной тишине
Одинокая кукушка
Об иной грустит весне.

Я люблю ее глухое
Похоронное «ку-ку»,
В нем я слышу наши слезы,
Нашу вечную тоску.

И обычай суеверный
Наблюдая по весне,
Я шепчу лесной кукушке:
«Сколько жить осталось мне?»

И пророчица-кукушка
С безмятежною тоской,
Точно слезы, сыплет годы,
Сыплет звуки надо мной.

Я считаю их прилежно:
Десять... двадцать... тридцать лет...
Нет, кукушка, ты ошиблась,
Льстив и ложен твой ответ!

Неужель еще так много
Дней печали и борьбы,
Дней тревожных увлечений
В тайниках моей судьбы?

Неужель еще придется
Мне оплакивать друзей,
Чье участье сердце грело
На рассвете юных дней?

Нет, кукушка, ты ошиблась!
Жизнь вначале хороша,

В дни, когда кипит восторгом
Окрыленная душа.

Но не сладко встретить старость,
Чтоб утраты вспоминать
И, как ты, в своей печали
К одиночеству взывать!

Май 1889
Царское Село

У ПОТОКА

Я слушал плеск гремучего потока,
Он сердца жар и страсти усыплял.
И мнилось мне, что кто-то издалёка
Прощальный гимн мне братски посылал.

И мнилось мне, что в этом влажном шуме
Таинственно и мирно я тону,
Всем бытием, как в непонятной думе,
Клонящейся к загадочному сну.

И тихо жизнь как будто отлетала
В безмолвную, задумчивую даль,
Где сладкая баюкала печаль
И нежное волненье волновало.

Июнь 1889

* * *

Зашумел, закачался взволнованный сад,
Листья бьют боевую тревогу;
Быстро вихрь налетел и отпрянул назад,
Запылил и завихрил дорогу.

Распахнулись со скрипом ворота на миг,
Затворилось окошко со звоном.
На пруде — громче уток испуганных крик,
Громче жалобы в мире зеленом.

Вот упала тяжелая капля... За ней
Шумно ливень серебряный хлещет...
И потоки звучней, и сквозь зелень ветвей
Озаренная даль уже блещет...

Июнь 1889

ЛИСТЬЯ

Ветер плачет за окном,
Ветер мечется и стонет
И невидимым крылом
Золотые листья гонит.
Листья падают с берез,
Листья шумно бьют тревогу,
Сердце жалобят до слез;
Сердце внемлет понемногу
Их взволнованным речам.
Ропщут листья по ветвям:
«Страшно в сумраке ночном
Опадать с ветвей родимых,
Гнить и мокнуть под дождем,
Дрогнуть в стужах нестерпимых!
Для того ли по весне
Мы цвели и трепетали,
Для того ли в полусне
Ветру сказок нашептали,
Чтоб он в осень нас сорвал,
Умертвил и разметал!
Ой ты, ветер неразумный,
Ветер вольный, ветер шумный,
Ты гони нас поскорей
К волнам северных морей!
Мы расскажем волнам белым,
В страхе, в стуже поседелым,
Всё, чему весной могли
Научиться у земли
И о чем и почему
Мы рыдали в дождь и тьму.
И когда весною станут

Волны плыть, кочуя вдаль,
Пусть расскажут, пусть помянут
Наши сказки и печаль!»

14 августа 1889

* * *

Стало скучно тебе —
Что же надобно?
Ветер плачет в трубе,
Плачет жалобно.

Грустно свечка горит
Одинокая;
В окна полночь глядит
Черноокая.

На дворе сентябрем
Веет холодом;
Сыплет желтым листом,
Точно золотом.

Встал туман над рекой
Белой дымкою —
Сны снесет он с собой
Невидимкою.

Ветер буйный в трубе
Плачет жалобно.
Скучно мне и тебе —
Что ж нам надобно?

31 августа 1889

ОТОШЕДШИМ

Отходят старые глашатаи свободы
Под своды вечные, под гробовые своды,
И лавры провожают их,
И смерти торжеству внимает скорбь живых!
Они родилися в мятущиеся годы,
В дни предрассудков роковых!

В те дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мрак отчизны дорогой...
При них порвалися гнилого рабства звенья,
От них повеял дух благого просвещенья
Над пробужденною страной.

Понятна их борьба, разумна их тревога,
Благословен их трудный путь.
Страдая и любя, они творили много —
Их есть чем помянуть!

А мы! Мы, робкое, больное поколенье,
Смирив в своих сердцах пытливое волненье,
Мы всё хотим простить и всё благословить,
Но цель потеряна, кумир давно разрушен;
Мы к миру холодны, и мир к нам равнодушен...
Мы не умеем жить!

Август 1889

* * *

Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Седой туман в час раннего утра,
Лучей и птиц прощальная игра —
Всё будит грусть и сны очарованья!
Прекрасна ты, осенняя пора!
От детских лет, печальный северянин,
Люблю я шум захолодавших вод
И сонный лес, когда он зарумянен
Дыханием осенних непогод.
Войду ли в сад — там смолкли птичьи хоры,
Он весь поник. В нем поздние цветы
Облечены в последние уборы,
И ярче их махровые узоры
Пред бедностью грядущей наготы!
Войду ли я в редеющие рощи —
Прозрачные, багрянцами горя,
Они молчат... Их дремлющие мощи
Уж обожгла сентябрьская заря!..

Пойду ль к реке — высоко ходят волны,
Суров, тяжел свинцовый их набег.
И тихою гармониею полны
Мои мечты, исполненные нег...
Живей встают забытые утраты,
Но не гнетут, не мучают оне,
Неясные, как сны, как ароматы,
Рожденные в осенней тишине.
Вновь кроткое доступно примиренье,
Вновь нежная слеза туманит взор...
И жизнь ясна, как светлое виденье,
Как милых строк разгаданный узор...

Август 1889

* * *

Как быстро год прошел! Как медленные дни
Томительно текли! Как много раз они,
Встречая лаской, прощались огорченьем,

Как много раз моя душа
Кипела буйным вдохновеньем,
Любить и чувствовать спеша.

Как часто с трепетным и злым негодованьем
Готов предаться был я пламенным рыданьям,
И, не рыдая, тлел в агонии страстей!

Как много раз, с судьбою споря,
Над бездной ужаса и горя,
Молил я солнца ясных дней!

Но робкая судьба как тусклый день текла
И скупо счастие дарила.
И душу сонную томила
Кругом сгустившаяся мгла.

Без слез я проклинал, без злобы ненавидел,
Без сожаления в прошедшее смотрел,
Без упования грядущее я видел
И холодно пытал нерадостный удел!

Август 1889

ЖУРАВЛИ

Свежело. Астры отцветали.
Сквозное золото аллей
Чуть трепетало. Я в печали
Следил за лётом журавлей.
Они пугливо отлетали
К теплу полуденных морей!

Их стая в небе потонула, —
Я проводил их недвижим.
Вдруг чем-то радостным пахнуло, —
Я счастлив счастьем стал чужим!

Моей душе отрадно было,
Что, бросив севера ночлег,
Они не встретят здесь уныло
Последний лист и первый снег.

И думал: так мечты поэта,
Звеня, стремятся от земли —
К любви, в лазурь тепла и света,
Как вы, седые журавли!..

Сентябрь 1889

* * *

Сколько жизни, сколько блеску
В этом луге ароматном,
В этой ниве золотистой,
В этом небе предзакатном!

Я иду — и надо мною
Трелит жаворонок звонко,
И в лугах кружáтся мошки,
Точно зыбкая воронка.

В алом клевере кузнечик
Кличет ночь, томясь от жажды,
И в бору уже кукушка
Куковала не однажды.

Но луна и звезды медлят,
Медлит ночь своим приходом,
И прощально день лепечет
Под горячим небосводом...

1889

* * *

Умолк весенний гром. Всё блещет и поет.
В алмазных каплях сад душистый.
И опоясала лазурный небосвод
Гирлянда радуги лучистой.

От ближних цветников запахло резедой,
В кустах резвей щебечут птицы.
Гремит неясный гром над высью золотой,
Как грохот дальней колесницы.

Трепещет влажный блеск, как искры на листве
Под освежительной прохладой...
Лягушка серая подпрыгнула в траве
И снова скрылась за оградой.

По мокрому шоссе, в мерцающем платке,
Прошла усталая цыганка.
Кричат разносчики, и где-то вдалеке
Гнусит печальная шарманка.

1889

* * *

Что ты сказала, я не расслышал,
Только сказала ты нежное что-то,
На́ небо месяц поздно так вышел,
И серебром засверкало болото.

В тощей осоке жизнь пробудилась,
Кто-то вздыхал там дыханьем протяжным.
Небо светилось, пышно светилось,
Звездным мерцаньем, стройным и нежным,

Что прошептала она? Я спросил
Ночь молчаливую, полный печали.
Месяц сиянье холодное лил,
Шаткие тени ревниво дрожали.

Розы дышали мне ароматно,
Звезды, мигая, толпилися тесно.
Всё говорило сердцу понятно:
«Да, прошептала, а что — неизвестно! . .»

1889

* * *

Есть странные минуты: бытие
Сменяется почти небытием.
Не трогает внимание ничье,
И совесть тихо дремлет... О былом —
Ни вздоха, ни слезы. Как мрак, уныло
Грядущее... И не страшат утраты,
И не пугает душная могила!
Воспоминаний ветхие заплаты
На рубище прошедшего мерцают...
Но, бледные, они не докучают,
Уснувших чувств не трогают они!
Ни юности, ни радости не жалко...
И солнечною ночью длятся дни...
Едва жужжит судьбы ленивой прялка,
Едва горят сердечные огни.

1889

* * *

Еще дрожит последняя слеза
В моих очах, в моем потухшем взоре,
Но пронеслась суровая гроза,
И улеглось рыдающее горе.

Еще дрожит печальная струна,
Но скорби песнь последняя уж спета.

Опять душа спокойствия полна
И холодно внимает шуму света.

Лишь в сонме грез, как в белых облаках
Ночных зарниц неверное блистанье,
Сияет мне в изменчивых мечтах
Тяжелое души воспоминанье...

1889

МЕЛАНХОЛИЯ

Для радостей природа создана,
Но почему грустит она всечасно?
Теперь закат сверкает в небе ясно —
И в нем печаль глубокая видна.

Вечерний блеск позолотил вершины,
Зеленый мрак в вершинах потонул.
Задумались деревья-исполины,
Далеких волн внимая смутный гул.

Вдали звучит кукушки кукованье,
Как тихий плач бездомной сироты...
И я грущу — и грусть та без названья,
Наперсница таинственной мечты.

Навеяла ль печальная природа
Мне эту грусть, иль сам я грусть вдохнул
В ее черты — в сиянье небосвода,
В дыханье трав и в леса смутный гул.

Я — сон ее, она ль мое виденье —
Мне всё равно... Печаль ее близка.
Восторг людей живет одно мгновенье,
А грусть и скорбь — бессчетные века.

1889

ХАНДРА

Перед окном косящатым
Сидит Хандра Ивановна.
Сидит она невесело,
Головушку повесила.

А что Хандре бы надобно?
Сама она не ведает...
Идет румяный молодец,
Идет-поет по улице,
Увидел свет в окне Хандры,
Кричит ей зычным голосом:

«Пойдем, Хандра Ивановна,
По городу по людному —
Авось ты разгуляешься,
От хмеля зашатаешься,
От ветра разрумянишься...»
Хандра ему в ответ:

«Ахти, пригожий молодец,
Кто мало жил — не любит свет
За то, что всё не выглядел.
Кто много жил — не любит свет
За то, что всё наскучило!
А мне не жить, не в гроб идти,
На белом свете маяться!

Пошла бы я по городу,
Да думаю: не тесно ли?
К базару пробралась бы я,
Претит корысть постылая:

Купцы галдят, мошной звенят,
На счетах звонкий счет ведут,
Костяшкой щелк — и рубль на стол.
Другою щелк — другой пришел!
А мне корысть хвастливая
Тошней любой беды.

Пошла бы я на игрища —
На игрищах веселый гам:
Иной до слез смеется там,
Иной до слез милуется.

А я до слез зевну в ладонь, —
Зеваючи, тушу огонь;
Ко сну клоню, домой гоню,
Туманю радость облаком...
Со мной гулять невесело.

Иди один путем своим,
Гуляй, жену нагуливай,
По свадьбе — навещу!..»

Октябрь 1890

МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ

Покинул город я мятежный,
Как беспокойную мечту,
И мчится поезд ночью снежной,
Роняя искры на лету.

Еще видны во мраке сонном
Нас обступающих полей
Каким-то клиром похоронным
Ряды покинутых огней.

Как будто шествие ночное
При свете факелов вдали
Хоронит что-то роковое
И горделивое земли.

Но дальше, дальше!.. Сумрак белый
Навстречу весело бежит;
Горит в алмазах помертвелый
Узор безлиственных ракит.

Поля блестящею пустыней
Лежат вокруг, и свет луны
На нас рассыпал отблеск синий
Из многозвездной вышины.

Недвижный воздух жжет и щиплет,
И мнится: ночь меж быстрых туч
Не звезды — иглы с неба сыплет,
Так блеск их радужный колюч!

Застыл и замер путь безмолвный,
Но и безжизненным путем
Несется поезд, жизни полный,
С победоносным торжеством.

И оснеженные деревья,
Весну, как жизнь, в себе тая,
Встречают зимний гром кочевья
Сквозь сон и ужас бытия.

И любо им в неуловимом
Морозе блещущей зимы
Дохнуть на миг теплом и дымом
Людской свободы и тюрьмы.

18 ноября 1890

* * *

Родился день, как поздняя любовь.
Холодный день, без звуков и, зарею
Недолгою блистая, слился вновь
С безжизненной, полуночною мглою.

Он не раскрыл душистые цветы
И не принес желаний сердцу новых.
Снега долин и глушь лесов сосновых
Он обманул улыбкою мечты.

Унылый день! — похожий, как близнец,
На прежние — и так же важно скучен,
И так же тих для памяти сердец,
Как вечность — стар, как опыт — однозвучен.

Лишь вымыслу возможна новизна!
Для правды нет ее у человека,
И опытом, затверженным от века,
Как жизнь, как смерть, развенчана она...

Декабрь 1890

ПОЗДНИЕ ОГНИ

Безмолвны немые громады,
Задумчиво город уснул;
Лишь поздние блещут лампады
Да бродит усталый разгул.

Люблю подмечать я высоко
Огонь запоздалый в окне;
Угадывать, кто одиноко
Не дремлет в ночной тишине.

Не нового ль ждет постояльца
Счастливая браком семья?
Иль жизнь догорает страдальца
При слабом мерцаньи огня?

Колеблются тени на сторе.
Движение в светлом окне...
Кто знает: восторг или горе
Не спит в роковой хлопотне?

Иль труженик там и мечтатель,
Что ночи сидит напролет, —
Неведомый миру создатель
Возвышенных песен и од?

До света меж стен неприветных
Поет он о трудной борьбе,

О ласках, о думах заветных
И славу пророчит себе.

А улица спит и не бредит. . .
Далёко до алой зари. . .
Никто не пройдет, не проедет,
Уныло горят фонари. . .

Молчат, как гробницы, фасады,
Ослепшие окна темны. . .
Всё реже ночные лампады,
Всё ярче счастливые сны. . .

1890

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

Смеется солнце с высоты.
Поля зеленые пахучи.
Гроза прошла, мои мечты
Полны таинственных созвучий.

Душистей лес, звучней поток,
Светло в душе, светло в лазури,
Как будто в жизни нет тревог,
А небеса не знают бури. . .

Но всё равно в затишье стройном
Таится тайный жар страстей,
И зреют грозы в небе знойном
Под пенье жниц и косарей.

Как нет без бурь живого лета
И как без жизни нет слезы,
Так нет в живой душе поэта
Без вдохновения грозы. . .

1890

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(По поводу его книги «Вечерний звон»)

Поэт! Когда завечерело
В твоей мечтательной судьбе,
Вновь муза старая тебе
О детстве розовом запела.

Хотя снег старости твоей
Зарей румянится вечерней,
Поешь ты громче и теплей
Перед толпою жадной черни.

А я весною, в дождь и тьму,
Настроив лиру своевольно,
Остановился, богомольно
Внимая звону твоему.

Молю, чтоб медлил мрак полночный
Гасить закат твоих лучей, —
Мне сладок звон твоей всенóщной,
Как звон заутрени твоей!..

1890

* * *

Лунная тихая ночь, —
Воздух, исполненный лени...
На серебристом снегу
Темные, резкие тени...
Сердце бы грезить не прочь, —
Только печальна душа...
Только мечтать не могу, —
Холодом в холод дыша!

В сердце весна отцвела:
Там, как в пустыне, безгласно;
Прошлое счастье — луной
Смотрит мертво и неясно...

В блестках морозная мгла,
В звездах холодная высь...
Что ж ты, любовь, не со мной?
Где ж ты, весна, отзовись?!

1890

* * *

Любил я с детства темные леса,
И кручи скал, и шум потоков пенных,
И в зорях розовых и в звездах неизменных
Глубокие, как мудрость, небеса...

Но душный город не пускал меня
Из стен своих, из каменных объятий,
Где бледный день рождался для проклятий,
Безжизненный, как сердце без огня.

Когда весной слезился белый снег
И обнажал в безлюдных скверах сосны, —
Тогда в душе, под звон великопостный,
Рождалась грусть, исполненная нег...

Какой-то сон, как тайна непонятный,
Ко мне слетал, — в восторге тихом я
Воображал прекрасные края,
И шум лесов, и ветер ароматный.

Волшебное с возможным сочетал
И плакал я над вымыслами сладко,
Грядущее мечтой переживал
И старился душою я украдкой.

Весь мир умом пытливо облетев,
Исчерпав всё, что ярко и прекрасно,
Я стал чужой всему, и лишь былой напев
Звучит в душе моей неясно.

1890

* * *

Усталое сердце не жаждет
Привычной любви бытия...
Зачем же так ропщет и страждет
Бессонная память моя?

Опять позабытые речи
Невольно твержу наизусть,
Былые и лица и встречи
Мечтой вызывают мне грусть.

Язвят неразумные ссоры,
Ошибки былого и зло, —
Всё то, что туманило взоры,
Что душу мучительно жгло.

И сетует память тревожно,
И грустно до боли уму
За то, что забыть невозможно
Былого холодную тьму.

И смутно в душе без участья,
И рад бы отдать навсегда
За миг возвращенного счастья
Грядущей печали года.

1890

ИЗ «ЦВЕТНИКА РОЗ» СААДИ

Чем реже страсть, тем выше наслажденье;
Чем слаще сон, тем горше пробужденье;
Чем радужней пленительный обман,
Тем истины бледнее призрак голый;
Но чем трудней победы миг тяжелый, —
Тем легче смерть, тем легче язвы ран!

Март 1891

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!

Ты помнишь ли: мягкие тени
Ложились неслышно кругом,
И тихо дрожали сирени
Под нашим открытым окном...

Всё тише заветные речи
С тобою тогда мы вели
И скоро блестящие свечи
Рукой торопливой зажгли;

Ты села к роялю небрежно,
И всё, чем полна ты была,
Чем долго томилась мятежно, —
Всё в звуки любви облекла;

Я слушал безгрешные звуки
И грустно смотрел на огни...
То было пред днями разлуки,
Но было в счастливые дни!..

Август 1891

* * *

Мы любим, кажется, друг друга,
Но отчего же иногда
От нежных слов, как от недуга,
Бежим, исполнены стыда?

Зачем, привыкшие к злословью,
Друг друга любим мы терзать?
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?

Сентябрь 1891

ГОЛОД

Кто костлявою рукою
В двери хижины стучит?
Кто увядшею травою
И соломой шелестит?

То не осень с нив и пашен
Возвращается хмельна, —
Этот призрак хмур и страшен,
Как кошмар больного сна.

Всемертвящ и всепобеден,
В ветхом рубище своем,
Он идет без хмеля бледен
И хромает с костылем.

Скудной жертвою измаян,
Собирая дань свою,
Как докучливый хозяин,
Входит в каждую семью.

Всё вывозит из амбара
До последнего зерна.
Коли зернами нет дара,
То скотина убрана.

Смотришь, там исчезнет телка,
Там савраска пропадет...
Тяжела его метелка,
Да легко зато метет!

С горькой жалобой и с гневом
Этот призрак роковой
Из гумна идет по хлевам,
От амбаров к кладовой.

Тащит сено и солому,
Лихорадкою знобит,
И опять, рыдая, к дому
Поселянина спешит.

В огородах, по задворкам
Он шатается, как тень,
И ведет по черствым коркам
Счет убогих деревень:

Где на нивах колос выжжен,
Поздним градом смят овес.
И стоит, дрожа, у хижин
Разрумяненный мороз...

10 ноября 1891

МЕЧТА

Я верю: будет век великого сознанья,
Без крови, без вражды... Блеснет могучий свет,
Утихнет зло и ложь бесплодного страданья,
Померкнет ореол убийственных побед
Пред солнцем истины, что в мщеньи — правды нет!

И мстишь — кому, за что? Желать побед и славы,
Смерть ополчив на жизнь, — не жизнь ли уберечь?
Нет, вы — герои зла, нет, вы, борцы, не правы:
Где мысль — там жизнь кипит, где жизнь — там
властна речь,
Там слово — побеждает меч!

Декабрь 1891

* * *

Уныло рыдала метель на дворе,
Я сетовал горько, я плакал,
И ветер деревья качал в серебре,
И в стекла их ветками звякал.

Свеча догорала, как юность моя,
И тени на стенах шатались,
И молча с портретов смотрели друзья,
И грустно мечтам улыбались,

Прошедшие годы — забвенные сны —
Мне сердце больнее терзали.
Как будто теперь лишь, с поминок весны,
Вернулся я, полный печали.

Как будто бы я, в непогожую ночь,
Звучащую сердцу сурово,
От милых надежд, улетающих прочь,
Услышал прощальное слово.

И было пустынно так в сердце моем,
Без жалоб, без слез, без участья...
А ветер шумел и рыдал за окном,
Чужое оплакивал счастье.

Декабрь 1891

НАШ ДОМОВОЙ

Люблю тебя, наш русский домовой!
Волшебным снам, как старине, послушный;
Ты веешь мне знакомой стариной,
Пою тебя, наш демон простодушный;
Ты близок мне, волшебник дорогой.
Доверчивый, ты скромные угодья
Моих отцов как сторож охранял,
Их зернами и хмелем осыпал...
Ты близок мне: я — внук простонародья!

И первый ты в младенческой тиши
Дохнул теплом мне родственной души.
И слышался тогда твой вздох печальный;
Он как вопрос звучал из тишины,
А может быть, из тьмы первоначальной:
Не правда ли, все люди? Все равны?
И стал ты мне как откровенье сладок;
И полюбил я тихий твой приход —
То с негою пленительных загадок,
То с мукою язвительных забот.

Народ живет, народ еще не вымер...
Ты помнишь ли, как Солнышко-Владимир,

Твой добрый князь, крестился у Днепра?
Ты бражничал у княжего двора,
Ты сторожил и мел его хоромы...
И девичьи мечты тебе знакомы.
Как часто ты доверчивой княжне
Внушал любовь к докучной тишине,
Когда дрожал лампадный луч в часовне.
В бессонный час, при ласковой луне,
Она, дитя, мечтала о неровне...

Ты был один свидетель нежных чар,
Ты разжигал сердечной страсти жар,
Ей навевал влюбленную истому,
Сон отгонял — и наконец она,
Дыханием твоим обожжена,
Лебяжий пух меняла на солому...
И между тем как старый князь дрожал, —
Влюбленных след ты нежно заметал
И колдовал над милою деревней,
Где страсть полней и песни задушевней.

Ты дорог мне, таинственный кумир, —
Моих страстей и грез моих наперсник,
По-своему ты любишь грешный мир.
Родных полей и дымных хат ровесник,
Веди меня в седую глушь лесов,
К полям, к труду, к замедленному плугу...
Не измени неопытному другу,
Дай руку мне! .. Ты видишь, я готов
Сменить тоску нарядных лестью горниц,
Где зреет страсть завистливых затворниц,
Лукавых жен, холодных дочерей,
Кичащихся лишь немощью своей, —
На скромный дар заветных огородов,
На золото колеблющихся нив...
Там ты вдохнешь мне силу новых всходов,
И стану я по-твоему счастли́в!
И грешный вопль раскаянья забуду,
И радостью труда исполнен буду,
Свой новый путь, как жизнь, благословив! ..

1891

СОНЕТ

Когда задумчиво вечерний мрак ложится,
И засыпает мир, дыханье притая,
И слышно, как в кустах росистых копошится
Проворных ящериц пугливая семья;

Когда трещат в лесу костров сухие сучья,
Дрожащим заревом пугая мрачных сов,
И носятся вокруг неясные созвучья,
Как бы слетевшие из сказочных миров;

Когда, надев венки из лилий и фиалок,
Туманный хоровод серебряных русалок
Хохочет над рекой, забрызгав свой убор;

Когда от гордых звезд до скромных незабудок
Всё сердце трогает и всё пугает взор, —
Смеется грустно мой рассудок.

1891

* * *

Мечтательно-возвышенный,
Стыдливый и простой
Мотив, когда-то слышанный,
Пронесся надо мной.

Стою я очарованный,
Не плача, не дыша,
И грезой заколдованной
Наполнилась душа.

Мне снится сад с пахучими
Цветами и прудом.
Луна блестит за тучами
Унылым фонарем.

В аллеях дремлют грации
И боги древних лет,
Зеленые акации
Роняют желтый цвет.

И песнью заколдованной
Звучит моя душа,
И точно очарованный
Стою я, не дыша.

1891

* * *

Сегодня под моим окном
Всё утро птицы щебетали;
Они весну мне обещали —
Весну, отцветшую в былом...

Как будто, грея сердце лаской,
Вернуться юность может вновь, —
Чтоб повторить веселой сказкой
Давно угасшую любовь! ..

1891

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

Живите, люди добрые, живите, люди честные,
Стремися, юность смелая, без устали вперед!
Тебе — земля цветущая, тебе — огни небесные,
Тебе — весна румяная и шепот вешних вод.

Живите, возлюбившие всё светлое, всё чистое,
Вы, правды неизменные глашатаи земли,
Недаром солнце знания, как истина лучистая,
Всё ярче разгорается и блещет там, вдали.

Живите, будьте счастливы! Тот счастлив, кто с младенчества
В тоске желаний призрачных не знал лукавых грез,
И счастлив тот, кто с верою погиб за человечество,
Кто рано лег в холодный гроб, кто зла не перенес!

Но тот еще счастливее, кому борьба печальная
Не смела крылья юности до времени разбить,
Чье слово вдохновенное, как арфа музыкальная,
Осталось в мире дремлющих на доброе будить.

Исчезнет зло мятежное, пройдут мечты лукавые,
Пройдут непостоянные, безумные года,
Погибнут все жестокие, погибнут все неправые,
А истина великая и слово — никогда!..

1891

* * *

Мы — поздние певцы: мир, злой и обветшалый,
Оставил только то для нас,
О чем не грезил он, что проклинал, усталый,
Стремяся рухнуть каждый час.

Что пламенно любил — он выразил невольно
В созданиях искусств и в фолиантах книг.
А нам оставил то, что сбросил добровольно
С своих заржавленных вериг.

И грустно мы поем, толпа певцов печальных,
И прах его цепей венчаем вязью роз, —
Но поздние мечты бледней первоначальных,
А грозы поздние — ужасней первых гроз...

1891

NOTTURNO

Не мечты ли мне напели
Этот бред и этот сон...
Иль в ту ночь на самом деле
Был я болен и влюблен...

Я горел: писал безумно
И написанное рвал;
Открывал окно бесшумно,
Открывал и закрывал.

Выходил, дрожа волненьем,
На балкон и на крыльцо.
Ночь душистым дуновеньем
Обвевала мне лицо.

Точно блеском лунной пыли
Был осыпан влажный сад.
И цветы луне кадили,
Как богине, аромат.

Я глядел... пылали очи...
Точно сам я был творцом
Этих звезд и этой ночи,
Серебрящейся кругом;

Точно сам растенья эти
Я росою напоил,
Точно я один на свете
Плакал, мыслил и любил!..

1891

* * *

Ни медленным трудом, ни жизнью торопливой
Не успокоить ум. Бесстрастный и пытливый,
Как тусклая свеча он озаряет мне
Весь мир, мной видимый, и все его явленья;
Смиряет сердца жар и в робкой тишине
Не сны на ложе шлет, а тяжкие сомненья.

Как демон он гнетет, смеется и язвит
За песню каждую; над каждой новой урной
Не тихою слезой — раздумьем леденит
И, презирая смерть, не ищет жизни бурной...
Он не влечет меня в лазурные края,
В края фантазии, где брезжит свет прозрачный,
Где тени светлые резвятся у ручья.

Нет, он зовет меня на жниву жизни мрачной,
Где столько скошено безвременно борцов,
Где колос знания пришибла непогода...
И где она сама, бессмертная природа, —
Порабощенная лежит у ног рабов...

1891

* * *

Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне
Зачем вздыхаешь ты и плачешь отчего?
Ведь если я живу — то для твоей же жизни,
И сердце берегу — для сердца твоего.

Вся радость, вся любовь души моей мятежной
Родилась потому, что встретился с тобой.
Чтоб грусть свою смирить — мне надо взор твой
нежный,
Чтоб слух свой усладить — мне надо голос твой...

И, как цветок — луча, я жду твоей улыбки,
Измученный борьбой унылой суеты.
И, чтобы изменить прошедшего ошибки,
Я должен веровать, что не изменишь ты.

1891

СКОШЕННЫЕ ТРАВЫ

Как много было по весне
Цветов, пестревших горделиво...
Одни в румяном полусне
Благоухали нам стыдливо;

Другие пышные цветы,
Гордяся венчиком прекрасным,
Дышали сладостней мечты,
Томясь волненьем сладострастным...

Одни любили блеск и зной,
Других изнежила прохлада;
Иные жизнь несли с собой,
Другие — смерть и холод яда...

И все струили аромат,
И каждый нес из почвы влажной

Свой нежный запах, свой наряд;
И долго плыл их вздох протяжный...

. . . .

Мы все — цветы родных полей,
Весною юности капризной
Любили знойный зов страстей
И шум, навеянный отчизной...

1891

* * *

Я сидел у окна, я смотрел в полутьму,
В задремавший, росою обрызганный сад;
Я смотрел, как, зеленых ветвей бахрому
Наклоняя, березы безмолвно грустят,

Как чуть зыблились маковки трепетных верб
И как в бледной, далекой лазури небес
Выплывал и яснел грустный месяца серп,
Наполняя мне сердце игрою чудес.

Я сидел у окна и смотрел в полутьму,
И не знаю — взгрустнулося мне почему,
И не знаю — зачем непонятный восторг
Из мятежного сердца созвучья исторг.

1891

* * *

Кто он? Зачем? Откуда этот гость,
Таинственный и странный, как виденье?
Со мною он — чуть вспыхнет в сердце злость
Иль осенит, как счастье, примиренье.

Давно встречал его пытливый взор,
Мне бледное лицо его знакомо.
То в нем восторг блеснет, как метеор,
То, как осенний день, в нем теплится истома.

Давно хотел я разгадать его,
И всё не мог найти к нему разгадки.
При встречах он не молвит ничего,
Лишь хмурит лба задумчивые складки.

Кто он? Зачем? Откуда он пришел?
Куда ведет в тоске недоуменья?
Ему людской несносен произвол
И тяжелы, как цепи, увлеченья...

В толпе, как тень, он бродит одинок,
Сопутствует и ненавидит тайно.
Он от меня, от сердца так далек —
И вместе с тем так близок чрезвычайно!..

<1892>

ОСЕНЬ

День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могилой
Пахнет в воздухе сыром...

Как больной, глядит сквозь слезы
Опечалившийся день —
На поникшие березы,
На опавшую сирень...

Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...

В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...

<1892>

* * *

Мы, нежного певцы, таинственной судьбы
Всегда покорные и тихие рабы.
Нам дорог рифмы звон, как тощему скупцу
Звон гордый золота на жадной смене торга;
Услышим нежный стих — и слезы по лицу,
И холод в волосах от сладкого восторга.
Но если в нашу жизнь ворвется иногда
Суровый ураган несчастья рокового,
Мы ропщем, мы скорбим, но нет стиха живого,
Чтоб выразить всю страсть печали и стыда.

<1892>

* * *

Обманули меня соловьи,
Обманули румяные зори.
Обманули улыбки твои,
Промелькнувшие в ласковом взоре.

Но счастливым поют соловьи,
И весна расцветает прекрасно,
И заря улыбается ясно —
На печальные думы мои. . .

Кто же пламень в природе задул,
Кто окутал всё грустью, как флером?
И звучит мое сердце укором:
Не себя ли ты сам обманул? . .

<1892>

* * *

Я сердце свое захотел обмануть!
Довольно, сказал я, печалиться в мире:
Прекрасен и светел наш жизненный путь.
Цветы на полянах, и струны на лире,

И волны на море, и звезды в эфире —
Всё дышит, чтоб слаще нам было вздохнуть.
Я сердце свое захотел обмануть!

Довольно, сказал я, томиться печалью:
Смотри, как всё ясно за чистою далью, —
Мир счастьем, теплом и весною богат.
Где слышало ты, что друзья — лицемерны?
Любовь озаряет и роскошь палат,
И душные стены веселой таверны...

Довольно ты крепом венчало певца,
Люби и ликуй, как другие сердца!
В недужном бессильи не мудрствуй лукаво,
Цветами алтарь вдохновенья венчай...
Нам жизнью дается великое право
Любить и прощать! И люби, и прощай!
И ясной зарей улыбнется нам слава,
И розы усыплют торжественный путь...
Я сердце свое захотел обмануть!

И сердце забилось тревогою знойной,
Исполнилось силы, зажглося огнем,
И вывело снова на путь беспокойный,
Где друг перед другом, боец пред бойцом
Сходились с открытым и дерзким лицом,
И кровь проливали, и мерили силы...

С небратской отвагой разили мечом,
И с братской тоскою копали могилы...
Любимые очи мне лгали опять.
Венок мой душистый был бурей развеян.
Недолго любил я, чтоб долго страдать,
Немного простил я и — много осмеян!

Цветы отравляли дыханием грудь,
И думы темнило смятенье разгула...
Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце — меня обмануло!..

17 февраля 1892

СТАНСЫ

Недаром вопли клеветы
В своем бездушном приговоре
Растут в безумие мечты,
Растут в чудовищное горе.

Всё лгало, всё — твои слова,
Твоя улыбка с дерзким взором;
Но не лгала людей молва,
Твоим играючи позором.

Какая страшная судьба,
Какие гневные томленья!
Ужели ты — страстей раба,
Ужель ты жертва преступленья?

Уйдешь, неловко хмуря бровь,
Иль взор потупишь молчаливо. . .
Придешь — и чуждую любовь
Спешу угадывать пытливо.

Вокруг тебя позор и мгла,
Ты улыбнешься — мне терзанье.
У просветленного чела
Ловлю я чуждое дыханье.

Учусь угадывать в чертах
Томленье страсти непокорной —
Чужого счастья стыд и страх —
И жду, всё жду разлуки черной.

Когда же ласками опять
Даришь ты нежно и пугливо,
Я не умею не прощать,
А после сетую ревниво.

Признаний требую твоих,
Жестокой истины признаний,
Как будто больше счастья в них,
Чем в скрытом бешенстве терзаний! . .

Март 1892

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Сегодня тридцать лет минýло мне... О, муза!
Приди и оживи ночную тишину!
Во имя светлых дум и долгого союза
Мы нежно станем петь тридцатую весну.

Ты не изменишь мне; тебе не изменила
Ни гневная судьба, ни дерзкая вражда.
Как часто я роптал, что ранняя могила
Не скрыла темный прах от горя и стыда!

Как часто я скорбел, волнуемый утратой!
Но приходила ты, свевала ночь с чела,
Я снова оживал, восторгами объятый,
Когда ты скорбь мою к созвучиям влекла.

И ныне праздник твой, и гимном покаянным,
Как блудный сын, тебя приветствую теперь.
Я слышу, ты идешь в венке благоуханном
И в сердце мне стучишь, как в запертую дверь.

Приди и сядь ко мне, сопутница родная,
Как няня старая мне сказки говори,
А я у ног твоих забудуся, срывая
С одежды облачной цветы и янтари...

18 мая 1892

ЛАНДЫШ

Как скромен ты, питомец мая!
Не налюбуюся тобой,
Когда ты весь, благоухая,
Сверкаешь утренней росой.

Склоняя чепчик свой измятый
Не от грозы — от нег ночей,
Ты дремлешь, грезами объятый,
Встречая ранний свет лучей.

Когда твой вздох зарей румяной
В лесу сосновом слышу я,
Душа темнится грустью странной
Для грешных вздохов бытия.

И у тебя была сильфида —
Нас обманувшая весна, —
Но как светла твоя обида!
И как печаль моя темна!

Май 1892

УТЕШЕНИЕ

Всё хорошо на свете, милый друг, —
Всё хорошо, пленительно и ясно.
Борьба страстей, пороки и недуг
Промчатся сном, волнующимся страстно.

Но светлый мир прекраснее борьбы,
И жизнь сильней порока и печали.
Недаром же на ранние гробы
И грешники слезу свою роняли.

Недаром же раскаянья томят,
И мучают нас совести укоры,
И памяти безжизненные взоры
На прошлое так жизненно глядят.

30 августа 1892

ШАРМАНЩИК

Усталый и бледный, сияющим днем
Шарманщик играет у нас под окном.
Сбегаются дети послушать игру,
Пришлася шарманка его ко двору.
Он вертит шарманку, на окна глядит,
Шарманка тоскует, шарманка визжит.

Унылые звуки, несвязные сны!
Зачем вы звучите кошмаром весны;

Зачем отголоском счастливых людей
Вы плачете, звуки, в печали своей?

Вам дети внимают наивной душой,
Да камень холодный, поросший травой,
Да сердце, печальное сердце одно,
Где звякнуло, тихо раскрывшись, окно,
И тонкие пальцы дрожащей руки,
Под робкие звуки певучей тоски,
Роняют, как слезы, монеты, затем,
Чтоб двор оставался по-прежнему нем,
Чтоб дряхлые звуки шарманки твоей
Не вызвали б слезы из тусклых очей,
Чтоб слаще дремали в беззвучной тиши
Разбитые струны разбитой души!..

1 сентября 1892

В СОСНОВОЙ РОЩЕ

Тихо в роще — жар несносен;
Неподвижен длинный ряд
Желтостволых колоннад —
Опаленных зноем сосен.
Обессиленная мгла
Влаги ждет и небу внемлет;
Туча сумраком легла,
Туча холодом объемлет.
Ветер рощу колыхнул,
Ветки сдвинул, распахнул
И в вершинах их косматых,
Трепетанием объятых,
Белым сумраком зевнул.
Всё темнее... всё печальней
Уплывает высью дальней,
Перешептываясь, гул...
И сквозь хвои тощих игол,
Орошая бледный мох,
Град запрядал и запрыгал,
Как серебряный горох.

Сентябрь 1892

* * *

Дай оглянусь назад! Жизнь прожита почти.
Что сделал? Что свершил? Стою на полпути,
И сердцу боязно, и тяжело рассудку
За то, что жизнь свою, как ветреную шутку,
Я презирал и жил без пользы, без труда!
Где грезы светлые, где нежные года?
Они погребены под пеплом покаянья,
Угаснувших страстей и позднего страданья.
И где младенчество? Где робкий взор и ум,
Молящийся любви и свету райских дум?

Умчалися... Ушли неясные волненья!
Мои наивные, но чистые стремленья,
Мои прекрасные, но детские мечты
Осыпались давно, как пышные цветы
В дни ранней осени... Но, шумные, как волны,
Они не улеглись; иною страстью полны,
Кипят, мятежные. Их блеск — не из огня,
Их накипь без тепла, их в сердце у меня
Не зори майские, а бури нашумели!..
И где ты, ангел мой, хранитель колыбели,
Молитвы мирные шептавший в тишине,
С приветливым челом склонявшийся ко мне
В дни веры искренней, в дни детства и отрады?
Ты позабыл зажечь огни моей лампады!
Со мною странствуя, как изменился ты!
Где миртовая ветвь — эмблема всепрощенья?
Чело твое темно, в очах твоих — сомненье...
Над ложем сумрачным склоняяся порой,
Ты плачешь... ты грустишь не райскою тоской!..

2 ноября 1892

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалася
И умолкла до утра!..

1892

ЗАГЛОХШАЯ ТРОПА

Иду я... Путь заглохший тесен.
Зеленый мрак вокруг меня.
И темь, и лес! Душа без песен,
И ночь без позднего огня!

И тяжко дышащим навесом
Сплелися ветки надо мной,
И новый лес встает за лесом,
Смущая очи темнотой.

Ах, если б там, сквозь хвои сосен,
Мелькнул веселый огонек,
Как луч надежды — жизненосен
И как мечтанье — одинок!..

1892

ВЕЧЕР

Пыль улеглась, прибитая дождем...
Горит заря болезненным лучом,
Сквозь облака кудрявые алея...
И, медленно вершины шевеля,

Дрожит зефир... И спят поля,
И спит пустынная аллея...

Вхожу в нее... Со всех сторон
Кивает мрак неясной дымкой;
И мнится, кто-то невидимкой
Идет, таинственный, как сон...

И кто-то дышит негой сладкой
В лицо горячее украдкой;
И мнится, с запахом кустов,
С остывшей мглой зари багровой —
Переживу я мрак суровый
Давно утраченных годов.

1892

ПАПОРОТНИК

Не обольстительные краски,
Но твой причудливый узор
Невольно привлекает взор:
Не мудрецы ль арабской сказки
Тебя соткали в свой шатер?
Твоих воздушных очертаний
Неуловимая краса
Полна таинственных сказаний,
Как золотые небеса.
Кто посвятил мечты отчизне,
Кто цвета ждал и не расцвел,
Кто был обманут в бледной жизни —
В тебе сочувствие нашел!..

1892

ПОДСНЕЖНИК

Когда в лесу глухом валежник
Поутру иней серебрил,
На солнце выглянул подснежник
И день весны предвозвестил.
Недолго цвел он, жизнью светел,

Вверяясь счастью своему,
И умер только потому,
Что слишком рано солнце встретил!

1892

ПОДСОЛНЕЧНИК

Цветок-плебей, обильный жизнью зерен,
Он задремал, судьбе своей покорен,
Склоняяся к убогому плетню.
Как день огнист, он улыбнулся дню.
И, радуясь за свой расцвет махровый,
Упругий лист и сочный стебель свой
Он устремил к лазури золотой,
Цветок-плебей, цветок земли суровой!
Его судьба унылая тиха,
Он праздный взор мечтателя не тронет,
Свою любовь, как счастье, он хоронит
И нежности стыдится, как греха.

1892

ОСИНА

Опасность близится — о, помогите мне!
И листья робкие трепещут у осины...
Вокруг безветрие, и дремлют в тишине
Усталые стада на зелени долины.
Но вот рокочет гром в стемневшей вышине,
Шатает ураган деревья-исполины...
А листья робкие застенчивой осины
Всё так же трепетно лепечут в полусне:
«Опасность близится — о, помогите мне!»

1892

* * *

Всё грустно, всё! Наш тихий разговор
И сумерки, и лампы одинокой
Унылый свет... И твой прекрасный взор,
Моя любовь, мой ангел темноокий.

Смотри — и там, за сумрачным окном,
Заглохший сад, желтея, умирает.
И он, как мы, скучает о былом,
И он, как мы, весну воспоминает.

Всё грустно, всё! Ночных теней приход
И робкая звезда на небосводе —
Всё тихие мечтания зовет
К забытым снам, к потерянной свободе.

Но вечностью земного торжества
Не усладишь небесное мгновенье,
И нашу грусть не выразят слова:
Она души бессмертное стремленье!..

1892

* * *

На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.

Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем роняет свой взор
И лучом отогретые мощи
Одевает в зеленый убор.

Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.

Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь, —
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..

1892

* * *

Мне нужен свет любви твоей, —
Не омрачай меня сомненьем!
Живешь ты жизнию моей,
А я живу твоим волненьем.

Над мрачной бездною скользя,
Я не ищу земного счастья,
Но жить без твоего участья —
Как жить без сердца — мне нельзя!

1892

ГАММА

Испытана, затвержена и снова
Повторена унылая судьба!
Всё та же жизнь, и всё гнетет сурово,
Как душный зной, тяжелая борьба!

Так иногда — идешь в аллее стройной
Зеленого бульвара. Полдень знойный
Не шелохнёт деревьев сонный ряд;
Балконы дач уныло дремлют в зное,
Окружены садами, где струят
Свой аромат сирени и левкои.

Душа полна в затишье тайных мук,
Ни облачка на шири небосклона. . .
И вдруг раздастся робкой гаммы звук
Из-за гардин опущенных балкона.

Мелодии докучной перебор
Спугнет мечту; как яркий метеор
Промчится мысль — и сетует упрямо:
Не вся ли жизнь с любовью и борьбой —
Лишь в душный зной разыгранная гамма
Ленивою, скучающей рукой? . .

1892

СМЕРТЬ

В агонии, до белого утра,
Весь ужасом, весь трепетом объятый,
Метался я, как в бурю челн дощатый,
И призраки у знойного одра,
Как коршуны, вились толпой крылатой.

Пылал язык, и бреда тяжкий лепет,
Срываясь с уст, бессвязно замирал.
И рос в душе непобедимый трепет:
Я вспыхивал, горел — и погасал!

Но только луч живительного света
Блеснул в окно, под кровлю лазарета,
И легче я и медленней вздохнул...
Рой призраков, шатаяся, отпрянул,
И кто-то лоб горячий опахнул,
И тихою слезой на сердце канул.

Холодная, прозрачная ладонь
Закрыла мне измученные вежды.
В больном уме погасла грусть надежды,
Погас в душе мятущийся огонь.

И чудное, исполненное ласки
Создание — на щеки, на чело
Как будто воск холодный разлило,
И я застыл в окаменелой маске.
Довольно снов, — усни без сновидений!..
. . . .

1892

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

В ароматных лугах не звенела коса,
И на пажитях жницы не пели.
Одевалися серою мглой небеса,
Обнажились, шумя, золотые леса,
И земля ожидала метели.

Грусть была и в душе молодой у меня
И в мерцаньи природы поблеклом.
Тусклый вечер сменял мглу осеннего дня,
Клокотал самовар... Сиротливо звеня,
Дождь бесшумно струился по стеклам.

В бледном сердце моем закипала гроза...
Вспоминались глаза с поволокой,
Где, как счастье, сияла небес бирюза,
И недетская грудь мне давила слеза,
И рыдал я в печали глубокой.

Вспоминались — весной расцветающий сад,
Наши первые робкие встречи...
И душистых черемух венчальный наряд,
И не тающий ночью румяный закат,
И признаний невинные речи.

Мы, как дети, любили друг друга тогда
И, как дети, расстались покорно.
И никто нашей тайной любви никогда
Не подметил — она, как мечта, без следа
Пронеслася в сердцах благотворно.

Но в разлуке тебя полюбил я живей —
И впервые рыдал об утрате...
Так в разбитой струне звуки ропщут звучней,
От подкошенных трав ароматы сильней,
Солнце блещет ясней на закате...

1892

ЛАБИРИНТ

Живешь и не знаешь, где кончишь;
Не знаешь, поверить кому.
Всё рвешься мучительно к свету
И снова приходишь во тьму.

И боязно снова и грустно!
Так часто бывает во сне:
Идешь по таинственным залам
В зловещей, немой тишине!

Идешь от порога к порогу,
От темных ворот до ворот
И чувствуешь: кто-то незримый
Вослед за тобою идет.

Не видишь конца лабиринту
Волшебных дверей и аркад,
Идешь и томишься тоскою,
Боясь оглянуться назад.

И с каждой минутой страшнее
Предчувствием сердце болит,
От страха уйдешь без оглядки —
Как ужас в погоню бежит!

Стремишься по лестницам темным,
Стучишься в замкну́тую дверь,
А кто-то, как демон, хохочет:
«Не скрыться, не скрыться теперь!»

Дрожишь — и не можешь проснуться,
Готов погибать без надежд,
Пока не откроешь в испуге
Для жизни ослабленных вежд. . .

А как же от жизни проснуться
Изнывшему в трудной борьбе,
Где смерть, точно демон, хохочет:
«Не скрыться, не скрыться тебе! . .»

Февраль 1893

ВЕСЕННИЕ СЛЕЗЫ

Весна румяная украдкой
Блеснула в окна с высоты,
И в робком сердце болью сладкой
Отозвалися ей мечты.

И в светлых грезах умиленья
Уже доступней для меня
И речи, полные значенья,
И взоры, полные огня.

Гляжу — вокруг свевает слезы
Порабощенная зима,
И плачут белые березы,
И плачет елок бахрома...

Весь лес в слезах! Припоминая
Цветы, поблекшие в пыли,
Он чует светлый праздник мая
И возрождения земли!..

В чертах заплаканной природы
Весну былую узнаю,
И новых дум теснятся всходы,
И гимн сквозь слезы ей пою!..

Март 1893

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я знаю, кто за мной следит беззвучной тенью,
Кто дышит холодом в горячее лицо,
И учит робкий дух тяжелому смятенью,
И сторожит мое беспечное крыльцо.

Я знаю, почему с тоскою и любовью
Ты смотришь на мои поблекшие черты;
И знаю, кто порой, приникнув к изголовью,
Мучительно поет про славу и цветы.

Я знаю, почему, когда огонь вечерний
Нам зажигать пора, смолкаю и грущу,
И с каждым вечером нежней и суеверней
Знакомую звезду я на небе ищу.

Я знаю, почему во мраке сновиденья
Разгадку тайную грядущего ловлю...
Мне страшно!.. Я молю продлить мои волненья!
Мне страшно потому, что жизнь еще люблю!

Август 1893

НА СМЕРТЬ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Там, в стране великой братства и свободы,
Где свершали праздник дружеской отчизне,
Ты угас, маститый, ты, в былые годы
Призывавший к свету и величью жизни!..

Сеятель прекрасный, ты на ниву знанья
Истины и правды рано бросил семя,
И тяжелой мукой долгого страданья
Искупил как жертва роковое время.

Но промчалась буря, минул мрак ненастный,
И склонились слушать радостные внуки
Голос нежной музы, песнею прекрасной
Молодость зовущий к знамени науки.

Пусть же светит солнце из могилы тесной,
Светоч твой зажженный — вечной правды гений.
До свиданья, добрый! До свиданья, честный,
В бесконечных зорях новых поколений!

30 сентября 1893

* * *

Есть много навсегда забытых впечатлений,
Никем не понятых, никем не оценимых...
Они исчезли сном прошедших поколений
В волненьях призрачных, в мечтах неуловимых

Ни разу никогда не выданные речи —
Ни смелому резцу, ни кисти, ни струне,
Они таилися, как под сосудом свечи,
И свет их, догорев, померкнул в тишине.

Не радовали взор и слух не услаждали
Те чувства, те мечты, погасшие впотьмах,
И грустно ищем мы в потерянных веках
Развенчанных идей отвергнутой скрижали.

1893

ИДОЛ

Из камня создал я кумира,
И с ароматами кадил
Я все дары земного мира
У ног бесчувственных сложил.

В часы тоски ему я выдал
Всё, чем кощунственно грешил,
Но был к мольбам безмолвен идол
И скорбь души не усладил.

Он принимал мои молитвы,
И фимиамы, и цветы,
Не усмиряя дерзкой битвы
На играх шумной суеты.

Больнее жгли меня страданья,
Чернее хмурилися дни,
И в горький час негодованья
Я перед ним задул огни;

Сорвал убор с него блестящий,
Цветы и жертвы разметал, —
И прахом жизни настоящей
Его бессмертие назвал...

И что ж! Едва холодный камень
Разбил я в мертвые куски, —
Как в нем зажег и жизнь, и пламень
Моей озлобленной тоски!..

1893

ЦВЕТЫ

Прими мои цветы — невинный дар полей,
Они еще полны, как память, аромата;
На них слеза росы, на них тепло заката...
Прими мои цветы — дар памяти моей!

Когда они, склонясь покорно к увяданью,
Опустят лепестки узорные свои, —
Прими их смерть, как жизнь, внимая их прощанью,
Дыханием своим их стебли напои.

И знай, что для тебя цветы иные всходят, —
Иные, полные бессмертной красоты, —
И в песни нежные любовь их переводит. . .
То — память о тебе! . . Прими мои цветы!

1893

БЕЗУМНЫЙ

Он мрачен был. По бледному челу
Катился пот холодными струями.
Он всё пытал безумными очами
Далекую загадочную мглу.

И вдруг, подъяв измученные руки,
Он лепетал невнятные слова,
В них слышался и смех тяжелой муки,
И гордый вопль земного торжества!

Во глубине страдальческого взора
Вдруг вспыхивал мятущийся огонь,
Как яркий блеск ночного метеора. . .
Он прижимал горячую ладонь

К своей груди, как будто бы старался
Биенье сердца буйного унять. . .
В незримое ль проникнуть он пытался,
Иль зримое стремился разгадать?

1893

БЕГЛЯНКА

От полуночи весенней
До ликующей зари
Кто-то в дверь мою стучится:
Отвори да отвори!

Голос жалобный лепечет:
«Путь мой вьюга замела,
Буря вызвала до света
Из родимого угла.

У меня огни сияли
И дымились алтари,
И дышали ароматом
Розы в пурпуре зари...

Но померк мой рай лучистый,
Потускнели небеса,
И земной развеял опыт
Неземные чудеса...

Обессилена борьбою,
Я несу в твой уголок
Светоч, бурею задутый,
И увядший свой венок.

Если есть хоть искра в сердце
Благостыни и любви,
Ты дохни́ — и мертвый факел
Новым светом оживи!

Если слезы состраданья
Ты сберег от черных дней,
Их росою жизненосной
На цветы мои пролей...

И роскошно, и душисто
Зацветет венок, и вновь
Станем лирой пробужденной
Славить счастье и любовь...»

Муза плачет, Муза дрогнет
За порогом в час ночной...
Что ж я дверь не отворяю
Торопливою рукой?

Что ж к отвергнутой беглянке
Я навстречу не спешу,
Не прошу у ней надежды
И забвенья не прошу?..

В сердце тихо, как в могиле,
Стынет кровь, хладеет ум...
Слезы высохли от зноя
Ранних грез и поздних дум.

1893

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Вечером темным, грозою взволнованный,
Ожил заплаканный сад;
Ветки друг к другу в объятья склоняются,
Тихо вершины шумят.

Точно друзья после бури промчавшейся,
После мучительных лет,
Листья друг друга лобзают с рыданием,
Шепчут горячий привет.

Сердце поверило ласкам несбыточным...
Чудятся гордым мечтам
Встречи счастливые, речи свободные,
Гимны правдивым борцам.

Вспомнилось всё, что забыто, что молодо,
Всё, чем когда-то дышал:
Первой любви обаяние нежное,
Первая жажда похвал,

Тихая ночь над столицей уснувшею,
Милые лица вокруг,
И недосказанной речи пророческой
Сердцем дослушанный звук.

1893

ЧУДОВИЩЕ

Зловещее и смутное есть что-то
И в сумерках осенних и в дожде...
Оно растет и ширится везде,
Туманное, как тонкая дремота...
Но что оно? Названья нет ему...
Оно черно, но светит в полутьму
Неясными, свинцовыми очами,
И шепчется с вечерними тенями
На языке нам чуждом, потому
Что смысл его загадочен и странен
И, как мечта, как тень, непостоянен.

Оно старей, чем солнце и луна...
И нет ему ровесников и сверстниц,
И в сумраке неосвещенных лестниц,
У тусклого, прозрачного окна
Оно стоит, и вдруг стремится выше,
Услышав шаг иль кашель, точно вор...
Глядит в пролет, и дышит в темной нише
И слушает унылый перебор
Глухих шагов по ступеням отлогим,
Ужасное своим молчаньем строгим!..

Бледней известки выбеленных стен,
Под сводами больничных коридоров
Оно блуждает, полное измен...
Отчаянье и страх недвижных взоров
Устремлены с мольбою на него...
Но, не щадя на свете никого,
К мольбе людей и к воплям равнодушно,
Оно скользит печально и воздушно...
То слушает, как прядает струя
Из медных кранов в звучные бассейны
Широких ванн... То сном небытия
Оно лежит, белея, и кисейный
Его покров недвижим... Перед ним
Горит свеча, и желтый воск бескровней

Его чела... То веет гробовым
Безмолвием в притворе, над часовней...

Но что оно? Названья нет ему!
Кем вызвано? Когда и почему?
Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом сне меня...
Оно везде, во всем, ежеминутно,
И в сумраке, и в ясном свете дня...
Оно дрожит в лохмотьях, на соломе,
При ночнике... Рыдает в мертвом доме,
И, грустное, за стенами темниц,
Оно поет о воле невозвратной,
А иногда весною ароматной,
При ласковом мерцании зарниц,
Оно мечтой мгновенною несется...
Похитив жар двух любящих сердец,
Иронией над клятвами смеется
И ревностью мстит счастью наконец!

1893

* * *

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Не домолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречалися
И расстанемся без слез.

Только что-то не досказано
В наших думах роковых,

Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

1893

* * *

Я сказки медленней пишу,
Чем жизнь свою переживаю.
Я насладиться не спешу,
Но каждый час и день — страдаю.
Кто много чувствовал, тому
Судьба дала волненья множить,
И жизни суетную тьму
Пытливым разумом тревожить.
И, если жизнь течет ровна,
Как усыпленная волна,
Не зная шума дикой бури, —
Душа тоскует и зовет
К своей безоблачной лазури
Грозу и тучи непогод...

1893

СНЕГУРКА

Весной мне снился сон чудесный:
Живей струилась в сердце кровь,
И ты, мой ангел поднебесный,
Сулила счастье и любовь.
Цвел майский вечер, я был молод,
Я верил клятвам, жизнь любя...

Прошла весна... В природе холод,
И холод в сердце у тебя!

И что же! Тонкою иглою
Живописующий мороз
Всё то, чем грезил я весною,
На стекла дивно перенес.
Тут всё: прозрачные ущелья,
И лес у белого ручья,
И ты, в жемчужном ожерельи,
Снегурка бледная моя...

1893

* * *

Не знаю почему, но только мне легко,
Как после долгого, тяжелого рыданья.
Пусть счастье и любовь умчатся далеко, —
Я больше не хочу ни счастья, ни желанья...

Я грустно примирен с тяжелою судьбой,
Как робкое дитя с испугом и тревогой...
В грядущее ль смотрю — и жизнь передо мной
Уныло стелется знакомою дорогой.

Лишенья и борьбу, утраты и печаль
Я вынес на щите, как черную добычу
Из битвы пламенной — и, озаряя даль,
Не юность, не друзей — забвение я кличу...

7 марта 1894

ВСЁ ТАЕТ

Всё тает, всё каплет, всё тает!..
Снега помутнели, и с крыши
Серебряный дождь упадает...
Всё тает... всё тише и тише!

Последние слезы мороза
Румяное солнце лобзает,
Последняя зимняя греза
Звенит и дымится — и тает!

Всё тает, как сны пред рассветом,
Как вздохи глубокой печали...
Леса почерневшим скелетом
Навстречу весне закивали!

И, внемля весеннему бреду,
Яснее на синем просторе
Заря торжествует победу
И ропщет бурливое море...

Всё тает... но грустно и больно
Внимать пробужденному шуму...
Встречая весну богомольно,
Я тяжкую думаю думу, —

Всё тает, надежды и годы...
И память о милом когда-то,
Как лед пробужденной природы,
Растает... уйдет без возврата.

И дружба, как счастье, не вечна,
И сердце, как слезы, остынет,
И всё, что лелеем сердечно,
Усталую память покинет!..

Март 1894

* * *

Мне кажется порой, во мне страдает кто-то,
Другой — отзывчивый, другой такой же я,
И у него всегда, как у меня, забота,
И у него любовь к волненьям бытия.

Он часто мне дает ответы на вопросы,
Которые меня смущают, как разлад,

В котором рои дум, как волны об утесы,
Разбитыми бегут, отпрянувши назад.

Но я не раб его, и он не мой властитель,
Он только часть меня, я — только часть его.
Он страшен и любим, как демон и хранитель,
И я в бессилии погас бы без него.

В его очах — гроза, в его дыханьи — нега,
Он робок, как дитя, и властен, как творец.
Он так же, как и я, он — Альфа и Омега,
Он мудрость и любовь! Начало и конец!

Май 1894

МЕЛОДИЯ

Я вижу, сыплется в избытке красоты
Душистый снег весны — черемухи молочной
Весенние цветы, как девы непорочной
Отвергнутой любви невинные мечты.
Душистый снег весны — опавшие цветы!

Я вижу в золоте, в румянце облаков
Последние лучи — вечернее сиянье.
Длиннее тень легла, слышнее трепетанье
Поникнувших ветвей и слаще вздох цветов, —
Последний аромат — последнее прощанье!

Я слышу, как весна, боясь мечты своей,
И дышит и дрожит в цветущем упоеньи,
И слышу, как в кустах рыдать о наслажденьи
Проснулся на заре вечерний соловей —
Рыдающий певец в стыдливом пробужденьи!

И чувствую — под песнь рыдающей любви
Растет моя печаль, растут воспоминанья,
И нет им отзвука, и нет в них очертанья,
И слабо тлеет жизнь в хладеющей крови, —
Отцветшая любовь ожившего страданья!..

Май 1894

* * *

Светает; за окном моим
Деревья тощие трепещут
И небеса уныло блещут
Без солнца светом гробовым.

Убого всё в деревне грязной,
И вдоль проселочной земли,
Как след морщины безобразной,
Колéи топкие легли.

Здесь бледен луч скупого солнца,
И равнодушного чухонца
Жизнь сиротливая тиха.
Здесь только слышен пастуха

Жестокий бич, мычанье стада,
Да в глине вязнущих колес
Тяжелый скрип. Здесь слез не надо,
Здесь самый смех достоин слез!

И тут же рядом, теша око
Своим стремленьем кочевым,
Несется поезд издалёка
И стелет призрачный свой дым.

И долго длится свист протяжный,
И утомительный и важный,
Напомнив мрачному в глуши,
Что где-то есть пышней природа,
Что есть полнее жизнь души
И благотворнее свобода!

Июнь 1894

ОСЕННЕЕ

В мутном тумане почила земля,
Темные тучи над жнивьем нависли...
Падают листья с сухого стебля,
Падают поздние мысли.

Друг мой, я жду не дождуся огня...
Вечер зарю не затеплил ошибкой...
Ты, мое солнце, осветишь меня
Поздней и нежной улыбкой.

Август 1894

* * *

Ты помнишь ли, подруга юных дней,
Ты, черных дней звезда любви прекрасной,
Свиданий час — не пел нам сладкогласный,
Не пел влюбленный соловей.

Встречалися с тобой мы в улицах туманных,
Осенним днем иль утром золотым,
Когда над городом из очертаний странных
Ткал город облачный, бегущий к небу дым.

Не музыка лесов широколистным воем
Приветствовала нас, а грузный лязг колес,
И барабанный бой солдат, идущих строем,
И крики торгашей, как шум несметных ос.

Нас в душном городе теплом гостеприимным
Всё грело, всё влекло... И весь нестройный гам
Звучал мелодией, звучал победным гимном
Еще доверчивым сердцам!

И в тесной улице, как в галерее длинной,
Картина пестрая сменялася картиной,
Не ужасая ум бессмертной суетой, —
Всё взоры тешило мечтательностью яркой:

Усталый продавец под рыночною аркой,
Застенчивый бедняк с протянутой рукой,
Салопница, идущая с кухаркой, —
Неторопливая расчетливым умом,

И над рассыпанным желтеющим овсом
Веселых голубей откормленная стая —
Всё радовало нас, восторгом опьяняя,
Как шумно брызжущим вином,

Не проклинали мы волнующийся город:
Моложе ты была, и твой поэт был молод.
От жизни малое просили мы тогда,
А жизни впереди казалося так много.

И вот прошли года... тяжелые года...
К нам постучалася забота — и нужда
Стоит, как сторож, у порога.

Желания растут в измученной груди,
От них в ней тесно стало сердцу,
И жизни кажется всё меньше впереди,
А просьбы больше к громовержцу.

1894

ОТТЕПЕЛЬ

Гудит в обезлиственных ветках,
Безумствуя, ветер;
Косматые тучи несутся
По серому небу.

Снега замутились и тают...
Смятенье природы
Приветствуют гомоном птицы, —
Пахнуло весною!

Прозрачно, загадочным светом
Лучи золотые
Тепло обещают, и сердце
Надеждами греют...

Мне слышатся тихие вздохи
Любви улетевшей
В журчаньи и рокоте влажном
Серебряных капель.

Душа отогрета, и счастьем
Наполнились думы...
И точно заря сквозь вершины
Нахмуренных сосен,

Прощальная юность сияет
Сквозь бремя заботы...
И в сердце, и в памяти слезы,
И слезы — в природе!..

1894

* * *

Не мигают зарницы вечерние,
Не поет соловей по ночам, —
Только сердце мое суевернее,
Только верю несбыточным снам.

Зашумит ли дубрава зеленая,
В туче месяц блеснет ли щитом,
Или бурей волна опененная
Загудит на просторе морском, —

Взоры вспыхнут, и сердце мятежное
Просит бури безумных страстей,
Точно горе его неизбежное —
Горе леса, небес и морей...

И душа разверзается страстная,
Как от молний ночных вышина,
И природа ей вторит согласная,
Как покорная думам струна...

1894

ТИШЕ, МУЗА!

Тише, Муза! Мы в потемках —
Между грязи, на обломках
Обесславленной земли.
Вкруг болота, мхи и елки...
Тише, Муза! Слышишь, волки
Воют жалобно вдали?

Мы озябли, мы устали,
Сердце грезы истерзали,
Путь наш долог и уныл.

Нет огней, знакомых взору,
Лишь вблизи по косогору
Ряд темнеющих могил.

Где же край обетованный,
Путь лучистый, путь желанный,
Мир восторженных прикрас?
Не того с тобой мы ждали,
Как поутру без печали
Повстречались в добрый час!

Ты любить еще умела,
Ты так нежно песни пела,
В даль волшебную влекла;
И пред нашими очами
Вся сквозящая лучами
Золотилась полумгла.

Нам цветы нежней дышали,
И о славе лепетали
Водометы и ключи.
А теперь — теперь в потемках,
На поруганных обломках,
Муза, плачь или молчи!..

24 июня 1895

У ПРИЛИВА

Я помню вечер и луну,
Над морем грусть дышала.
Волна баюкала волну,
Волна волну качала.

В душе, как море к берегам,
Теснился дум избыток.
Душа читала по складам
Былого темный свиток.

Я видел юность, красоту...
И всё, чем жил сначала...

Мечта баюкала мечту,
Мечта мечту качала.

За новым сном забытый сон
Вставал, как друг давнишний,
А вечер гас со всех сторон,
Таинственный и пышный.

Звучали волны, чуть дыша,
Темнели краски в море,
И мнилось вечером — душа,
Как жизнь, погаснет вскоре!..

Июль 1895

ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ

1

Падают желтые листья с ветвей,
Падают грустно, бесшумно они.
Вот уж и вечер... зажглися огни —
    Много вечерних огней!

В церкви, под купол, на поздний ночлег,
Шумно слетается стая галчат.
Серые тучи по небу скользят,
    И безмятежен их бег.

Грустно и тихо в душе у меня,
Грустно в затишье померкших аллей;
Падают желтые листья с ветвей, —
    Слезы осеннего дня!

Близкая ночь не пугает грозой,
В небе ни звезд, ни зарницы из туч.
Вечер осенний угрюм и пахуч
    Мертвою, желтой листвой...

2

Тускло блещет солнце на закате
Из осенних облаков;
Веет тленьем в крепком аромате
Увядающих цветов.

В темных соснах сумрак молчаливый.
Над водой дымит роса,
Ночь плывет, рукой неторопливой
Застилая небеса.

Ночь плывет, и тени ткет и дышит,
И душе забвенья нет.
И в осенней ночи сердце слышит
Улетающий привет.

Август 1895

* * *

В ее душе разлад,
Печаль в ее мечтах;
Кому же нежный взгляд,
Улыбка на устах?

Всё ждет и ждет она —
Неведомо кого;
И в час, когда грустна, —
Не знает отчего.

Вчера, когда закат,
Алея, догорал
И на больничный сад
Прозрачный саван ткал,

Как лилия бледна,
Блуждая в полусне,
Запела песнь она
В решетчатом окне.

Та песнь была не песнь,
А слезы или кровь,
Ужасна, как болезнь,
И знойна, как любовь.

Ноябрь 1895

* * *

Не смейся над моей иронией холодной,
Привета не ищу язвительным речам.
Я сам давно смеюсь над скорбью безысходной,
И горек мне любви сожженный фимиам.

Но если иногда восторженное слово
Сорвется с уст моих — не радуйся ему,
Я восторгаюся порою и тому,
Что кажется другим несносно и сурово.

Не избалован я капризною судьбой,
И счастие мое счастливому — ничтожно.
Но то, что я куплю лишеньем и борьбой, —
Счастливому купить — и счастьем невозможно!

1895

NOTTURNO

Полосы лунного света легли;
Белый туман поднялся́ от земли.
Тощий кустарник и мшистые пни
Ожили, точно пигмеи, в тени.

Ветка нависла, как темный рукав,
Тянутся корни, как змеи, из трав.
Лунные пятна в вершинах сквозят,
Дремлет, и бредит, и движется сад.

Тайная жизнь, прозябая кругом,
Дышит и сыплет холодным огнем.
Веет и грезит, и мнится: сейчас
Мир, как виденье, умчится из глаз.

1895

* * *

Я населил таинственным мечтаньем
Надзвездные миры;
В них вдунул жизнь, облек очарованьем,
Принес свои дары.

Я острова цветущие раскинул,
Пустыни и леса;
И в радугах над ними опрокинул
Иные небеса.

Там я возвел причудливые горы
Из льдов и янтаря
И светлых рек текущие узоры
Влил в ясные моря.

Но только что дерзнул воображеньем
Создать бесплотных я —
Мой новый мир наполнился смятеньем
И воплем бытия.

Развеялся туман очарованья:
Постигнуть я не мог —
Жизнь без борьбы, и счастье без желанья,
И радость без тревог!..

1895

НОЧЬЮ

Ночь в открытые окна лениво струит
С ароматом цветов утомительный жар.
Я не сплю; надо мною докучно жужжит,
И кружит, и жужжит залетевший комар.

Ночь трепещет в тени задремавших берез,
Бледным светом луны золотит облака;
Мне не спится — и очи пылают без слез,
И без слез об утраченном счастье тоска.

Ночь уходит; с ее звездоносных порфир
Исчезает, как призрак, лукавая тень.
Скоро вновь озарит безмятежный эфир
Лучезарной улыбкой ликующий день.

Но из сердца холодная ночь не уйдет,
Не спугнет ее блеск ароматного дня,
И чарующих снов золотой хоровод
Для надежд и любви не разбудит меня.

<1896>

* * *

Прозрачный вечер тих, но всё еще не мог он
Померкнуть и затмить ликующего дня,
И матовым свинцом мерцает в стеклах окон,
Как очи тусклые без мысли и огня.

Померкла молодость, но грезы упованья
Погаснуть не спешат в задумчивой глуши,
И светит бледное мечтам воспоминанье,
Как счастье позднее измученной души.

<1896>

* * *

Как вздох земных морей в небесную мечту
На небе претворен, рождая облак дымный,
Так претвори, поэт, в свой стих гостеприимный
Всю горечь юности, всей жизни полноту.

И если иногда грозою шумной жизни
В горячее лицо дохнет былая страсть
Весеннею росой, — живая песня, брызни
И сердца услади мучительную власть!

<1896>

* * *

Чем смертоносней влага в чаше,
Тем наслаждение полней,
И чем страшней бессилье наше,
Тем жажда жизни тяжелей.

Наш век больной, — в его безверьи
Мы вопли веры узнаем;
И, стоя к новому в преддверьи,
Влачим, как пытку, день за днем.

Горды надломленные крылья,
И смел коснеющий язык...
И грустно мне, что в дни усилья
Наш век бессилием велик.

<1896>

* * *

Пришла румяная весна —
Воскресший сад певуч и весел.
И клен, зацветший у окна,
Зеленой сеткой даль завесил.

У камня мшистого, где пруд
Покрыла ржавчина и плесень,
Кувшинки белые растут
И ждут улыбки или песен.

И на расшатанный плетень
Дубок приник в изнеможеньи.
Везде прекрасен вешний день,
Еще прекрасней — в запустеньи!..

<1896>

* * *

Святые детские порывы
Весенних дум, весенних слез,
Я пережил ваш день счастливый,
И вас я в песни перенес.

Сквозь душный мрак тяжелой жизни
Для опечаленной земли
На небесах, в святой отчизне,
Вы маяки свои зажгли.

И чем шумнее жизни бури
И чем страшнее сердца тьма,
Тем вы яснее на лазури,
Тем вы отрадней для ума.

Не угасайте, озаряя
Страдальца шаткие шаги,
Чтоб я мог в ночь огнями рая
Возжечь земные очаги.

<1896>

* * *

Я хотел бы верить в прозу жизни,
В темную игру земных побед,
Но душа, смутившись, в укоризне
Требует на каждый вздох — ответ.

Каждый шаг на жизненной дороге,
Каждый день, утраченный в борьбе,
Как раба, душа в немой тревоге
Отвечает совести — рабе.

Казнь моя — бесплодные сомненья,
Гордая, бессильная тоска.
Мимо жизни шума и волненья
Мчит меня без пристани река.

Нет границ реке быстротекущей,
Но и нет простора для мечты;
Только сердце жаждет воли пуще,
Только горше вопли суеты...

<1896>

ДВА БЕСА

Мне не страшен ночью темной
Бес, явившийся некстати,
Что кивает так потешно
С глупой миной у кровати.

Это призрак и к тому же
Слишком немощный для мира,
У него два темных рога,
Как у древнего сатира.

Не его уму лукавить,
Не пред ним дрожать в испуге, —
По всему в нем видно мужа
Благодетельной супруги.

Я боюсь другого беса:
Он не высох в лихорадке,
Рожки шляпою прикрыты,
Когти спрятаны в перчатки.

Он танцует очень ловко,
Разговаривает сладко,
Но в очах его злодейство,
Но душа его — загадка.

Легкомысленный и дерзкий,
Не боясь громовержца,
Он, того гляди, похитит
Нечто милое из сердца...

<1896>

* * *

Дай мне звуков, дай музыки стройной;
Пусть на миг я душой оживу;
Пусть, что было лишь грезою знойной,
Разрешится, как жизнь, наяву.

Я хочу в эти дни голубые,
В ароматные майские дни,
Позабыть свои думы больные,
Что, как змеи, таятся в тени.

В той тени, леденящей мне душу,
Где лучом догоревшей мечты
Только мрачную тьму я нарушу —
Как создаст ее ночь суеты.

Горькой мукой, бессильной борьбою,
Злой обидой врагов и друзей,
Где один я стою под грозою
С беззащитною Музой моей...

<1896>

ДВА ГЕНИЯ

Их в мире два, они — как братья,
Как два родные близнеца,
Друг друга заключив в объятья,
Живут и мыслят без конца.

Один мечтает — сильный духом
И гордый пламенным умом.
Он преклонился чутким слухом
Перед небесным алтарем.

Внимая чудному глаголу
И райским силам в вышине,
Он, как земному произволу,
Не хочет покориться мне.

Другой — для тайных наслаждений
И для лобзаний призван в мир.

Его страшит небесный гений;
Он — мой палач и мой вампир.

Они ведут свой спор старинный,
Кому из них торжествовать;
Один раскроет свиток длинный,
Чтоб всё былое прочитать.

Читает гибельные строки,
Темнит чело и взоры грусть;
Он всё: тоску мою, пороки —
Как песни знает наизусть.

И всё готов простить за нежный
Миг покаянья моего...
Другой — холодный и мятежный —
Глядит, как демон, на него.

Он не прощает, не трепещет,
Язвит упреками в тиши
И в дикой злобе рукоплещет
Терзанью позднему души.

<1896>

* * *

Дай горе выплакать! Дай вынесть одному
Всю ревность, злость мою и муку!
Ты видишь, я мечусь и окликаю тьму,
Пытая дерзкую разлуку...

Напрасно сердцу вновь, как легковерный друг,
Рассудок шепчет утешенье.
Душа моя в огне; в ней пламень и недуг,
В ней жажда счастья и смятенье!

И холодно в огне, и ропотно в тиши,
Как будто я делю страданья
Другой, измученной, но любящей души
Под гнетом долгого изгнанья...

<1896>

ГИМН ОТСТРАДАВШИМ

Они отстрадали на грешной земле,
Все лучшие песни отпели.
И тихо уснули в таинственной мгле,
В подземной своей колыбели.

Года за годами прошли и пройдут.
Мир в гордом величьи лукавит;
Но вечные розы в их звуках цветут
И вечная память их славит.

Их слава растет!.. В непогожую ночь
Так смелый прибой, ударяя
О берег, бежит, рассыпаяся, прочь,
Всё гульче и гульче вздыхая...

<1896>

ЛЕТО

Июнь. Пронизан мрак полночный
Душистым запахом теплиц.
Спадает яблонь цвет молочный,
Мерцают отблески зарниц.

Над полем жаворонок вьется,
Во ржи синеют васильки,
И солнце весело смеется
В прозрачном зеркале реки.

Светло и радостно и пышно!
Повсюду зной и жизнь и цвет...
Но соловья уже не слышно,
И гуще ночи полусвет.

Прекрасно в солнечном июне,
Но зноем мы утомлены...
Прекрасней было накануне —
Душистым маем — в дни весны!

Тогда звучней журчали воды,
Перекликаясь с соловьем,
И краски юные природы
Сияли новым торжеством.

Тогда по саду негустому
Бродили сны, восторги, лень...
Теперь тропинка гуще к дому,
Но там — раздумье целый день.

И с первым цветом опадает
Мечта — весны моей звено...
Так всё светлей, что обещает,
И всё темней, что свершено!..

Январь 1896

* * *

Сегодня в ночь весна-колдунья
На молодое новолунье
Снега последние смела,
Сережки ивы растрепала
И окаймлять цветами стала
Озер сквозные зеркала.

Зажглась румянцами по тучам,
Прошла дождем в лесу дремучем
И бальзамичною смолой
По хвоям елок проблеснула,
Шум ободряющего гула
Неся в их сумрак вековой...

Апрель 1896

АЛЛЕЯ ОСЕНЬЮ

Пышней, чем в ясный день расцвета,
Аллея пурпуром одета.
И в зыбком золоте ветвей

Еще блистает праздник лета
Волшебной прелестью своей.

И ночь, сходящую в аллею,
Сквозь эту рдяную листву,
Назвать я сумраком не смею,
Но и зарей — не назову!

1896

РАКЕТА

Взвилась летучая ракета
Из темной зелени ветвей,
И сноп рассыпчатого света
Мелькнул и скрылся от очей;

Вослед ее летит другая,
Огни цветные рассыпая,
И брызги легкие огня
Чертят и брызжут в тьме лазурной,
Но шум и блеск и бег их бурный
Не принесет живого дня.

Напрасно в дерзости надменной
Стремятся чадные огни
Туда, где тихо свет нетленный
Льют звезды в сладостной тени.

Им не затмить звезды прелестной,
Сверкнувшей с чуждой высоты,
Как не затмят любви небесной
Земные, бурные мечты!..

1896

ГРУСТЬ СОСЕН

Шел я весною, в сумерках туманных,
Рощей сосновой, тихою дорогой.
Хмурые сосны в думах неустанных
Вслед мне шептали с тайною тревогой:

«Грустно нам, грустно, соснам молчаливым,
Грустно нам думать думы вековые!
Снежной метелью, вечером тоскливым
Мы одевались в ризы ледяные;

Пели нам, пели зимние метели;
Слаще их птицы майские споют нам!
Вот из-под снега воды зашумели,
Птицы щебечут в гнездышке уютном.

Долго и долго солнышко нас грело!
Встретили много белых зим и вёсен,
Долго росли мы, тихо и несмело,
Много погибло нас, косматых сосен...

Много сорвало бурями сердито...
Плачем смолою, если вечер зноен!
Радостное солнце нами позабыто,
Траур наш темен, ропот наш нестроен».

Так мне шептали сосны-великаны,
Шлемы колебля в воздухе румяном...
Дымно вставали влажные туманы,
Плыли над ними тучи караваном.

В роще сосновой хвоями и мохом
Почва дышала в трепете унылом...
Плакало сердце; с облегченным вздохом
Слезы катились о далеком милом!..

1896

ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ

Весной, в лучах, при шуме вод,
Кружится легкий хоровод
Нарядных светлых мотыльков
Над влажной зеленью лугов.

И, видя их счастливый рой
Над отогретою землей, —
Во дни весны и торжества
Дерев засохшая листва,

Гонима ветром кочевым,
Стремится к бабочкам цветным...
Летит листва, шумит: и мы
Расторгли плен своей зимы,
И мы проснулися с лучом!..
И мы летаем и живем!..

Так вы, убитые в глуши,
Мечты истерзанной души,
На краткий миг оживлены
Восторгом чуждой вам весны!
И, видя счастье и любовь,
Вы окрыляетеся вновь —
И мчитесь мертвою толпой
Навстречу юности чужой!
И упадаете опять
На прахе прахом истлевать!..

1896

В РОЩЕ

Раннею весною роща так тиха,
Веет в ней печалью, смутною кручиною;
И сплелися ветками, словно паутиною,
Белая береза, серая ольха.

Дремлет в вязкой тине неподвижный пруд,
Дремлют камни старые, желтым мхом покрытые,
И в тени под соснами солнцем позабытые
Перелески синие медленно цветут.

Если на закате вспыхнут небеса,
Роща оживает под лучами алыми,
И блестит рубинами и горит опалами
На траве и мохе ранняя роса.

И кружит воронкой мошек черный рой,
И косые тени, пылью осребренные,
Охраняют молча ветки, преклоненные
Над землею, веющей сыростью грибной.

<1897>

* * *

Я не вижу врагов, не могу враждовать,
Что такое вражда — не могу я понять.
Не враждует же волк, если голоден он
И ягненка берет в свой кровавый полон?

Не враждует же волн разыгравшийся бег,
Если слабым пловцам дно готовит ночлег?
Не враждует же смерть, если силы запас
В зябком теле иссяк, в робком сердце погас?

Не враждует же бог, если гибельный гром,
Освежая поля, опалит нас огнем?
Я не вижу врагов, не могу враждовать,
Что такое вражда — не могу я понять!

Март 1897

* * *

Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь, — алел закат огнем.

Он был один, он — юноша влюбленный,
Вступивший в жизнь, как в роковую дверь,
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней, — и раньше и теперь.

И мир пред ним таинственным владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безликой
И сладкою весною напоен.

Он ждал ее, в своей разлуке скорбной,
Весь счастие, весь трепет и мечта...
А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста.

Май 1897

* * *

Как воздух свеж, как липы ярко
Румянцем осени горят!
Как далеко в аллеях парка
Отзвучья вечера дрожат.

Не слышно птиц, не дышит роза,
Врываясь, мчатся в мрак дерев
Свист отдаленный паровоза,
Удары башенных часов.

Да прозвучит в траве росистой
Кузнечков поздних тяжкий скрип,
Меж тем как вьется лист огнистый,
Без шума упадая с лип.

Всё по́лно смерти предстоящей,
И в тишине тягучих струй
Уж стужа осени дрожащей
Запечатлела поцелуй...

Октябрь 1897

* * *

Еще повсюду в спящем парке
Печально веет зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.

Их греет солнце... Скоро, скоро,
Под лаской девственных лучей,
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.

И, торжествуя счастьем новым,
Любовью новой веселя,
Травой и запахом сосновым
Вздохнет усталая земля.

1897

УХОДЯЩАЯ ЗИМА

Тепло почувствовав и влагу
Уже растаявших снегов,
Поет задор, поет отвагу
Семья весенних воробьев.

С ветвей намокших тянет прелью,
Свежее сосен бахрома.
Весну к родному новоселью
Зовет слезливая зима.

И, тая тихими слезами,
В лучах от сладострастных нег,
Зима под треснутыми льдами
Торопит волн упрямый бег.

Заходят воды, вздуют льдины,
Надышат ветры и туман,
И в пробужденные долины
Слетит весна из южных стран.

И встретит север гостью юга —
И перед ней рассыплет он,
Как дар измученного друга,
Цветы и блеск со всех сторон...

1897

* * *

День гаснет зарею, свиваясь с тенями;
В пустынных аллеях глубокая тишь.
И только как призрак, ширяя крылами,
Порою промчится летучая мышь.

С деревьев, вечерней росой отягченных,
И каплет, и брызжет, как будто они
Заплакали молча, в мечтаниях сонных,
Встречая опять теплотворные дни.

Ни звука, ни страсти в душе умиленной,
Глубокая тишь осенила меня;
Как в да́ли, весеннею мглой осребренной, —
В ней зреют восторги грядущего дня.

1897

ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ

В осеннем холоде мерцающего дня
Сквозят ряды аллей, как колоннады арок;
Багряный их навес так нежен и так ярок,
Как будто соткан он для ветра из огня.

Вот налетит сейчас дыхание зефира —
Задует светочи, развеет в прах листву,
Где осень пышная, подобно божеству,
Вершит и празднует еще поминки мира.

Печальный реквием звучит повсюду мне:
И в шорохе листов, шуршащих под ногами,
И в шуме поздних пчел над поздними цветами,
И в крике журавлей, летящих в вышине!

Прощай до вешних дней, суровая краса
Таинственных лесов! Прощайте, небеса
С улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы;
Прощай, раскат громов, — я верю, будет день,
Ты снова прогремишь, чтоб вызвать из гробницы
Развенчанной весны оправданную тень!..

1897

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Сейчас был гром, и дождь обильный
Смочил засохшие поля,
Омыл листву бузи́ны пыльной
И освежил побег стебля.

С полей несется запах хлеба
В разгоряченное лицо,
И опоясало полнеба
Румяной радуги кольцо.

Цветы полны алмазной влаги,
И фимиамы их слышней.
Гремят весенние овраги
Волною мутною своей.

Шурша листвою прошлогодней,
Лягушки прыгают в лесу.
Благословен ты, гром господний,
Принесший волю и красу!..

<1898>

* * *

Как будто раннею весною,
В дни поздней осени — светло.
Озер прозрачное стекло
Блестит румяной синевою.

Лучи последние свои
Закат в полях роняет косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучат трескучие колеса...

Последний блеск, последний шум
В дыханьи осени так внятен,
Холодный воздух так угрюм
И так спокойно ароматен, —

Что сердце в чуткой тишине
Предсмертным снам природы внемлет
И, очарованное, дремлет,
Весну почуяв в полусне...

Январь 1898

СТАНСЫ

Пусть говорят: она пропала,
Пусть к ней закрыта крепко дверь;
Она в душе моей сияла,
Она сияет и теперь!

Мой друг! У твоего преддверья
Стою я, полный новых сил, —
Мертвы исту́пленные перья
В холодном трауре чернил.

И всё еще порою снится:
С тобою снова буду жить,
Чтоб смутной ревностью упиться,
Чтоб вновь восторги заслужить!

Апрель 1898

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

Гроза прошла. В обрывках туч
Уже горит вечерний луч
Кудрявым заревом... Левкоев
Душистей сладкий аромат.
У дачных сумрачных покоев
Открыты окна в мокрый сад.

Балкон под влажной парусиной
Еще пустынен, хоть на нем
Накрыт для чая стол, кругом
В живых цветах... Меж тем в гостиной
От ранних свечек блеск скользит...
Раскрыт пюпитр, рояль звучит.

И бурно льется музыкальный
Этюд. В саду же, на песке,
Играют дети в бильбоке,
И шар, как маятник печальный,
Вперед качаясь и назад,
Ложится в лузу невпопад.

Темнеет в мягкой сени сада,
А на балконе — самовар
Еще всё медлит. Летний жар
Остыл. Вечерняя прохлада
Ко сну смежила цвет гвоздик
И листья клевера... Поник

И замер сад. Скрипит калитка,
Звучат живые голоса.
Раздался визг веселый пса,
Бегущего навстречу прытко
Толпе нарядной... Говор, смех...

Непринужденны все и бойки.
Фасоны платьев модной кройки,
И лица — радостны у всех.
Блеснула лампа на балконе,
И самовар внесен... Слыхать,
Как людям стали отвечать
Стаканы в мягком перезвоне...

Свет в сад упал. Деревьев сень
Чертит и движет по аллее
Свою обманчивую тень.
Стал разговор еще живее,
Еще наивней юный смех
Среди безоблачных утех.

О, здесь, конечно, есть влюбленный,
И есть влюбленная. Чете
Смеется даже сад зеленый
В своей неверной темноте!

Здесь дышит всё кануном счастья,
И, может быть, когда-нибудь,
Тогда, как черное ненастье
Заворожит счастливцам путь, —

Им будет радостным виденьем
Казаться улетевший рай,
Балкон с вечерним освещеньем
И запоздалый этот чай.

Июнь 1898

УТРО

Еще как будто сновиденью
Безмолвно внемлет старый сад;
Еще, облиты смутной тенью,
Вершины темные молчат, —

А влажной ночи содроганье
Уж день пророчит. Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!

Там, за вершинами густыми,
Свод неба ясен и стыдлив,
Там тучки льдинами седыми
Бегут в оранжевый залив.
И птиц веселых щебетанье
Вещает счастье... Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!

Как пышно в розовом эфире!
Как будто умерло в сей час
Всё угнетающее в мире,
Всё убивающее нас!

Как будто зло и гнев насилья,
Вокруг царящие года,
Расправив бешеные крылья,
Умчались в Тартар навсегда!

Но нет, напрасно заблужденье!
И это утро, как любовь,
На миг подарит наслажденье
И к ночи нас обманет вновь.
Опять заплачут чьи-то очи,
И кто-то будет вновь страдать, —
И перед тьмою грешной ночи
Святому дню не устоять.

Июль 1898

СТАНСЫ

Всё пережито, что возможно,
Всё передумано давно,
И всё так бледно, так ничтожно!
Чего желать? Не всё ль равно!

Рассудок чувству не уступит,
А чувство ум клянет назло,
И память страстью не искупит
Того, что время отняло́!

Не сметь любить, не сметь обидеть,
Не сметь желать во цвете лет,
Не знать, не чувствовать, не видеть, —
Ужели блага выше нет?

Август 1898

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

Как будто поцелуй горячий
Деревья пламенем обжег;
Один, перед пустынной дачей,
Дворовый пес, грустя, прилег.

Листва осыпала дорожки,
И позабытая метла
Покорно дремлет у сторожки,
Где в кучу мусор намела.

Всё облетело, всё поблекло,
Поник обветрившийся сад...
Сквозь отуманенные стекла
Билеты бельмами торчат.

Где прежде был в мажорном тоне
Веселый смех и разговор,
Петух горланит на балконе
И жадно разгребает сор.

И лишь, склонясь к цветам увялым,
Глядит вербены алый цвет
В раздумье тихом и усталом,
Как меланхолик юных лет...

Сентябрь 1898

* * *

Сумерки шире спадали,
Ткали покров для ночлега;
Белые мухи летали —
Белые звездочки снега!

Белым ковром расстилалась
Даль, застывая несмело;
Сердце как птица металось,
Сердце надежду не пело.

Чутко и грустно прикован
К снежному сумраку, — снова
Был я на миг очарован,
Только без слез и без слова.

Только мечты погасали,
Словно прощальная нега...
Белые пчелы летали —
Белые звездочки снега...

1898

* * *

Белый снег мутнеет в блеске,
Всё теплее день от дня,
И звучней сквозь занавески
Канареек трескотня.

Веет негой воздух сладкий,
И журчит волна снегов
Над поставленною кадкой
Из железных желобов.

За решеткою ограды
У оттаявших кустов
Скачут, оттепели рады,
Стаи резвых воробьев.

В мутных сумерках бульваром
Проходя, я вижу вновь
По очам и юным парам
Пробужденную любовь.

Мне взгрустнулось. . . Что такое?
Как душа моя полна!
Здравствуй, солнце молодое!
Здравствуй, юность и весна!

1898

* * *

Ветер ласковый при встрече
Розу только поцелует,
Одуванчики ж, как свечи,
Поколеблет и задует.

Налетит, как ветер, горе,
Сердце юное — чуть тронет,
А в отцветшем сердце вскоре
Всё убьет, всё похоронит. . .

1898

* * *

Бежит волны кипучий гребень.
Поет стремлению хвалу
И, разбиваясь о скалу,
Приносит ил, песок и щебень.

Не так ли юности порыв
Шумит, бежит, нетерпелив,

Поет хвалу земной отваге...
Но властный опыт разобьет
Его вольнолюбивый ход,
Как жесткий берег — пену влаги...

1898

А. С. ПУШКИНУ

Твое рожденье здесь, и сердце здесь твое
Забилось первым впечатленьем.
Благодарю тебя! Ты скрасил бытие
Своим волшебным вдохновеньем.

Я, раб твой преданный, так любящий тебя,
Бессилен высказать, что ты творил, великий!
Сойди, благослови незримо и любя
Под благодарственные клики.

Здесь вижу облик твой: бессмертный и простой,
Стоишь ты грустно молчаливым,
Еще задумчивый над суетной толпой,
Но созванной твоим призывом!

Вокруг тебя гремит стоустая молва...
И верь, благой пророк зиждительного слова,
Не раз благодарить придет тебя Москва,
И Русь, и целый свет — еще, опять и — снова!

24 мая 1899
Москва

* * *

Желтыми листьями дети играли...
Осенью были те листья посеяны,
Ветром с тоскующих веток рассеяны
Желтые листья, как слезы печали.
Желтыми листьями дети играли;
Листья шумели и листья роптали.

Поздними грезами сердце играло...
Были те грезы когда-то пленительны;

Были, как щедрость любви, упоительны...
Юность их сеяла — горе пожало...
Поздними грезами сердце играло, —
Молодость плакала и улетала...

Сентябрь 1899

* * *

Деревня скрылася... И нивы
Уже от взора отстают.
Речонки быстрые извивы
К заставе города ведут.

Вот город. Крашеные домы,
Казармы белые, бульвар...
Клочки разбросанной соломы,
В сенях дымящий самовар.

Здесь из пекарен запах хлеба,
Здесь стук колес и гам людской,
И зарумяненное небо
Румянит лужи мостовой.

И снова странное волненье,
И вновь знакомая печаль
От простодушного селенья
Зовет в безжизненную даль...

1899

* * *

Вечера всё белей и беззвездней,
И прозрачно и тихо в лесу,
Только слышен малиновки поздней
Робкий щебет в девятом часу.

Как свежо! Но свежо без тумана.
Вечер дремлет раздумьем в кустах.
Заживает душевная рана,
Сохнут слезы в усталых очах.

О, блаженство бессмертной природы!
Узнаю я дыханье твое,
И твоей безграничной свободы
Осенило меня бытие.

Словно счастья я снова достоин,
И оно улыбнулось вдали...
Я молитвенной грустью спокоен,
Только грустью не здешней земли...

1899

* * *

Сколько веток поломано бурею,
Сколько птичьих разрушено гнезд!
Но зато как лучист и блистателен
Этой радуги огненный мост!

Сколько роз недоцветших уронено,
Сколько пыли навеяно в сад...
Но зато от цветов распустившихся
И пышней и пьяней аромат.

О, недаром гроза благодатная
Пронесла над землей ураган;
Воздух сладко уснул, убаюканный,
И уплыл тяготевший туман.

<1900>

ПРОШЕДШЕЕ «Я»

Неясной дымкой даль объята,
К закату клонится мой день.
И я не тот, как был когда-то,
И прежний «я» следит, как тень,
Следит всегда, следит повсюду,
Не отступает ни на шаг,
И говорит мне: не забуду
Тебя, мой друг, тебя, мой враг!

Тебя я нянчил в колыбели,
С тобою в детстве я играл,
С тобой мы вместе песни пели,
Когда во мне ты расцветал!
Ты первый выпил за здоровье
Моих надежд и юных сил,
Твое слезами изголовье
Не я ли первый оросил?

Чем ты старее год от года,
Тем я моложе день от дня.
Твоя любовь, твоя природа
Цветет и зреет для меня.
Союз наш верен и чудесен,
Ты голос мой, и я — твой звук,
И первый я умру без песен,
И ты второй — умрешь от мук.

Недаром мы сжились с тобою,
Недаром вместе рождены.
Ты — дух, творящий под грозою,
Я — дух забытой тишины.
Недаром страсти в нас метались,
И после смерти роковой,
Как в довременности сливались, —
Сольемся в вечности одной...

<1900>

ОСЕНЬ

Уж холодом веет осенним.
И мнится, вершины шумят:
«Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко-пурпурный наряд».

И мнится, цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют молча, головки склоняя,
Как в день роковых похорон.

И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.

Природа устала, и скоро
Ко сну ее клонит недуг,
Но жизнь суетна́я для взора,
Для сердца всё та же вокруг.

Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней,
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.

Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула
В окне красноватым пятном.

И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвой.

<1900>

СТАНСЫ

Мой друг, у нашего порога
Стучится бледная нужда.
Но ты не бойся, ради бога,
Ее, сподвижницы труда.

При ней звучнее песнь поэта,
И лампа поздняя моя
Горит до белого рассвета,
Как луч иного бытия.

И мир иной перед очами,
То мир восторгов и чудес,

Где плачут чистыми слезами
Во имя правды и небес.

То мир, ниспосланный от бога
Для утешенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачет бледная нужда!

<1900>

ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

Темно, темно! На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.

В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и светлей.
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то взошло в душе моей!

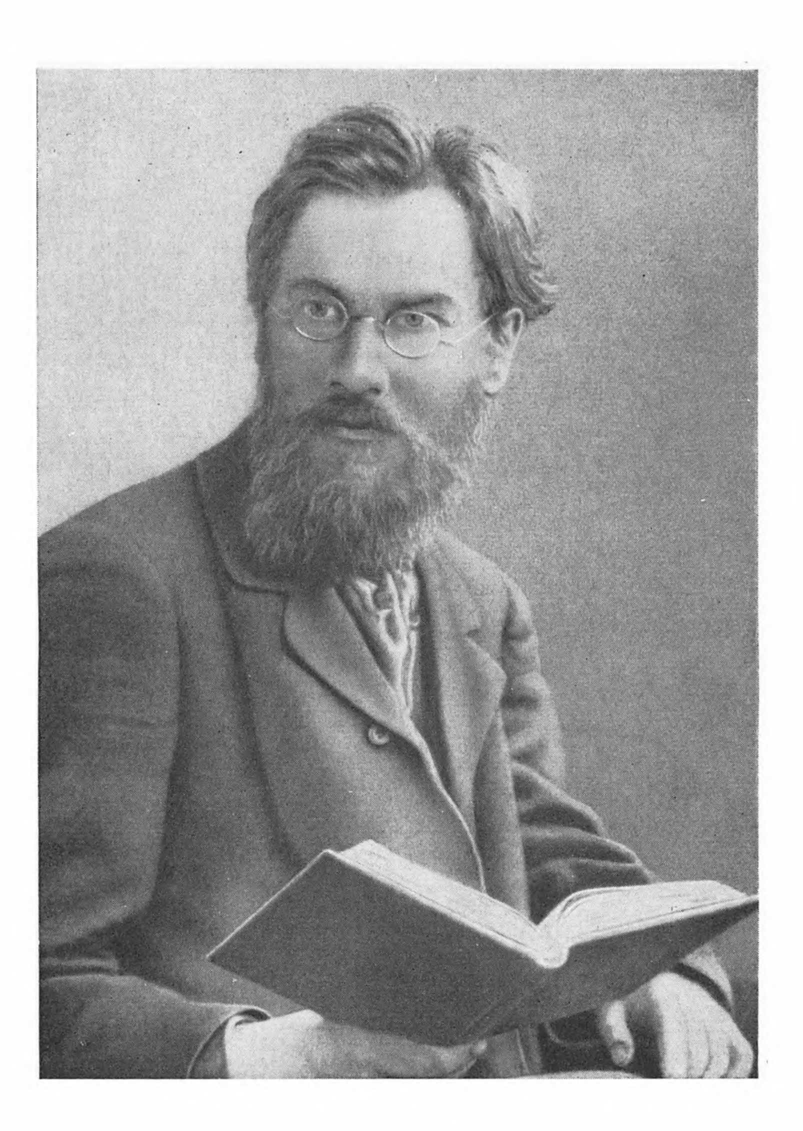
Пустынно всё, но там журчат потоки,
Где я иду незримою тропой.
Они в душе родятся одиноки,
И сердца струн в них слышится прибой.

Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя,
И мир зовем волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя!..

Октябрь 1900

ГРЕШНИЦА

Я так расстроена, я так расслаблена...
Ночь вся полна ароматной мечтой.
Смотрит в окно мое белая яблоня,
С ветром целуясь дрожащей листвой.



Будто под белой фатою — несмелые
Звезды мне с неба мерцают едва...
Руки мои опустилися белые,
В мертвом молчании гаснут слова.

Нет ни молитв, ни слезы покаяния,
Чуждая миру — чужда небесам...
Можешь ли вымолить мне оправдание?
За оправдание — сердце отдам!

Октябрь 1900
Гатчина

ИЛЛЮЗИИ

Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых,
Где всё напоено святым очарованьем,
Где нет докучной лжи и нет цепей земных,
Где даже хищный зверь проникнут состраданьем,—
Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых?

Вы знаете ль тех сфер заоблачный чертог,
Где истина живет и счастье процветает, —
Там высятся дворцы. Но зависть на порог
Стоглазою змеей туда не подползает, —
Вы знаете ль тех сфер заоблачный чертог?

Там небеса без гроз, без бури рокот волн,
В таинственных садах, над благозвучной чащей
Гармонией живой вечерний сумрак полн,
Весь запахом цветов, весь звездами горящий
И в синей вышине, и в плеске темных волн.

Не дышит красота там холодом сердец,
И вздохи в нежный гимн слагаются счастливо.
Светло начало там, еще светлей конец,
И память прошлое хранит благочестиво.
Не дышит красота там холодом сердец.

Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых?
Проникнулись ли вы святым очарованьем?

И если были там, то мрак степей мирских
Вам будет миражом, родным воспоминаньем
Заоблачной страны иллюзий золотых!..

1900

* * *

Ищите новые пути!
Стал тесен мир. Его оковы
Неумолимы и суровы, —
Где ж вечным розам зацвести?
Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,
Иссяк источник вдохновенья,
Но близко, близко возрожденье, —
Иная жизнь иного сна!
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...
Велик и вечен храм искусства.
Жрецы неведомого чувства
К нему нисходят без конца.
И есть любовь, и есть сердца!

Мы не в пустыне, не одни,
Дорог неведомых есть много,
Как звезд на небе, дум у бога,
Как снов в загадочной тени.
Мы не в пустыне, не одни!..

1900

* * *

Прошла любовь, прошла гроза,
Но грусть живей меня тревожит.
Еще слеза, одна слеза,
Еще — последняя, быть может.

А там — покончен с жизнью счет,
Забуду всё, чем был когда-то;

И я направлю свой полет
Туда, откуда нет возврата!

Пусть я умру, лишенный сил,
Не всё кончина уничтожит.
Узнай, что я тебя любил,
Как полюбить никто не может!

С последней песнею любви
Я очи грустные смежаю...
И ты мой сон благослови,
Как я тебя благословляю!

1900

ДЕКАДЕНТАМ

Бледная, с поблекшими чертами,
А в очах огонь безумных грез,
Вот она!.. Вокруг ее — хаос
И жрецы с подъятыми власами.

Бьют они в горячечную грудь,
И вопят они о чем-то непонятном,
Но не их кадилом — ароматным
Свежим воздухом пора вздохнуть!

Прочь, рабы! И прочь, князья уродства,
Душен ваш бесчувственный огонь...
Прочь, фигляры! Маску донкихотства
Пусть сорвет с вас дерзкая ладонь!

Нет, не гром вас божий покарает,
Хохот черни злобно вас убьет...
Ваша Муза — как больной урод,
Что себя собою утешает!

Чернь дерзка, но искренна порой...
Ваша Муза — мумия пред нею...
И пророк грядущего — метлой
Вас прогонит, с вами — вашу фею,
Вашу Музу с гаерской клюкой!

1900

НА ПОЛЮСЕ

Драматическая фантазия

Царь снегов.
Зима.
Льдины.
Северное сияние.
Мираж.
Призраки.
Молчание.

Царь снегов

Мой трон блестит игрою звездной,
Когда, как кровь, алеет день.
Плывет дыханьем пар морозный
От ледяных его ступень.
Молчанье спит, не слышно эха,
Повсюду блеск и серебро.
И солнца шар, как бы ядро
Окровавлённого ореха,
Горит в далекой вышине...
И я живу — и страшно мне!
Исхода нет...

Зима

О, старец-царь!
Сюда от стужи я и скуки...
Меня знобит, трясутся руки...
О, подогрей зари алтарь, —
Дохни!

Царь снегов

Ах, я над ней не властен,
Она бледней — едва дохну...

Зима

О царь, зажги тогда луну,
Ты к ней так нежен, так пристрастен.

Заря гаснет. Восходит луна.

Призраки

Безучастная святыня,
Вдохновенная луна!
Здесь морозы, здесь пустыня,
Тишина... И тишина!

Мы не молимся, не плачем,
Одиноки и сильны,
Мы пути еще означим
В этот сумрак тишины!

Зажигается северное сияние.

Северное сияние

Родилося... Зажглося...
Мгновением живу!
Я — светоч из хаоса
И сон я наяву.
Морозами умоюсь,
Растаю в вышине...
Моя отчизна — полюс,
И смерть моя в огне.

Таст. Идут льдины.

Льдины

Нас побеждают!..
Покой наш разрушен.
Тают и тают,
И воздух нам душен!
Ломят нам спины
Парами, железом...
Бедные льдины, —
Трещим под нарезом.
Горе нам, горе!
Кто-то с востока
Тянет нас в море
Далёко... далёко!..

Даль озаряется электричеством. Слышно громыхание кораблей. В вышине показываются воздушные шары.

Молчание

Кто потревожил меня?
Кто? Я дремало от века!
Страшны мне грохоты нового дня,
Страшен напор человека!
Кто потревожил меня?

Является мираж в заре забрезжившего утра. Вырисовываются в вышине башни, мачты кораблей, трубы. Проходят силуэты людей, едут повозки, мчатся всадники, проезжают орудия и развеваются знамена.

Мираж

О, пробудися, царь снегов,
Взгляни на вещую картину!
Твою морозную равнину
Шатают полчища врагов.

Льдины

Мы девственно-чисты,
Мы нежно-светлы.
И белые сфинксы —
Медведи полярные —
В объятиях наших
Лежат целомудренно!

О, что от нас надобно?
Нас рушат, мы падаем,
Теснимся, и в натиске
Впервые озлоблены.
О, дайте молчание

И мир неподвижности...
О, призраки, призраки!
Спасите!.. Мы рушимся!

Призраки появляются в туманах и принимают очертания южных растений и зверей.

Призраки

Мы — ополчаемся,
Призраки властные!
Мы — облекаемся
В ткани ужасные!
Где наши лилии звездные, —
Тонкие иглы от инея?
Где наши звездочки синие,
Пальмы на льдинах морозные?
Мы облекаемся в трепет...
Нет у нас больше молчания:
В нас пробуждается лепет,
Соки и жажда желания...

Льдины

Хрусталь наш девственный,
Покров невинности,

Ужель омочите
Вы кровью алою?

Призраки

Нет, не мы! .. а те, другие,
Чьє дыханье веет тут, —
Ставят сети роковые,
Гонят, ломят и гнетут!

Ополчайтеся все силы
Наших северных ветров, —
И молчание могилы
Охраняйте от врагов!

В снежных безднах, в синих глыбах
Возмутите свой хаос
И на бешеных изгибах
Бросьте вызов в царство гроз! ..

Налетают вихри; вздуваются льдины, колеблется почва, и Молчание подымает смерч. Клубы волн врываются на полюс, рушатся ледяные горы. Вдали слышны вопли, звуки колоколов и набата. Океаны выступают из берегов.

Октябрь 1901

СТАНСЫ

Лишь только зрячие разбудят,
В испуге смотрим мы назад:
Непонимающие — судят,
И ослепленные — казнят.

В унылом мраке заточенья,
В позоре, страхе и нужде
Идут живые поколенья,
Борясь и мучаясь везде.

О, дайте страсти, дайте доли, —
Они ведь отзвук старины.
Они родились поневоле
И сладко грезят в дни весны.

Всё, что отцы не досказали,
Что деды мыслили в тиши,

Что назревало в дни печали,
То им внедрилось в глубь души.

Мгновенно вспыхнуло, созрело...
И вот уж новые сердца
Себе иного ищут дела,
Иного требуют конца.

Зачем же муки и гоненья?
Они с грядущим заодно,
Они былого поколенья
Перебродившее вино!

4 июня 1902

ТАЯНЬЕ СНЕГОВ

Иная жизнь придет с весной
Шуметь на празднике природы...
И будут старые мечты
Другим и жизненны и новы:
Как полю — новые цветы,
Как птице — новые дубровы.

О, тай же, тай же, мутный снег,
Гони весенние разливы:
Иной весны ждет человек,
Иного пахаря ждут нивы...

15 марта 1903

* * *

Пыль на улице. Травою
Площадь поросла.
Вкруг зеленою толпою
Смотрят купола.

По безлюдным переулкам
Блещут огоньки.
Слышен крик в затишье гулком
С Волхова-реки.

Дремлет Новгород великий,
Дремлет тяжело.
Или грезит волей дикой,
Преклонив чело?

Или быль припоминает,
Роковую быль?
И, зевая, поднимает
Уличную пыль. . .

Июнь 1903
Новгород

ИВЫ

Где сохнущей речки извивы
Пленяют мечтательный взор,
Две ивы, две грустные ивы
Сплелися в столетний шатер.

И в полдень горячий без шума
Зовут пришлеца отдохнуть;
Одна у них песня и дума —
Как сладко под ними уснуть!

Уснуть без желаний, без грезы
На их многолетних корнях,
Пока возмущенные грозы
Спалят и размечут их в прах.

Август 1903
Старая Русса

НЕЗДОРОВЬЕ

Свечи ль зажгут — лягут тени огромные,
Странные тени в углах.
Свечи погасят — и в комнаты темные
Крадется шепчущий страх.

Клонит ко сну, но дремота тревожная
Черный являет кошмар.
Что-то ужасное, что-то безбожное
Мозг обожгло, что угар.

Встанешь — как плети лежат непослушные
Руки... И ноги болят...
Воздуха! Воздуха! Комната душная.
Мучает жажда, как яд.

Долгая ночь, точно вечность глубокая...
Скоро ли белый рассвет?
Небо всё в звездах, немое, стоокое,
Смотрит мильонами лет.

Тихо узоры обоев сливаются...
Дума язвит, как стрела:
Люди приходят и люди кончаются!
Скоро ли кончится мгла?

День всепобедный, скорее!.. Мучительно
Жажду я видеть рассвет...
Что же так маятник ходит медлительно,
Точно движения нет!

1903

СУМЕРКИ

Синеет даль, вся бирюзовая,
Из-за стекла.
В прозрачном сумраке столовая, —
Покой и мгла.

В футляре маятник шатается,
Он как весы.
Былое с вечностью сливается,
И бьют часы.

Деревья за окном скелетами
Стоят черны.
За их узорными просветами
Огонь весны.

Огонь зари вечерней светится,
И в тишине
К нам подойдет и не заметится
Ночь в пелене.

И почерневшими тенетами
Всё обовьет...
Гори же дальше позолотами,
Небесный свод!..

Не померкай, заря вечерняя,
И ты, весна,
Мои мечтанья суеверные
Испей до дна!

1903

ЛУЧ

Сквозь расшатанные доски,
В щель сарая, в душный мрак,
Ярко-огненные блестки
Проскользнули, как маяк.

И ложится желтой змейкой
На стене и на полу,
По доскам и под скамейкой
Луч, прорвавшийся во мглу.

Мимолетной песни звуки,
Жизнь, блеснувшая во тьме,
И от выстраданной муки
Мысль, рожденная в уме, —

Это также только пятна,
Только краткий отблеск в щель
Из природы необъятной,
Где один закон и цель...

1903

* * *

«Весна, вперед, вперед дружней!» —
Кричит воробушек задорный,
И скачет он на ветке черной,
Встречая ранний блеск лучей.

Под снегом шепоты и звон,
Под снегом жизнь весны точится,
Слезится пруд и с крыш слезится,
И гонит солнце зимний сон.

Уже малиновый ивняк
В пушок облекся бархатистый.
То первый снег весны лучистый,
Как траур сосен — первый мрак! . .

1903

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Давно любви их ранней
Распалося звено.
Давно они любили
И разошлись давно.

Страдал он одиноко,
Встречая бремя бед,
Она с другим делила
Восторги лучших лет.

И встретилися снова
Раз осенью они.
Пылал закат, как факел,
На прожитые дни.

По роще, в хвоях сосен
Скользнули блески стрел.
Он думал: как увяла!
Она: как постарел!

Он «вы» сказать смущался,
Она не смела — «ты»,

И оба обрывали
Последние цветы.

Им многое хотелось
И вспомнить и сказать,
По-прежнему смеяться
Хотелося опять.

В ней сердце трепетало,
И ныло у него...
И молча разошлися,
Не вспомнив ничего...

1903

КРУГОВОРОТ

Чувство, греза каждая,
Каждое желание
Угасает в радостном
Пепле мироздания.

Вспыхнет на мгновение,
Отпадет мгновением,
Насыщая смертного
Радужным видением.

И в пучине, дышащей
Злобой мира тесного,
Вновь погаснет искрою
В лоне неизвестного.

И, встречаясь с бездною,
Как с былым предтечею,
С искрой зачинаемой
Радуется встречею.

И в текущей вечности
К свету приобщается
И опять мгновенною
Искрой зажигается...

1903

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

На кленах молодых еще слезой сверкает
Роса весеннего дождя.
Еще весенний гром далеко громыхает,
На запад отходя.

Обрызганный цветник стыдлив и ароматен,
Смежил цветы табак.
Между настурций он как снег меж алых пятен,
И ждет вечерний мрак.

Еще светло. Но тень длиннее и длиннее,
Вечерняя заря
Роняет косо луч. . . И длинная аллея
Прияла отблеск янтаря.

Горит вся золотом стеклянная теплица,
Как огненный рубин.
Сверкает дождь в листве. . . Но засыпает птица,
И сладок сон провеянных вершин.

Привет тебе, о вечер нисходящий!
Привет, прошедшая гроза!
Привет тебе, сверкнувшая над чащей
Небес стыдливых бирюза!

1903

* * *

О, горе, горе тем, кто с отроческих лет,
Забыв волненья дерзкой прозы,
На небо устремит свой взор и, как поэт,
Начнет петь соловьев восторженно и розы.

Их дар не признают не эти и не те,
И гибнут русские поэты —
Под пулею, в нужде, в изгнаньи, клевете,
И песни не допев, и не свершив заветы. . .

Июнь 1904

* * *

«Тебя поймут, тебя поймут! —
Мне шепчет голос сладкий, —
И тихих дум певучий труд
Тогда глупцы не назовут
Туманною загадкой!»

Меня баюкает тот зов,
Тот зов надежды сладкой,
Я снова свеж, я вновь здоров,
Я верить истине готов,
И плачу я украдкой.

Светло в душе, тепло в уме,
Теплей в природе милой.
И точно луч в сырой тюрьме,
И точно свет в кромешной тьме,
Мне жизнь сияет силой.

Бодрей струится в жилах кровь...
Слезами умиленья
Уже приветствую я вновь
Весну, восторги и любовь
И праздник возрожденья!

16 октября 1904

СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ

Месяц всходит выше... выше...
Снег посеребрил.
Тень легла на снег от крыши,
От резных перил.

От амбара и от бани
Тени на дворе.
Небо, будто бы в тумане,
В млечном серебре.

Облака бегут... Крепчает
Молодой мороз.
Месяц искры зажигает
На ветвях берез.

12 декабря 1904

В ДОРОГЕ

Мой голос слаб, мой факел темен,
Иду неверною ногой.
А ночь глуха, а мир огромен,
И смотрят звезды надо мной.

Где сеять мне? Какое семя?
Кого мне зернами питать?
Господь! Пошли иное время,
Чтобы посеять и пожать.

Вокруг безлюдье... Свились тени
Глубокой тьмы, как щит врага.
Слабеет взор, дрожат колени,
Скользит над пропастью нога.

О боже мой, внемли страданьям
Души, идущей за тобой!
Не усыпи ее молчаньем,
Не разбуди ее грозой!

1904

СТАНСЫ

Другу

Судьбой холодной и жестокой
Еще вполне несокрушим,
Мой милый друг, мой друг далекий,
И я озлоблен и гоним!

Бегу, ищу, желаю пристань,
И говорю уже себе:

«Сожгися мозг и сердце выстынь,
Не покорившися судьбе!»

И слышу я в ответ, как эхо
Моей мятущейся судьбы, —
Ответ иронии и смеха,
Как молвят вещие гробы:

«Ты не уйдешь от пут жестоких,
От клеветы и от могил,
Погибнешь в муках одиноких
За то, что много возлюбил! . .»

13 апреля 1906

ПЕРЕД ЗАРЕЙ

Чего хотим? И что мы ловим,
Идя озлобленным путем?
Не жизнь ли новую готовим,
Не сердце ль новое куем?

От родников, где прежде жили,
Ушли мы к новым родникам,
И прежних дум, и прежней были,
И прежних грез не надо нам!

Зарю увидели, и дружно
Мы к ней пошли, окрылены.
Иные падали недужно,
Еще иные — спасены!

Июнь 1906

В ГÓРЕ

И шум и грусть в родной столице.
Мой младший брат сидит в тюрьме,
Моя жена лежит в больнице,
При этом — не в своем уме.

Двух дочек взяли по приютам,
А старший сын, совсем дурак,
Мне угрожает или кну́том,
Или под нос сует кулак.

Моя же муза, в самом деле,
Дрожит, как люди под замком,
Или в редакторском портфеле,
Или под цензорским ножом!..

24 сентября 1906

* * *

Я хотел бы страдать, но не в силах страдать,
Я хотел бы любить, но любить не могу.
Раз умершим цветам можно вновь расцветать —
Даже в дождь и во тьму на осеннем лугу.

Раз угасшему дню можно снова взойти,
Озаряя лучами небес вышину, —
Но что раз потерял на житейском пути,
Нам того не иметь, нам того не найти,
Как в сиянии дня золотую луну.

29 декабря 1906

* * *

В мире душно и позорно,
И обидно жить.
Обрывается покорно
Быстрой Парки нить.

Что цвело — того не станет,
Всё оденет тьма;
И за гробом нас обманет
Даже смерть сама.

Поколения другие
Нашу жизнь сметут;

Кратки помыслы святые,
Жалки мысль и труд.

Всё пройдет и всё обманет. . .
Жалок, кто живет,
Жалче тот, кого не станет
В омуте забот!

1906

НА ПРОСПЕКТЕ

Каменный дом, точно клетка огромная,
Щелями окон тускло глядит.
Лестница длинная, лестница темная
Вьется всё выше и звонко молчит.

Чьи-то шаги раздаются поспешные
По невеселым, крутым ступеням. . .
Чувства неверные, помыслы грешные,
Тут зарождаяся, гаснут не там.

Много здесь окон и много — страдания,
Много открытых и тайных дверей.
Слышатся звуки то слез, то лобзания,
Видятся скорбь и отвага очей.

В улице шум и движенье греховное,
Мечутся люди, спешат и спешат,
К силе телесной стремится духовное,
К раю стремится низвергнутый ад. . .

1906

СТАНСЫ

Когда пройдут стремленья молодые,
Остынет кровь, поработится ум, —
Опять взгляни на звезды золотые,
Опять ручья подслушай тихий шум.

И вновь найдешь душе успокоенье, —
Они всё те ж, всё так же молоды,
У них нет дум, заботы и гоненья,
Для них мечта — и битвы и труды!

Свободный дух им вызвал жизнь однажды:
Хор ясных звезд — светить земле в ночи,
Ручей — поить измученных от жажды. . .
Всё тот же плеск и те же всё лучи!

А ты, дитя смеющейся природы,
Ты много раз меняешься душой:
То просишь дней ликующей свободы,
То цепь куешь для жизни молодой.

Твой взор погас, чело твое в морщинах,
Ты слаб и хил, любовь твоя прошла.
Ты — точно раб на шумных именинах,
И жизнь тебе, как прежде, немила!

А помнишь ли — и ты был прежде молод,
Ты зло клеймил, свободу создавал,
Грозил врагам. . . Повеял жизни холод
И умертвил, как сад, твой идеал!

Припомни же стремленья молодые,
Свою борьбу, отвагу первых дум!
Опять взгляни на звезды золотые
И у ручья подслушай прежний шум!

1906

ЗИМОЙ

Тишина. Снега в долине.
Месяц в мирной половине
Наклонился над землей.
Редких звезд сверкают глазки,
И хрустальные, как в сказке,
Дерева свои подвязки
Опустили с бахромой.

В белоснежной зимней ночи
Неподвижность видят очи
Да луны полукольцо.
Прохожу немую степь я,
Всё полно великолепья,
И алмазные отрепья
С веток падают в лицо.

Всё в беззвучном бреде дремлет,
Сердце спит. Оно не внемлет
Полумертвой тишине.
Дремлет разум молчаливо,
Но природа боязливо
Притаилась, и ревниво
О забвеньи шепчет мне. . .

1906

ЛОМКА

Ломка! Новая Россия
Из развалин — старых груд —
Появилась как стихия,
Люди грабят, бьют и жгут.

И померк Восток наш Дальний
С блеском царского венца
Перед новой наковальней
Рокового кузнеца.

И кузнец тот — поколенье,
Народившееся вновь,
Новой мысли откровенье,
Новой жизни плоть и кровь!

Прикоснувшись к старым ранам,
Поколеблет, потрясет,
Пронесется ураганом
Новой жизни смутный ход.

И, сметая пережитки,
Предрассудки старых дней,

Развернет на новом свитке
Торжество иных идей.

И, как феникс величавый,
Из мгновенного костра
Русь воспрянет с новой славой
В час свободы и утра.

1906

* * *

Я весла опустил, плыву я по теченью
Всё дальше, дальше вниз, и недалек к паденью,
Где злой круговорот бесчувственной волны
Всё шире яму вьет из влажной глубины.

Я падаю почти, я изнемог, я страждну!
Но всё не гибели, а жизни больше жажду,
И перед бездною щемящею пучин,
Как прежде, остаюсь оставлен и — один!

Где силы взять еще для бешенства невзгоды?
Я знал печальные, мучительные годы,
Но хуже я не знал жестокого мгновенья.
Я весла опустил! Паденье — так паденье!

1906

ОСЕННЕЕ

Заглохший сад усыпан весь листвою.
Прощальный луч глядит из-за ветвей.
Не нагляжусь вечернею зарею,
Не надышусь дыханием аллей.

Как нежный сон воспоминанья, сладок
Моим мечтам день осени сырой. . .
Немая грусть, и немощь, и упадок
Везде, на всем, с прощальной красотой.

Заглохший сад мне шепчет отовсюду:
Была весна, и встречу вновь весну.
И в тишине я радуюсь, как чуду,
И сумраку, и немощному сну.

1906

ЦЕПИ

Пройдут года, пройдут народы,
Но не пройдет одна любовь, —
В хаосе гибнущей природы
Она живой воскреснет вновь!

Я как-то видел сон печальный:
На мне бряцали кандалы,
А надо мной, в лазури дальней,
Кричали дикие орлы.

Я изнывал от тяжкой жажды
И, полн мучительной тоски,
Бессильно падал не однажды
На раскаленные пески.

Но торопил мой шаг тяжелый
Медносверкающий конвой,
А день, горячий и веселый,
Дышал уж близкою грозой!

И вот огонь блеснул за тучей,
Загромыхал протяжно гром,
Песок завихрился сыпучий,
И по́лил светлый дождь ручьем.

Пахнуло влагой благодатной
На утомленное лицо;
Пронесся ветер ароматный,
Сверкнуло радуги кольцо.

Не знаю, тучи шли откуда,
Но, лишь промчалася гроза,

Свершилось радостное чудо,
И жизнью вспыхнули глаза.

Замолк последний рокот стона,
И цепи ржавые, в пыли,
Как жезл священный Аарона,
Гирляндой пышной расцвели!

1906

ЭЛЕГИЯ

Склонилась жизнь моя к закату,
Я слаб, я чаще нездоров. . .
Иду по смолкнувшему скату
Завечеревших берегов.

Воспоминаний нет со мною,
Зачем их праздные листки?
Они полны печальной мглою
Обид, позора и тоски.

Прощаюсь с днем без сожаленья,
Встречаю вечер без слезы,
Молю я сил, молю терпенья
Навстречу будущей грозы.

Иду, погоду замечая,
Потупив грустное чело.
Далёко туча грозовая,
Закатом — небо обожгло.

А там, где смерклось на востоке,
Вокруг оплаканных жилищ,
Я вижу пламенные строки
Пожарищ, битв и пепелищ!

1906

ПЕСНИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

ВСТРЕЧА

Как в чудном сне арабской сказки,
С тобою встретились мы вновь.
Вновь для разлуки, не для ласки —
Мое блаженство и любовь!

Взглянули мы друг другу в лица,
Благословляя потому
Ты — первый шаг свой из больницы,
Я первый шаг в свою тюрьму.

У нас судьба волны капризней,
Но не робеем мы пред ней.
Есть много так же грустных жизней,
Но вряд ли есть еще смешней!..

12 января 1907

КАМЕРА

На стене рисунок чей-то,
Точки, профили зверей.
Коридор звучит, как флейта,
Из отверстия дверей.

За окном — решетки, точно
Клеть курятника. Кругом —
Всё высоко, плотно, прочно,
Свод — что грот под потолком.

Только легкие тенета
У окна и по углам.
Разве мушек здесь без счета,
Что так любо паукам?

Да к тому ж теперь не лето,
Паутина здесь вокруг.
Наспех символ создал этот
Очарованный паук!

12 января 1907

ТЕРПЕНИЕ

Коль призван жить, твори и мысли,
И беды все переживи,
И все страдания исчисли
Во имя бога и любви.

Не умирай от испытаний,
От тяжких, будничных забот.
Есть много светлых заклинаний,
Могуч терпения полет!

Терпенье вечности подобно:
Оно и так же холодно,
Спокойно так же и незлобно,
И так же с небом заодно!

12 января 1907

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

За решеткой окно...
Серый каменный пол
Ты измерил давно,
Много раз обошел.

Вот железная дверь,
Вот с решеткой окно,
Мерь шагами и мерь,
Хоть измерил — давно.

Много раз ты прошел,
И не сбился досель.

Хоть отбросить бы стол,
Переставить постель!

Но — привинчено всё!
И в окне небосвод,
Как в ходу колесо,
Всё плывет и плывет.

Взглянет день — синева,
На закате — пожар.
Ночь крадется едва,
Тень — с углов и от нар.

Тяжело и легко
Созерцаешь себя.
Где-то там, далеко,
Уж не ждут ли, любя?

Январь 1907

СТАНСЫ

О, замолчи, воспоминанье,
К себе былое не зови!
Печально вспомнить дни страданья,
Еще печальней — дни любви!

Накинь, душа, покров забвенья
На всё, на всё! Я жить устал.
Мне даже скучно вдохновенье —
Мой лучший жизни идеал!

Темней, мой день! Гасись, лампада!
Закат мой бледный, догорай...
Не здесь блаженство и отрада,
Не на земле счастливый рай!..

6 апреля 1907

* * *

Бело́. Восходит зимний день,
Румяно и морозно,
Встают на труд нужда и лень,
Разгул заснул безгрезно.
Движенье в окнах. Дым печей,
Смотрящие фасады,
И зимних утренних лучей
Веселые лампады.
Люблю я зимнего утра́
И шум и трепетанье,
И трепет мертвого вчера,
И завтра ожиданья.

Декабрь 1907

* * *

Я иду, вокруг — всё избы,
Всё луга, поля вокруг. . .
Через тощий палисадник
Балалайки слышен звук.

Ночь июньская прозрачна,
Полный месяц без лучей.
Тянет запахами сена,
Сладким клевером полей.

Трели поздние зарянки
Где-то сыплются в кустах,
Веет что-то молодое
В пробудившихся мечтах.

Месяц — точно одуванчик
В сте́пи неба голубой.
А из трав в сырой канавке
На него глядит другой!

1907

* * *

Последних дум, последних лет,
Последних песен переливы,
Капризны, вольны и игривы,
Еще несут душе привет.

Еще порой в блаженстве нежном
Мечта пророчит ясный день,
Хотя сомнением мятежным
Всё гуще, гуще жизни тень.

Так в осень дни темней, короче,
Зато цветы пышней тогда,
И в темноте осенней ночи
Светлей вечерняя звезда!

1907

* * *

Кругом прозрачный, кругом полночный
Стеклянный свет.
Спадает с яблони молочный
Весенний цвет.

Как ясен запад, как всё лилово
Там от зари.
Молчи, ни звука! Молчи, ни слова
Не говори!

И что за запах! Цветут сирени,
И цвет их нежен, как аромат.
Вкруг полукраски, вкруг полутени,
Ты целовала б, но я не рад.

Но я боюся твоих лобзаний,
В них жало смерти, и яд — огонь.
Уйди, не надо! И от страданий
Избавь, не надо! Уйди, не тронь!..

Июнь 1908

* * *

Догорает мой светильник.
Всё стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут;
Точно капли упадают
В бездну вечности — и тают, —
И опять, опять живут!

Ночь морозна. Небо звездно,
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама.
Сад в снегу, беседка тоже,
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрома...

1908

* * *

Какая грусть могильная
В селении немом!
Грязна дорога пыльная,
Омытая дождем...

Прошли стада мычащие,
Проехал сонный воз...
Вдали огни блестящие
Роняет паровоз.

Порою глухо слышится
Далекий лай собак.
Вершины чуть колышутся,
Встречая тихий мрак.

Даль — серая, туманная,
В окошках кое-где
Огни зажглися ранние,
Туман встал на пруде.

И вот звезда далекая
Зажглась, как мудрый глаз.

Святыня светлоокая,
Тебе ль увидеть нас?

Нас, бедных, нас, осмеянных,
Жестоких и больных,
Разбросанных, развеянных
На всех путях земных!

1908

ЭЛЕГИЯ

Папироса... Еще и еще папироса...
Я курю и в окошко смотрю.
Над водою всё ласточки кружатся косо.
Покурил. Закурил. И курю.

Мысли — злы. Для мучений больного вопроса
Нет ответа, иль бледен ответ.
Папироса. Еще и еще папироса...
А забвения думам мучительным — нет.

Пепел стол весь усыпал... С тупого откоса
В пруд сбегают утята толпой.
Папироса. Еще и еще папироса...
Как всё глупо, старо, боже мой!..

24 января 1909

* * *

Уж более полжизни пройдено́...
Иду, согбен под ношею терпенья...
В глазах зияет черной смерти дно,
В лицо пахнуло веянием тленья.

Всё кончено, чем наша жизнь красна́.
Любовь, мечты, надежды улетели.
И даже в дни, когда цветет весна,
В моей душе суровые метели.

Склонив чело, одна, полубольна,
Порой ко мне заглянет Муза в угол.
Святым огнем наполнится душа,
И улетит чудовищный рой пугал.

18 мая 1909

* * *

В исканьи истины и бога
Мы сбились в сумерках с пути.
Хотя дорог есть старых много,
Зато нам новых не найти!

Идем, себя не разумея,
Идем в потемках, наобум,
Но сердце бьется, пламенея,
И жадно ищет новых дум.

Мы без компáса, без огнива,
А до рассвета — далеко!
И очи косятся пугливо,
И груди дышат нелегко.

Когда ж рассвет блеснет навстречу,
Стряхнут собратья тяжкий сон
И жадно бросимся мы в сечу
За честь поруганных знамен?

13 января 1910

СНЫ ЦВЕТОВ

Я люблю в ночные новолунья
Бледный сон заплаканных цветов
Снится им веселая шалунья —
Королева трепетных их снов.

Снится им — румяный вечер мая,
И встает застенчиво она,
Королева эта голубая,
Чтобы взять их жизнь и семена.

И цветы ликуют и трепещут,
Сладко плачут фимиамом слез, —
И опять им снится, что заблещут
Грезы их, светлее детских грез.

18 марта 1910

БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ

В СЕЛЕНИИ

Уже закрыты лавочки,
На небе серп луны.
Ночные реют бабочки,
Как сказочные сны.

Повеяло прохладою,
Дорога не пылит.
Хрустальною лампадою
Ночь майская сквозит.

Всё небо точно кознями
И тайнами полно,
Но звездочками поздними
Не искрится оно.

И не о них ли пламенно
Один в тоске своей
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?

В ПАРКЕ

Воздух сладко дышит липами,
Веет влагой от ручья.
Дальний поезд дерзко хрипами
Заглушает соловья.

Ночь грустит и словно мается,
Спят заглохшие пруды.
Небо вешнее купается
В мутном холоде воды.

Вид печальный, вид пленительный,
Грезит былью старый сад,
И с тоскою усыпительной
Ропщет быстрый водопад.

28 мая 1910

---

* * *

У леса есть птицы и гнезда,
У сердца желания есть.
У синего неба есть звезды,
Которых вовеки не счесть!

У моря есть вольные струи,
На дне его — перлов не счесть.
У юности — есть поцелуи,
У старости — грусть одна есть!

10 июня 1910

ОПЯТЬ

Опять? Опять! Всё это было,
Когда-то было и прошло:
И так же солнце нам светило,
И так же было мне светло.

Ложилась тень от лип и кленов,
И мрамор белых балюстрад,
И пышный плющ у павильонов
Нам веселил и тешил взгляд.

Мы были юны, точно боги,
Едва создавшие миры,

И после дум и мук тревоги
Свои нашедшие дары.

И ничего мы не хотели,
Довольны ясной лаской дня...
Сияло солнце, птицы пели,
И пело сердце у меня.

6 июля 1910

* * *

В городке небольшом, в переулке глухом,
Тянет влажною тиной с болота.
Между старых берез пятна алых полос, —
Догоревшего дня позолота.

Там, в саду, у плетня, притаясь, не звеня,
Колокольчик лиловый склонился,
И на тусклом стекле, на балконе, во мгле,
Перламутром закат отразился.

Летний вечер хорош. Дальше — нивы и рожь,
И сияет лесок на просторе.
Я до леса дойду, в море ржи пропаду,
И созвучья подслушаю в море...

28 июля 1910

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Как будто в первый день признанья
Любви, взаимной и святой,
В душе легко. И покаянья
Звучат наивною мольбой.

Кругом всё вдруг помолодело,
Светло очам, легко уму.
Как маска сброшенная, тело
Предстало духу моему.

Я не ропщу, не негодую,
Иду — куда не знаю сам,
От поцелуя к поцелую,
От неба к новым небесам.

Обломки свергнутых кумирен
Я собираю не спеша:
Мой путь далек, мой путь эфирен,
И крылья чувствует душа.

Июль 1910

НА ВЗМОРЬЕ

Всё необозримыми далями белеется,
Тонет взор в безбрежности и отрадно дышится,
Там заря вечерняя, точно уголь, тлеется,
Море, как ребенок, в небесах колышется.

Тихо челны движутся, чуть белея парусом,
Вод крылом касается чайка белоснежная.
Облака, что кружева, ярус встал за ярусом,
Но зефир развеет очертанья нежные.

Встанут горы серые, вместо башен города,
Львы сереброгривые поползут, потянутся...
Взморье! Ты и вечером хорошо и молодо,
И тобой утешатся, и тобой обманутся.

Солнце! Ты спустилося тихо в ширь подводную,
И она румянится под твоим лобзанием.
Утолись, горячее, влагою холодною
И согрей поутру нас вновь очарованием!

Август 1910

* * *

Как много в жизни скучной прозы,
Как мало ясных дней любви!
Уже давно померкли грезы,

Уже давно не льются слезы,
И веет холодом в крови.

Иду в раздумьи, а за мною
Могилы ранние друзей...
И что был свет, то стало тьмою,
И опечалился душою
Я на заре закатных дней.

Все, верно, осенью встречали
Такие дни: светло кругом;
Но лес в багрянце и печали,
И вся дорога, как из стали,
Звучит под тяжким колесом.

И, как в теплице разоренной,
Прозрачно в ясной пустоте,
И лишь на грядке засоренной
Подсолнух, солнцем озаренный,
Корону тянет к высоте!

Октябрь 1910

ЧУДИЩЕ

Идет по свету чудище,
Идет, бредет, шатается,
На нем дерьмо и рубище,
И чудище-то, чудище
Идет — и улыбается!

Идет, не хочет кланяться:
«Левей!», — кричит богатому.
В руке-то зелья скляница;
Идет, бредет — растянется,
И хоть бы что косматому!

Ой, чудище, ой, пьяница,
Тебе ли не кобениться,

Тебе ли не кричать
И конному и пешему:
«Да ну вас, черти, к лешему —
На всех мне наплевать!»

1910

* * *

Так полно, так полно
Любил я в мечтах быстрокрылых, —
И долго, безмолвно
Томиться в мечтах был не в силах.

Так свято и страстно
Я веровал в песни и звуки,
Но верил напрасно —
От слова рождалися муки.

Душа отстрадала
В безмолвии тяжком и гордом, —
Но жалко ей стало
Расстаться с последним аккордом.

И стоны, и слезы
Вдруг хлынули дерзко наружу...
И с сердцем, как розы,
Увяла в осеннюю стужу.

1910

* * *

В день своего рожденья
Зачем ты не со мной?
Убито вдохновенье,
Охвачен я тоской.

Дней счастья и свободы
Затмилася звезда.
Ушли былые годы,
Как вешняя вода.

Стою я у развалин
Былого очага,
И хмур и опечален, —
Мне жизнь не дорога!

И скука в сердце томном,
Как в тереме пустом,
Холодном и огромном,
Где всё объято сном.

И слышен однозвучно
Шаг смерти в тишине...
Ужель тебе не скучно,
Не скучно так, как мне?

22 февраля 1911

* * *

Под сосной косматой вырос
Ландыш северной весной.
Лес шумел, и речка вскрылась,
Сосны плакали смолой.

И упала смоляная
Капля, жаркая слеза,
В сердце ландыша, где, тая,
Распылалась, как гроза.

И цветок весны душистой
Загрустил, в бреду ослаб,
И увял он в день лучистый
У корней сосны, как раб.

Февраль 1911

ВОЛНЫ

Повеял ветер с запада,
Растет волна студеная,
Идет, гудет холодная,
Балтийская волна.

Несутся громом выстрелы
От Петроградской крепости,
Проснулись люди бедные,
Столичные, от сна.

Повеял воздух с запада.
Столица ошалелая
Полна молвой и модами
И криками: «Виват!»

Вставайте, наши кормчие,
Вожди вставайте смелые,
Проснись и бодрствуй, праведный
Рабочий, друг и брат!

Несем для вас мы верные
Скрижали вдохновенные —
Хранить вас в многотрудные
Немые времена.

И пусть, как в дни крещенские,
Омоет правдой вечною,
Своею чистой влагою
Народная волна!

Апрель 1911

* * *

Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И кажется, камни дрожат.

Под бешеный ритм завыванья
Во тьме исчезают густой —
То милые в шляпках созданья,
То с важною миной герой.

Горды молньепышущим лётом,
Напыщенны блеском своим,

Мелькают, как огни, [illegible].
И льют по дороге кругом
И стонущие [illegible] вагоны,
И шумные [illegible] дорогой.

Под бешеный ритм [illegible]; —
В пыли несутся густой
То мимо в [illegible] [illegible],
То с [illegible] [illegible] [illegible].

Гордо [illegible] [illegible],
Неудержимо [illegible] свою
~~[illegible] [illegible] [illegible]~~ забот,
От [illegible] как дым.

И хочется спросить: куда вы?
За [illegible]-ли бурными страстями?
За [illegible]-ли безумной забавой,
Иль за [illegible] [illegible] [illegible]?

~~Несчастный!~~ —

СПб. 1-го Мая

К. Фофанов

Жизнь, чуждую горьким заботам,
Они расточают, как дым.

И хочется крикнуть: куда вы?
В погоню ль безумных страстей,
В погоню ль безумной забавы
Иль к плахе позорной своей?..

1 мая 1911

ПОЭМЫ И СКАЗКИ

КАМЕНОТЕС

Японская сказка

В Японии, под небом раскаленным,
Трудился день и ночь в каменоломне
Каменотес; он старился в работе,
А ни богатств, ни почести, ни славы
Не наживал тяжелыми трудами.
И много раз в безмолвном мраке ночи,
В часы бессонниц он мечтал о счастье
И много раз завидовал богатству,
Когда ему случайно доводилось
Кортеж вельможи знатного увидеть.
Как он хотел возлечь бы горделиво
На затканные золотом носилки,
Под яркий пурпур зонтиков широких!
И тайно он молился небесам...

И небеса услышали молитву:
И раз, уснув простым каменотесом,
Проснулся он властительным царем.
Его рабы душистыми вода́ми
Опрыскали и легким опахалом
С его лица докучных мух согнали
И, возложив на пышные носилки,
По городу смиренно понесли.
Был душный день. Палило зноем солнце,
Деревья никли пыльною листвой;
От каменных строений, как от печки,
Тепло струилось; гладь реки зеркальной
Расплавленным сверкала серебром;

Пыль золотя, слепило очи солнце,
Недвижным блеском в воздухе разлившись.
Уже семь суток не было дождя;
Уже семь суток солнце так палило!
Напрасно царь из звонкого кувшина
Прохладным зельем смачивал гортань;
Его рабы напрасно помавали
Над головой венчанной веерами
Зеленых пальм, — царя томило солнце
И жгло гортань и ослепляло взор.
Он солнцу стал завидовать и думал:
«Как хорошо бы нá небе далеком,
В безбрежном море синего эфира
Бросать лучи и быть непобедимым!
О небеса, зачем я не светило!»
И небеса услышали молитву...

И раз, уснув царем под балдахином
Резного ложа, поутру вставал он
В мерцании багровом на востоке
Средь сонма звезд, бледнеющих пред ним.
Он солнцем стал, и от его дыханья
Лилось тепло, лучами исходя;
И взор его блистающий и жгучий
Проникнул в рощи сквозь густые кедры,
Затрепетал на зыби океана
И сжег пески безжизненных пустынь.
Он из зерна пшеницы вывел колос,
Из желудя — величественный дуб,
Душистым соком брызнул в ананасы
И отвердил кокосовый орех.
Но вот однажды воздух, утомившись
Тяжелым зноем, стал сбирать от моря
И от озер, разлившихся широко,
Прохладный пар, и быстро беглый ветер
Сгустил пары в седые облака;
И облака сплотились грозно в тучи,
Диск солнечный скрывая от людей.
И не могло пробить лучами солнце
Воздушную броню тяжелой тучи
И с горькою воскликнуло досадой:
«Бессильно я пред тучею бродячей!

О небеса, зачем я только солнце, —
Не лучше ль быть властительницей-тучей!»
И небеса услышали молитву...

И раз, зашедши алою зарею,
Наутро солнце разлилося в тучу.
Как черное руно овцы гигантской,
Седая туча двигалась по небу
И ткала тени в воздухе сгущенном,
И двигала сердито главы пальм.
И вот она нахмурилась ужасней:
В ее волнистых змеевидных складках
Сверкнул язык мигающей стрелы, —
Так блещет взор из-под ресницы грозной...
И грянул гром, и звучно град запрядал,
Клоня колосья рисовых полей.
Взметнулась пыль по вспыхнувшей пустыне,
Надулися зоба челнов крылатых,
Запенилися воды океана;
И стаей львов серебряных с рычаньем
Они ползли к задумчивой скале,
Которая спокойно возвышалась
У берегов разъяренного моря,
Как бы смеясь над бешенством волны.
И вспыхнула суровее стихия,
Увидя мир скалы непобедимый,
И, как котел, огнями разогретый,
Метнулись волны злые океана
И на скалу с размаху набежали,
Но не могли слизнуть они скалу.
И, в бешенстве раскатываясь громом,
Сказала туча в зависти дрожащей:
«О небеса! зачем я не скала!»
И небеса услышали молитву...

Медлительно умчавшаяся туча
Проснулася гранитною скалою.
И вот скала, в оцепененьи смутном
Вперивши взор на землю и на небо,
Заметила, что у ее подножья
И день и ночь какое-то созданье,
Едва-едва заметное вершине,

Стучит тяжелым молотом, как будто
Добиться слова хочет от гранита.
И чувствует скала, что с каждым годом
Она худеет, что гранит подножья
Болит от ран, что с каждым днем слышнее
И тяжелей удары молотка.
И думает скала в оцепененьи:
«О небеса, зачем я прозябаю!
И, чувствуя у ног своих тяжелых
Ужасного врага, я не могу
Ему ответить местью роковою!
Меня не в силах сокрушить прибой;
Могучих волн не в силах уязвить
Живучие и злые крокодилы,
Лизавшие гранит моей подошвы;
И коршуны, воздушные тираны,
Не в силах грудь мне расклевать, а это
Ничтожное и злое существо
Меня с годами силится разрушить...
О небеса! зачем я не оно!»
И небеса услышали молитву...

Проснулася скала — каменотесом
В убогом шалаше на жестком ложе.
Лучи зари приветно проникали
Сквозь желтую солому ветхой кровли,
И вспомнил всё седой каменотес.
Он вспомнил дни, когда он, недовольный,
Завидовал могуществу и славе.
Как был царем, и тучею, и солнцем,
Как, наконец, дремал скалой недвижной
И как опять он стал каменотесом.
И, вспомнив всё, он труд благословил;
И, молот взяв в мозолистые руки,
Промолвил он с задумчивой улыбкой:
«У каждого могущество свое!»

Июль—ноябрь 1885

СТАРЫЙ ДУБ

Посвящается
И. И. Ясинскому

Как причастница нарядна,
Вся в снегу, как в чистой шали,
Дремлет липа молодая
В очарованной печали.

Перед нею дуб, как старец,
Убеленный сединами,
Наклонился и колышет
Оснеженными ветвями.

А вокруг всё бездыханно,
Мертвы снежные поляны,
И в лесу по мерзлым веткам
Бродят зимние туманы.

И, дремля в волшебной грезе,
Липа дубу шепчет тайно:
«Посмотри, как в чаще леса
Хорошо необычайно!

Посмотри, вдали алеет
Зорь румяных позолота.
Слышишь шорох звонких капель?
Это юный бродит кто-то.

Не весна ли это бродит,
Отряхая иней белый?»

— «Полно вздор болтать, малютка, —
Дуб промолвил престарелый. —

Это запад остывает,
Алым пламенем истекши...
Этот шорох торопливый
От прыжков неловкой векши.

До весны еще далёко,
Да и много ли в ней толку?
Поучись терпенью, глядя
На выносливую елку!»

И замолк сурово старец
Под своею ризой снежной,
И задумалася липа
О весне в тоске мятежной.

Дни идут, теплее солнце
С каждым днем в лазурь восходит
И проталины по снегу
Тенью легкою обводит.

Липа к дубу снова с речью:
«Что задумался так, старче?
Посмотри, весна приходит,
Воздух стал звучней и ярче.

Слышу я, как надо мною
Разогретый снег сочится,
Как поутру, пробуждаясь,
Лес чернеет и дымится!»

Но на речь веселой липы
Грустно шепчет дуб унылый:
«Как землею нынче пахнет,
Точно вырытой могилой!»

Дни идут... Апрель румяный
Из ветвей глядит лукаво,
Сыплет светом цветоносным
И налево и направо.

Дуб нахмурился сердито,
Липа юная ликует:
У нее в ветвях сегодня
Тайно горлинка ночует.

И в восторге липа шепчет
Сквозь весеннюю истому:
«Посмотри, как ходят тучи
По эфиру голубому,

Точно лебеди по морю...
Видишь, май идет лесами,
Раздвигая мокрый ельник
Лучезарными перстами.

Как свежо зеленым веткам,
Как тепло пригреты корни,
Мотылек сегодня утром
Перепархивал на дерне.

Я за ним следила долго,
Он весь белый был, как иней.
Наряжается фиалка
Для него в кокошник синий!»

Но печально дуб косматый
Слышит юной липы шелест:
Не влечет его, как прежде,
Мая девственная прелесть!

И нежнее шепчет липа:
«Посмотри, как ярки почки,
Сколько тайны молчаливой
В ароматах этой ночки...

Как стекло, прозрачно небо!
Будит эхо в боре дальнем
Сиротливая кукушка
Кукованием печальным...

От избытка чар и страсти
Я сама запеть готова!»

Но на лепет нежной липы
Дуб нахмурился сурово...

Он дрожащею вершиной
Всё глядит к востоку жадно
И, вдыхая душный воздух,
Что-то шепчет безотрадно.

Там, вдали, как темным флером,
Омрачилось небо тучей,
И порой в нем пробегала
Искра молнии летучей.

Зашатался лес косматый —
Испугался тучи черной, —
И поплыл в его вершинах
Ропот гневный и проворный...

В небе звучно и протяжно
Рокотанье пронеслося,
И вдали дрожащей сеткой
Дождь упал, волнуясь косо.

Ближе, ближе влажный рокот!
Шумно рвется в лес прохлада,
И раскапались по листьям,
Барабаня, капли града...

В туче молния сверкнула,
Небо гром потряс сердито,
Точно рухнули там скалы
Из тяжелого гранита.

Пошатнулся дуб маститый,
Наклонился головою
И упал, грозой спаленный,
Перед липой молодою.

Туча медленно промчалась,
И, смотря на жатву бури,
Мирно радуга сияла
На безоблачной лазури.

И, смотря на остов дуба,
Липа сумрачно вздыхала:
Поняла она, что старца
Так тревожно волновало!..

4 ноября 1887

ВОЛКИ

Рождественский рассказ

Посвящается
А. В. Жиркевичу

В праздник вечером, с женою,
Возвращался поп Степан,
И везли они с собою
Подаянье христиан.
Нынче милостиво небо,
Велика Степана треба:
Из-под полости саней
Видны головы гусей,
Зайцев трубчатые уши,
Перья пестрых петухов
И меж них свиные туши —
Дар богатых мужиков.

Тих и легок бег савраски.
Дремлют сонные поля,
Лес белеет, точно в сказке,
Из сквозного хрусталя.
Полумесяц, в мгле морозной,
Тихо бродит степью звездной
И сквозь мглу мороза льет
Мертвый свет на мертвый лед.
Поп Степан, любуясь высью,
Едет, страх в душе тая;
Завернувшись в шубу лисью,
Тараторит попадья.

«Ну, уж кум Иван скупенек, —
Дал нам зайца одного,
А ведь, молвят, куры денег
Не клевали у него!
Да и тетушка Маруся
Подарила только гуся,
А могла бы, ей-же-ей,
Раздобриться пощедрей!
Скуп и старый Агафоныч,
Не введет себя в изъян...»
— «Что ты бре́хаешь за полночь!» —
Гневно ба́сит поп Степан.

Едут дальше. Злее стужа;
В белом инее шлея
На савраске... Возле мужа
Тихо дремлет попадья.
Вдруг савраска захрапела
И попятилась несмело,
И, ушами шевеля,
В страхе смотрит на поля.
Сам отец Степан в испуге
Озирается кругом...
«Волки!» — шепчет он супруге,
Осеняяся крестом.

В самом деле, на опушке
Низкорослого леска
Пять волков сидят, друг дружке
Грея тощие бока.
Гневно ляскают зубами
И пушистыми хвостами,
В ожидании гостей,
Разметают снег полей.
Их глаза горят, как свечи,
В очарованной глуши.
До села еще далече,
На дороге — ни души!

И, внезапной встречи труся,
Умоляет попадья:

«Степа, Степа, брось им гуся,
А уж зайца брошу я!»
— «Ах ты господи Исусе,
Не спасут от смерти гуси,
Если праведный господь
Позабудет нашу плоть!» —
Говорит Степан, вздыхая.
Всё ж берет он двух гусей,
И летят они, мелькая,
На холодный снег полей.

Угостившись данью жалкой,
Волки дружною рысцой
Вновь бегут дорогой яркой
За поповскою четой.
Пять теней на снеге белом,
Войском, хищным и несмелым,
Подвигаясь мирно вряд,
Души путников мрачат.
Кнут поповский по савраске
Ходит, в воздухе свистит,
Но она и без острастки
Торопливо к дому мчит.

Поп Степан вопит в тревоге:
«Это бог нас за грехи!»
И летят волкам под ноги
Зайцы, куры, петухи. . .
Волки жадно дань сбирают,
Жадно кости разгрызают,
Три отстали и жуют.
Только два не отстают,
Забегают так и эдак. . .
И, спасаясь от зверей,
Поп бросает напоследок
Туши мерзлые свиней.

Легче путники вздыхают,
И ровней савраски бег.
Огоньки вдали мигают,
Теплый близится ночлег.
Далеко отстали волки. . .

Кабака мелькают елки,
И гармоника порой
Плачет в улице глухой.
Быстро мчит савраска к дому
И дрожит от сладких грез:
Там найдет она солому
И живительный овес.

А в санях ведутся толки
Между грустною четой:
«Эх, уж волки, эти волки!»
Муж качает головой.
А супруга чуть не плачет:
«Что ж такое это значит?
Ведь была у нас гора
В санках всякого добра!
Привезли ж — одни рогожи,
Что же делать нам теперь?»
— «Что ж, за нас, на праздник божий,
Разговелся нынче зверь! ..»

15 декабря 1887

ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

С природою искусство сочетав,
Прекрасны вы, задумчивые парки:
Мне мил ковер густых, хранимых трав
И зыбкие аллей прохладных арки,
Где слаще мир мечтательных забав,
Где тень мягка и где лучи не ярки,
Где веет всё давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.

Сад, как вино, — чем старше, тем милей,
Тем больше в нем игры и аромата.
Особенно он дорог для очей,
Когда искусство несколько помято
Завистливым соперником людей —
Природою, которая богата
Неряшеством и чудной красотой,
И гордостью, доступной ей одной!

Таких садов близ царственной Невы
Довольно есть. Сады увеселений —
Кумирни мелкой прессы и молвы —
Затмили их... Так фокусника гений
Свет разума и мудрость головы
Тмит мудростью лукавою движений.
Но славу тех резвящихся садов
Переживут сады больших дворцов.

Меланхоличен Царскосельский сад,
И тем милей мечтателям угрюмым.

Он вас чарует прелестью баллад,
Приветствует спокойно-важным шумом,
В нем вечером люблю встречать закат,
Предавшися своим певучим думам.
Войдемте же в него мы. Много в нем
И выходов и входов есть кругом.

Ведущие в ласкающую даль,
Как хороши тенистые аллеи!
Там, что ни шаг, то будят в вас печаль
Угасших лет невинные затеи.
То пруд блеснет, прозрачный как хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи
На вас глядит, кокетливо грустя, —
Столетнее бездушное дитя!

А там, в тени благоуханных лип,
Стена и вал искусственной руины,
Где бледный мох и толстогубый гриб
Уже взросли для полноты картины.
Мы нечто там еще встречать могли б,
Когда бы страж таинственной долины,
Ютящийся в развалине с семьей,
Не наблюдал за скромной чистотой.

А дальше ряд душистых цветников,
Подстриженных акаций изгородки,
И мостики над зеркалом прудов,
А на прудах — и лебеди, и лодки,
И в сумраке задумчивых кустов
Печальный лик склонившейся красотки.
Она грустит над звонкою струей,
Разбив кувшин, кувшин заветный свой.

Она грустит безмолвно много лет.
Из черепка звенит родник смиренный,
И скорбь ее воспел давно поэт,
И скрылся он, наш гений вдохновенный,
Другим певцам оставив бренный свет.
А из кувшина струйка влаги пенной
По-прежнему бежит не торопясь,
Храня с былым таинственную связь.

О, время, время! Вечность родила
Тебя из мглы бесчувственного лона.
Ты вдаль летишь, как легкая стрела,
И всё разишь: чужда тебе препона!
Давно ли здесь кипела и цвела
Иная жизнь? У женственного трона
Писатели, министры и князья
Теснилися, как важная семья.

То был рассвет и вкуса, и ума.
От Запада текло к нам просвещенье.
Императрица, мудрая сама,
Устав от дел, искала вдохновенья:
И роскошь мод, как сладкая чума,
Объяла всех восторгом увлеченья,
И жизнь текла, как шумный карнавал,
И при дворе блистал за балом бал.

И снится мне, что ожил старый сад,
Помолодели статуи в нем даже.
У входов стройно вытянулись в ряд
Затейливых фасонов экипажи;
В аллеях томных вкрадчиво шумят...
Мелькают фижмы, локоны, плюмажи,
И каламбур французский заключен
В медлительный и вежливый поклон.

Огни сверкают факелов ночных,
Дрожащий свет скользит в кустарник тощий,
Меж гордых жен в нарядах дорогих,
Украсивших искусственные рощи,
Подобно рою бабочек цветных, —
Одна скромней, приветней всех и проще,
И белое, высокое чело
Ее, как день безоблачный, светло.

Года прошли... Погибли все давно
Под легкою секирою Сатурна.
Всем поровну забвение дано,
Но не у всех промчалася жизнь бурно.
Не каждым всё земное свершено,
Не каждого оплакивалась урна.

И люди вновь родились, чтоб опять
Злословить, петь, влюбляться и страдать.

Да, жизнь — вечна́, хоть бродит смерть кругом!
Не знает мир, состарившись, утраты...
На рубище природы роковом
Мы — новые, непрочные заплаты.
В нас даже пятна, старые притом:
Из лоскутков отброшенных мы взяты.
Ах, экономна мудрость бытия:
Всё новое в ней шьется из старья!

И снится сон другой душе моей:
Мне чудится — во мгле аллей старинных,
На радостном рассвете юных дней
Один, весной, при кликах лебединых,
Мечтатель бродит... Блеск его очей
Из-под бровей, густых и соболиных,
Загар лица, курчавый пух ланит..,
Всё в нем душе так много говорит!

Рассеянно к скамье подходит он,
С улыбкою он книгу раскрывает,
Задумчивостью краткой омрачен,
Недолго он внимательно читает...
Из рук упал раскрытый Цицерон...
Поэт поник, и что-то напевает.
И вот, смеясь, набросил на листе
Послушный станс невинной красоте.

Святая тень великого певца!
Простишь ли мне обманчивые грезы?
Уж ты погиб, до горького конца
Сокрыв в груди отчаянье и слезы.
Но — вечен луч нетленного венца
Во тьме глухой житейских дум и прозы,
И славные могилы на земле,
Как звезды в небе, светят нам во мгле.

Счастливые! Их сон невозмутим!
Они ушли от суетного мира,

И слава их, как мимолетный дым,
Еще пьянит гостей земного пира.
И зависть зло вослед смеется им,
И льстивый гимн бренчит небрежно лира.
Но клевета и лесть, как жизнь сама,
Не тронут им ни сердца, ни ума!

А сколько лиц без славы в глубь могил
Ушло с тех пор, как этот парк унылый
Гостеприимно сень свою раскрыл!
Здесь мальчиком когда-то брат мой милый
Гулял со мной... Расцвел — и опочил!
Он, нежный друг, согретый юной силой,
Желавший жить для дружбы и добра,
Он смертью взят от кисти и пера...

Прости, прощай, товарищ детских лет!
Под бурями мучительного рока
Слабею я, в глазах темнеет свет:
Я чувствую, что срок мой недалёко!
Когда в душе предсмертный вспыхнет бред,
Увидит ли тебя больное око?
Придешь ли ты, чтоб в мир теней вести
Усталого на жизненном пути?!

1889
Царское Село

РЕВНИВЫЙ МУЖ

Народная былина

Не заря с зарей сходилася,
Синим морем заглядясь;
На красавице боярышне
Молодой женился князь.

Да недолго с нею на́жился,
В очи ясные глядел;
Променял он ложе брачное
На колчаны вражьих стрел.

Подступила к стогнам киевским
Печенежская орда,
И поехал князь на ворога
Тратить силы и года.

Бьется долго ли, коротко ли,
Возвращается домой.
Растерял дружину верную,
В мыле конь его лихой.

Повстречалися две странницы,
Молвят: «Здравствуй, славный князь!
Ты к княгине-бесприданнице
Поезжай не торопясь.

Там не много встретишь радости,
Мы из терема сейчас.

В честь твоей ли, княже, младости
Меды пили там не раз?

Ты оставил много золота,
Много всякого добра...
Да в недобрый час случилося
Ехать князю со двора!

Из подвалов клады ценные,
Из конюшен кони все
Утекли куда — неведомо,
Словно грезы по росе.

Свет-княгиня платья красные
Износила без тебя,
Жарче солнца разгоралася,
Друга нового любя!»

Князь нахмурил брови черные,
Шлем надвинул на глаза.
То не волны расшумелися —
В сердце вспыхнула гроза.

Он быстрее ветра буйного
В терем княжеский идет
И затворы самодельные
Размыкает у ворот.

Спят покои сном таинственным,
Только грустная луна
Смотрит в окна, как преступница
Уличенная, бледна.

Входит князь во дверь дубовую,
По царьградскому ковру —
В спальню, к пологу желанному,
К заповедному одру.

Крепко спит княгиня юная,
В грезах дышит горячо.
Точно змеи, косы черные
Упадают на плечо.

Славный князь глядит, нахмурился,
В сердце холод и тоска,
И взялась за меч воинственный
Задрожавшая рука.

Он глядит и думу думает,
Злобу темную тая:
«Ты ждала ль меня, изменница,
Подколодная змея?

Наложу печать я мертвую
На горячие уста,
Побледнеешь ты, румяная,
Как венчальная фата».

И на шею лебединую
Тяжко рухнул княжий меч.
И не белая жемчужина —
Голова упала с плеч!

А красавица княгинюшка
Честь, как схимница, блюла,
Всё ждала супруга милого,
Всё до нитки сберегла.

В кладовых лежит нетронутым
Всё хозяйское добро:
В бочках пиво, меды крепкие,
Жемчуга и серебро.

Красны платья не изношены,
Утварь звонкая цела,
И шелками скатерть вышита
Для дубового стола.

Спят покои сном таинственным,
Только тихая луна
Светит в окна, как покойница
Неподвижная, бледна.

Грустно князю одинокому,
Ретивое жжет укор.

Он коня седлает быстрого,
Выезжает на простор.

Выезжает в поле чистое,
Пышет жизнью вольный конь.
А у князя взор туманится,
Душу высушил огонь.

То не призраки холодные,
Не туманы от земли —
Две наветчицы, две странницы
Показалися вдали.

«Стойте, лютые разлучницы!
Здесь уснете вы навек!» —
Молвил князь и вещим странницам
Гневно головы отсек!

Март 1892

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

1

Когда они сошлись, ей было двадцать три.
Ему — семнадцать лет... Расшпилив темный локон
И тканями гардин завесив стекла окон,
Она делила с ним восторги до зари.

Ей нравилося в нем неловкое смущенье,
Невинность важная, и первые томленья,
И слезы ревности в потупленных очах,
Когда она друзей, смеясь, именовала
И медленной рукой альбом перебирала,
Где лица строгие во фраках, в орденах
Таились: всё дельцы, артисты и вельможи,
Иные лысые, в задумчивых очках,
Непогрешимостью на схимников похожи.

А он в ней всё любил, всё нравилось в ней, нежной,
Порой мечтательной, капризной иль небрежной:
Ее язвительный и скромный разговор,
Душистый будуар, ковры и занавески,
И ваз затейливых расписанный фарфор
Восточной прихотью в цветные арабески.
И нравилось ему, что, скрытая от всех,
Их страсть была полней в таинственном романе,

Что негою звучал ее картавый смех,
Что имя у нее ласкательное — Фанни.
Как часто проводил, бывало, с ней вдвоем
Он, юный, влюбчивый, зимою вечер длинный.
И было всё полно в мерцающей гостиной
Ее присутствием, как тихим божеством.

Порой ее черты мгновенная тоска
Темнила: прошлое ль вставало из тумана?
Она, смотря в камин, молчала и слегка,
Как спугнутым крылом, смущенная рука
Играла веером с решеткою экрана.
И вдруг, согнав с чела, как облако, печаль,
Садилась весело за томную рояль.
Он подымал пюпитр, спешил раскрыть ей ноты,
Накинуть на плечи оброненную шаль.
И вот мелодия, исполнена дремоты,
Сперва едва слышна, как тайная печаль.
Потом она журчит, рыдает и трепещет,
Как в наслаждении изнывшая любовь,
И снова чуть звенит и, разгораясь, плещет
И тихой жалобой вдали смолкает вновь.

2

А утром снова был он в корпусе, счастливый,
С улыбкой тихою на розовых устах,
С горячей бледностью в взволнованных щеках,
В движеньях медленный, как лень — неторопливый;
И как он был хорош, влюбленное дитя,
Когда, склонив чело, угрюмо сдвинув брови,
Забывши свой урок, смолкал на полуслове,
Ресницы темные, как дева, опустя.
Наставник хохотал, тряслися аксельбанты:
«Должно быть, с барышней вчера играли
в фанты», —
Он говорил, смеясь, и, потрепав шутя
За робкое плечо, он прибавлял: «Довольно!»
Но, добродушием смущенный старика,
Виновный юноша краснел до слез невольно,
И горечь слез глотал, стыдясь духов платка.

3

Расцвел зеленый май. Он ехал вместе с ней
В плетеном тильбюри. Душистый сумрак парка
Пронизан был вокруг, томительно и ярко,
Прозрачным золотом полуденных лучей.
Впервые жизнь весны ему казалась полной.
Любовью светлою, надеждами богат,
Он мир благословлял, и зелени был рад.
Но ей в лицо глядел, счастливый и безмолвный;
Как удочка, поник склоненный хлыст
В ее руке, обтянутой перчаткой, —
Порой с ветвей, как бы склонясь украдкой,
Ее щеки касался свежий лист.
Вдруг на одном из поворотов сада
Раздался топот, мчалась кавалькада,
Вздымая пыль, и стройный бег коней
Перебивал звучащий говор звонко
И резвый смех: то мчались в глубь аллей
Три всадника, и с ними амазонка.
Один из них, учтиво приподняв
Лоснящийся цилиндр, смеялся Фанни взглядом
И, удержав коня, поехал с нею рядом.

«Ах, боже мой, вы здесь, опять в России,
граф», —
Смущенно просияв, она ему сказала.
А граф на юношу прищурился сначала,
Потом, в своей руке держа ее ладонь,
Он медленно прижег на ней два поцелуя.
Меж тем, под седоком волнуясь и танцуя,
Расчесанным хвостом махал горячий конь.

«Я здесь всего три дня, и вновь уеду скоро».
И полился родник живого разговора,
Парижского «козри» изысканный язык.
И Фанни, оживясь, как птица щебетала,
Ее влюбленный паж алел, как мак, сначала,
Потом он побледнел, нахмурился, поник,
И трепет и борьба в душе его тревожной, —
Сменилася любовь тоской ревнивых дум.

Какой он стал смешной, какой он стал ничтожный!
Уж он не друг ее, он только жалкий грум.
Граф обещал бывать у Фанни на обедах
И вечер проводить по-прежнему в беседах,
Припомнить старину, забытую в пять лет.
А юный паж ее молчал, чело нахмуря.
От ревности бледней, чем лилий вешний цвет,
Темнее, чем волна, когда кипит в ней буря,
Он молча хоронил в душе своей упрек,
Он ревности своей робел, как первой ласки,
А Фанни делала приветливые глазки
И юношу влекла в свой летний уголок,
Где за плетнем живым подстриженных акаций
Палаццо высится, сверкает чистый пруд,
Где розы ранние пестреют и цветут
Перед подножием окаменелых граций.

4

И вот они втроем. Весенний мрак — прозрачен.
В румяных небесах сошлась заря с зарей.
Граф ласков и шутлив, но паж влюбленный
мрачен,
А Фанни — весела... Небрежною рукой
Ей граф открыл рояль. Склоняясь к Фанни нежно,
Он просит, чтоб она сыграла что-нибудь
Из прежнего, когда так дружно, безмятежно
Они вступали в жизнь, как на победный путь.
И Фанни, бледная, очей не поднимая,
Садится за рояль в прозрачном блеске мая.
В окне открытом упоенный сад
Задумчиво дремал в ночном покое;
К ним в комнату струили аромат
Росистые сирени и левкои.

И вот, из мрака выпорхнув стремглав,
Покинув ложе благовонных трав,
В окно влетел веселый мотылек,
И биться стал о белый потолок,
И, очертив волнообразный круг,
На пламень свечки налетел он вдруг.

Он налетел, — раздался звук глухой —
Так чикают ружейные осечки, —
И мертвым пал, обманутый мечтой,
На стеарин обтаявшейся свечки.

А музыки торжественный прилив
Всё выше рос... кипел и волновался...
Над смертью звук ликующий смеялся
И жизнь будил, надежды схоронив.
В своем углу, угрюм и одинок,
Как бурею расшатанный челнок,
Весь ревностью мучительной окован,
Весь звуками разбит и очарован,
Влюбленный паж томился и молчал.
И блеск свечей, всё дальше уплывая,
Его очам денницу зажигал
Прекрасного, но гибельного рая...

И вот аккорд... Еще один аккорд,
И смолкло всё! Как изваянье бледный,
Он всё молчал, угрюм мечтой победной
И ревностью мучительною горд...
Всё кончено! Яснеет небосклон.
Шатаяся, от Фанни вышел он, —
И ночь не спал: всё плакал, всё томился,
И утром, на заре, он с жизнию простился,
И с громом выстрела исчезла жизнь, как сон.

Рассеялся дымок, и вместе с синим дымом
Исчезла страсть пажа в дыму неуловимом,
Как греза бледная, как звук из-под курка, —
Развеялась любовь, развеялась тоска!
Он умер! Почему? У всех один ответ,
Мучительный, как ложь: причина — неизвестна!
Ужели юности в просторном мире тесно?
Ужели тесным дням простора в жизни нет?

5

И вот пришла весна... За той весной сияет
Весна, еще весна. Промчалося пять лет.

Надгробный крест подгнил, и насыпь оползает,
Где юноша зарыт, едва увидев свет.

О нем забыли все; любовь родитель нежный,
Вздыхая, перенес на младших сыновей.
Товарищ молодой кончиною мятежной
Недолго волновал изменчивых друзей,
Как утренний туман он в памяти их таял...
Косясь на ветхий крест, могильщик говорил
Другому: «Мне отец Порфирий ноне баял —
Могилку эфту срыть, вишь дождик всю размыл!»

Весна живила всё чарующим приходом,
Но каждая весна, под ясным небосводом
Даря свои мечты, даря свою любовь,
С уходом всё брала, всё скупо уносила.
И каждая весна, как новая могила,
Надежды хороня, цветы рождала вновь...

Апрель 1892

ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

Баллада

Жил маленький принц в позлащенном чертоге,
Его осеняла с младенческих дней
Счастливая доля; не знал он тревоги,
Ни строгих упреков, ни робких детей.

Без сверстников рос он, не видел он сверстниц,
Его замыкал очарованный круг;
Он видел лишь стражу на мраморе лестниц
И видел поклоны блистающих слуг.

Прелестные рощи дворец окружали.
В душистой прохладе тенистых аллей
Из каменных гротов каскады журчали,
И шум их падучий был вихря звучней.

Над зеркалом вод, окаймленных цветами,
Мосты выгибали узоры перил.
Из вазы бассейна, сребрясь под лучами,
Фонтан поднимался и брызги дробил.

Всё было забавой для юного принца:
Лужайки, и гладь серебристых озер,
И кроткие звери, под сенью зверинца,
Ему услаждали и тешили взор.

Где высились пихты на мягких пригорках,
Бродила кудрявых барашков семья,
Ручные лисицы в искусственных норках
Пугливо дремали, лукавство тая.

Под алой попоной ушатый осленок
С веселой газелью неловко играл.
Задумчивый аист, и важен и тонок,
У плётня резного как сторож дремал.

Отбившись от рук замечтавшейся няни,
Царевич бежал к бессловесным друзьям.
К нему подбегали покорные лани,
И корм подносил он к их влажным губам.

Бежал он к озерам, где стройно темнели
Кусты молодые, теснясь в полукруг,
Где, быстры, как змейки, стекались форели
И крошки ловили из царственных рук.

Как весело было малютке терéбить
Росою обрызганный куст у пруда,
Где вдруг был разбужен испуганный лебедь,
И шумно от крыльев вскипала вода.

Но только всё чаще, всё больше с годами
Счастливого принца темнили мечты.
Он думал: зачем за моими садами
Возвысились стены, как вражьи щиты?

Те стены его ограждали от мира,
От гневной борьбы, от несчастных людей,
А принц жил для счастья: венец и порфира
Должны быть невинней небесных лучей.

Со взором ребенка, с душою поэта,
Смиренный наставник ему говорил,
Что там, за стеною, сокрыта от света
Толпа светозарных, таинственных сил,

Они ему ткут кружева на подушки,
И шелк для одежды, и ткань на ковры.
И феи оттуда приносят игрушки
Ему с недоступной, высокой горы.

«А можно их видеть?» — принц спрашивал робко.
«Нельзя, недоступно!» — он слышал в ответ.
И детским разбегом пробитая тропка
Всё шире к стене пролагала свой след.

Чуть ветер вершины дерев зарумянит,
Ребенок бежит к неприступной стене,
На цоколь статуи задумчиво встанет
И долго мечтает в немой тишине.

Какие счастливцы живут за стеною?
О, если хоть раз заглянуть бы туда!
И много видений лучистой толпою
В уме проплывают, бегут без следа.

И долго сидит у стены он, вздыхая.
Он мнит, что под вечер взойдет за стеной
Луна в небесах, но луна не такая,
Какую он видит всегда над собой.

А там, за стеной, суетою и торгом
Жизнь дико шумела, как в море гроза.
Он ждал, он кипел непонятным восторгом,
Уста улыбались, пылали глаза.

На пряжках чулок развязалися банты.
Темнело. Туман поднимался с земли.
Вечернюю зорю играли куранты;
И звуки, как слезы, в затишье текли.

День снова ушел. Он, как прежде, не знает,
Что скрыл так ревниво стеною чертог?
Когда ж он загадку свою разгадает,
Когда же отпустят за темный порог?

И слышит в ответ он: увидит, поспеет!
Увидит, что скрыто за крепкой стеной
Тогда лишь, как пух над губой зачернеет
И ростом он будет с дубок молодой.

И вот над губою усы затемнели,
Он строен, он вырос с дубок молодой,
Заздравные кубки в чертоге звенели,
Приветствуя принца с расцветшей душой.

Но, чокаясь дружно ответным бокалом,
Улыбкой даря обольщенных гостей,
Принц нежною думой следит не за балом,
И ждет не дождется рассветных лучей!

Он жаждет увидеть желанное чудо,
Что скрыто стеною, как мраком завес.
Какие он перлы добудет оттуда,
Чем гордость насытит из мира чудес?

Он ждет и трепещет огнем лихорадки,
Он кудри пышней разметал по плечу,
Оправил плаща драгоценные складки,
И весь он сияет, подобно лучу.

По лестницам звучным принц шествует бодро,
Он рад, что дождался свободного дня,
И треплет коня горделивые бедра...
Вот шпорами брякнул, — и сел на коня.

Раскрылися стены. Принц едет — и что же
Он видит, свергая тяжелый запрет?
Как мало всё это на грезы похоже,
На сны золотые младенческих лет!

Сырая дорога чернеет неровно:
У стен заповедных теснятся кругом
Какие-то камни, и щебень, и бревна,
Кирпич и рогожи, и кучи с песком.

В тяжелых одеждах поспешные люди
Снуют с озабоченным мраком лица...
Так вот о каком он загадывал чуде!
Так вот что скрывалось за парком дворца!

Он едет в селенье. Как мрачно! Заране,
Приветствуя славного принца приход,
Спешит в драпировки, гирлянды и ткани
Скрыть ветхую бедность тщеславный народ.

Но что ж не скрывает он копоть одежды,
Убогие дровни и жалких коней?
Царевич бледнеет, и меркнут надежды
Пред горькою правдой прозревших очей.

Так вот эти гномы, кем созданы парки,
Кем создан его величавый чертог.
Так вот эти феи, что слали подарки
К нему, чтоб он счастьем насытиться мог!

Задумчиво едет царевич обратно.
И грустно он входит под своды дворца.
Теперь ему стало несчастье понятно,
И нет ему счастья под кровом отца.

Он бархат свой роздал, он меч свой забросил,
Былые забавы постыли ему.
На лодке любимой не слышен плеск весел,
Не будит звук арфы вечернюю тьму.

Он чаще, всё чаще чертог покидает,
Он учится жизни в иной стороне.
И радость былая дымится и тает,
Как воск ароматный на ярком огне.

Беднее одежда на ласковом принце,
Грустнее мерцанье стыдливых очей,
И перстень не блещет на белом мизинце:
Он голоду брошен в пучину страстей.

Принц темные кудри остриг; как невольник,
До ночи глубокой скрывается он,
Где жизнь и жужжит и хлопочет, как пчельник,
Как будто бы ищет умчавшийся сон.

И скоро покинут был принцем печальным
Дворец заповедный. Напрасно гонцы
Искали по странам, и ближним и дальним,
Надменно стучася в чужие дворцы.

Принц — сгинул! Исчез, как залетная птица,
В рассветном тумане... Как вздох отошел!
И если погиб он, то где же гробница?
И если живет он, то где же престол?

1897

ПОЭЗИЯ — БОГ

Посвящается памяти
А. С. Слуцкого

Когда его судьба не мучила сурово
И в небеса мечты волшебные влекли,
Как часто повторял он с детства это слово:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли».

Тогда он жизнь любил и веровал так страстно
В поэзию, в добро, в свободу и любовь,
Что даже родичи подшучивали властно
И на его восторг — нахмуривали бровь.

Он с ранних лет стал петь, всё больше о небесном:
О вечности, любви, о грезах и цветах;
Он в мире не хотел исчезнуть неизвестным,
Кончина ранняя вселяла тайный страх.

Наивный юноша, он думал, что со славой
Богатство и почет к нему вернутся в дверь,
И вот чрез тридцать лет, с мучительной отравой,
С отчаяньем в груди, терзается теперь.

Меж тем как где-нибудь в заброшенном селеньи
Счастливый юноша досужим вечерком
Восторженно твердит в его стихотвореньи
Созвучья легкие, склоняясь над столом;

Меж тем как стих его, затверженный украдкой,
Девица юная строчит в альбом подруг
И говорит о нем в мечтах с улыбкой сладкой:
«Как счастлив, кто создал такой волшебный звук!

Должно быть, он красив и смелым взором ясен.
О если бы его увидеть, хоть вдали! ..
И это потому, что мир мечты прекрасен:
Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

А он, создатель строф, волнующих так нежно,
Певец восторженной любви и красоты, —
Нахмурен, голоден, одет всегда небрежно,
Не может выбиться из бед и нищеты.

Подруга, что, пленясь прекрасными строфами,
С ним разделяла жизнь, насмешливо ушла
И музу прокляла, игравшую сердцами, —
Затем что бедностью истерзана была.

Ей надоело жить в священных недостатках,
Блестящей прозою ее с ума свели;
И шепчет вновь она в алмазах и перчатках:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

Поэта же язвят то клеветой, то сплетней.
Укоры рвутся с уст и сердце боль щемит.
О, лучше б жизнь прожить глупей и незаметней,
Чем вечно ощущать позорный жар ланит! ..

Вот и теперь идет он городом огромным;
Вновь скоро Рождество и скоро Новый год.
Морозит... Снег хрустит... И силуэтом темным
Поспешно тень его озябшая идет.

Повсюду суета... Движение на рынках...
Пред конками толпы, разносчики кричат
И машут новыми журналами в картинках.
Весь в белом инее Александринский сад.

Здесь бюстов много есть писателей-собратьев...
Счастливые! Им нет забот земного дня!
И крепко держит их мороз в своих объятьях,
Но крепче их металл — без крови и огня!

И, голову склонив, как бы пугаясь дали,
Певец «Светланы» здесь... Остановись, внемли!
Ты видишь письмена на сером пьедестале:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

А дальше в золотом шеломе Исаакий,
Адмиралтейства шпиц вознесся, как стрела.
Мороз крепчает всё... Торопится не всякий.
И медленно толпа на Невский поплыла.

В редакции тепло. Свет льется из камина.
Конторщики гремят «ренгтонкою»... Часы
Уныло тикают. К нему идет мужчина,
Изящен, надушен, закручены усы.

«У нас довольно есть из вашего... К тому же,
Редактор обещал не помещать стихов...
Авансы не даем: дела у нас всё хуже!» —
Раскланялся, сказал: «pardon» — и был таков!

И вот поэт опять на улице холодной.
Движенье, суета... Зажглись огни вдали...
И едут, и идут... И мыслит он, голодный:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

Толкнулся в новую редакцию. В ней — то же.
И подозрительно курносый господин
Смотрел через очки, как будто думал: боже,
Уже не сыщик ли от кружковых дружин?

Зашел к приятелю... Тот хмурится — без денег,
Бранит издателей, пальто стащил в ломбард.
Опять схватил бронхит, бродя весь день без кенег,
И не на что побрить проросших бакенбард.

И вот поэт идет к приятелю другому...
Тот — как сапожник пьян и потчует вином.
Напился и поэт. Идет, шатаясь, к дому.
И на ночлег попал он в полицейский дом.

Он бредит, он не спит, он брошен в яму волчью,
Косматые тела вокруг него легли,
И шепчет кто-то злой, с иронией и желчью:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

Сочельник... В окнах свет. Повсюду на витринах
Сверкает мишура для елочных прикрас.
Как шумно в улицах! Как людно в магазинах!
Трамваи движутся... Уже десятый час!

Нет денег ни гроша у бедного поэта,
Все строго ко́сятся, смущаяся его.
И в озлоблении он думал: песня спета!..
Не нужен никому! Не надо ничего!..

И, грустный, он пришел в холодную каморку.
Насмешливо глядят портреты со стены,
Как будто говорят: глодай сухую корку!
Забудь, забудь свои осмеянные сны!

И, в бешенстве рукой бессильно потрясая,
Бросает он в огонь тетради прошлых дней
И говорит, смеясь: «Да, муза дорогая,
Поэзия есть зверь, пугающий людей!»

А ночь уже плыла над городом блестящим,
Спокойно ночь плыла над льдистою рекой,
Плыла над рощами, светила мерзлым чащам,
Светила кладбищу усопшею луной.

И там, на небесах, в созвездиях Медведиц,
В лучистом бисере, в сверкающей пыли
Серебряных миров, услышал песнопевец:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

1900

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие Фофанова исключительно велико: свыше трех тысяч стихотворений, десятки поэм. Стихи печатались во множестве повременных изданий, сборников и альманахов, — значительная часть их вошла в книги: «Стихотворения» 1887 и 1889 гг., «Тени и тайны» (1892); большинство стихотворений из книги 1889 г. было впоследствии перепечатано в собрании стихотворений в пяти частях (1896), где стихи подразделялись по жанровому и отчасти тематическому признакам: 1. «Маленькие поэмы»; 2. «Этюды в рифмах»; 3. «Снегурка»; 4. «Майский шум»; 5. «Монологи». В 1900 г. вышла книга «Иллюзии», в которую вошла повесть в стихах «Поэтесса». Отдельным изданием выходили рассказы в стихах «Барон Клакс» (1892) и «Необыкновенный роман» (1910). В 1900 г. в Лейпциге появилась книга стихотворений Фофанова «Gedichte» в переводе на немецкий язык.

В последние годы жизни Фофанов подготовил еще два сборника: «Эфиры» (стихотворения 1901—1906 гг.) и «Крылья и слезы» (стихотворения 1907—1911 гг.), но эти книги так и не вышли в свет.

Посмертно «Стихотворения» К. Фофанова были изданы «Библиотекой поэта» (Малая серия) в 1939 г.

Сохранился обширный архив К. М. Фофанова (ЦГАЛИ, фонд 525), где были обнаружены многие стихотворения, при жизни поэта не опубликованные; некоторые из них включены в настоящее издание.

В настоящем издании отобраны стихи, сохраняющие наибольшую художественную ценность. Стихотворения и выделенные в особый раздел поэмы печатаются в хронологической последовательности. Тексты публикуются в последней авторской редакции, с проверкой по сохранившимся в архиве автографам; стихи, при жизни не опубликованные, — по автографам. Датируются стихи в основном по автографам; в тех случаях, когда точные даты установить не удалось, — по времени первой публикации (эти даты даны в угловых скобках). В отдельных случаях не удалось установить место первой публикации, но известно, что стихи печатались до включения в сборники; в таких случаях в примечаниях указан только источник текста. Ссылка на первую публикацию без дальнейшего указания на источник текста означает, что стихотворение не перепечатывалось или при перепечатке не подвергалось изменениям.

К стр. 49—51

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Составитель сборника и автор статьи выражают глубокую благодарность за помощь в работе дочери поэта Е. К. Фофановой-Устиновой.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

АРС — Архив В. В. Смиренского.
ЖО — «Живописное обозрение».
Ил. — К. Фофанов. «Иллюзии», СПб., 1900.
ИРЛИ — Институт Русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде.
КН — «Книжки Недели».
сб. «Майский шум» — Собрание стихотворений в 5 частях, 1896, ч. 4.
сб. «Маленькие поэмы» — Собрание стихотворений в 5 частях, 1896, ч. 1.
сб. «Монологи» — Собрание стихотворений в 5 частях, 1896, ч. 5.
Н — «Наблюдатель».
НВ — «Новое время».
НИ — «Новая иллюстрация».
НП — «Новый путь».
П — «Пробуждение».
РБ — «Русское богатство».
сб. 1887 — К. Фофанов. «Стихотворения», СПб., 1887.
сб. 1889 — К. Фофанов. «Стихотворения», СПб., 1889.
сб. «Снегурка» — Собрание стихотворений в 5 частях, 1896, ч. 3.
сб. «Этюды в рифмах» — Собрание стихотворений в 5 частях, 1896, ч. 2.
ТТ — К. Фофанов. «Тени и тайны», СПб., 1892.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Истина. Впервые — сб. 1887, стр. 55.

Из библейских мотивов. Впервые — «Русский еврей», 1881, 8 июля. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). *Второзаконие* — одна из книг Библии. *Иордан* — река в Палестине. *Сион* — гора в Иерусалиме, на которой находился иудейский храм. *Содом* (миф.) — город, якобы разрушенный волею бога за прегрешения.

«Вселенная во мне, и я в душе вселенной...». Печ. по сб. 1887, стр. 63.

«Не бойся сумрака могилы...». Печ. по сб. 1887, стр. 59.

«Я обращаю речь к вам, выброски природы...». Впервые — сб. 1887, стр. 10. Наброски этого стихотворения относятся к 1880 г. (ЦГАЛИ).

«Потуши свечу, занавесь окно...». Печ. по сб. 1887, стр. 64. Обращено к другу поэта Адольфу Федоровичу Корнгольду, вольнолюбиво настроенному студенту, высланному в 1882 г. из Петербурга в Вятскую губернию.

«Полураздетая дуброва...». Вошло в сб. 1887. Печ. по автографу (АРС).

«В кругу бездушном тьмы и зла...». Печ. по сб. 1887, стр. 63.

«Весенней полночью бреду домой усталый...». Печ. по сб. 1887, стр. 5.

«Это было когда-то давно!..». Печ. по сб. 1887, стр. 73.

«Погребена, оплакана, забыта...». Впервые — сб. 1887, стр. 77. По воспоминаниям сына поэта К. К. Фофанова (ЦГАЛИ, ф. 1718, Материалы к биографии отца) и дочери Е. К. Фофановой-Устиновой (АРС), поэт неоднократно говорил о том, что эти стихи посвящены памяти известной русской революционерки Софии Перовской (1853—1881).

«Ива с дубом, мечтая, росли у пруда...». Впервые — сб. 1887, стр. 87.

В дилижансе. Печ. по сб. 1887, стр. 70.

«В неприглядных стенах заключен я давно...». Впервые — сб. 1887, стр. 71.

«У поэта два царства...». Печ. по сб. 1887, стр. 67.

«Безымянные стремленья...». Впервые — «Век», 1882, № 6, стр. 414. Вошло в сб. 1887.

Тост. Впервые — ЖО, 1882, кн. 1, стр. 232, без последнего четверостишия, которое написано в 1905 г. Печ. по автографу (АРС). В первоначальном виде было перепечатано критиком В. П. Бурениным в статье «Современная поэзия» («Новое время», 1882, 23 апреля) со словами: «Вот недурные стишки в старенькой книжке «Живописного обозрения». Стихи свидетельствуют о таланте, проникнутом теплым юношеским чувством». Эта весьма умеренная похвала поразила еще не избалованного вниманием поэта; К. М. Фофанов записал в своем дневнике: «Похвала критика привела меня в неописанный восторг. Я плохо спал от радости две ночи» (ЦГАЛИ).

«Мы при свечах болтали долго...». Печ. по сб. 1887, стр. 19. Стихотворение обращено к А. Ф. Корнгольду (см. примечание к стихотворению «Потуши свечу, занавесь окно...»).

Чужой праздник. Публикуется впервые. Печ. по автографу (ЦГАЛИ).

«Печальный румянец заката...». Печ. по сб. 1887, стр. 18.

«Столица бредила в чаду своей тоски...». Печ. по сб. 1887, стр. 31.

Май. Впервые — «Новь», 1886, № 13, стр. 39. Вошло в сб. 1887.

«Уснули и травы и волны...». Впервые — РБ, 1885, № 7, стр. 34. Вошло в сб. 1887.

«Не правда ль, всё дышало прозой...». Впервые — РБ, 1885, № 7, стр. 12. Вошло в сб. 1887. Обращено к жене поэта Лидии Константиновне Фофановой (1867—1918).

Таинство любви. Впервые — Н, 1888, № 3, стр. 38. В сборники не входило. В дневнике К. М. Фофанова записано: «Утром (4 сентября) написал стихотворение под названием «Бог Иудеи». Мне кажется оно смелым, и цензура не пропустит его. 8 сентября: Переменил название, назвал «Торжество любви». Это вернее выражает ту идею, которую хотел я высказать в этом стихотворении» (ЦГАЛИ). В печати стихотворение появилось под названием «Таинство любви» и вызвало бурю негодования в правительственных и церковных кругах. Журнал «Наблюдатель» был закрыт на полгода. Синод собирался отлучить Фофанова от церкви за «ужаснейшее, подлейшее (по словам оберпрокурора Синода В. К. Саблера) кощунство». Сохранилась и опубликована переписка по этому поводу (см. «Литературное наследство», № 22—24, М. 1935, стр. 533—539). К. П. Победоносцев писал: «Старцы страшно возмущены. Одни хотят отлучить от церкви торжественно Фофанова, другие хотят подавать всеподданнейший доклад от Синода, и разговоры еще не кончены. Предвижу, что придется мне доложить государю об этом деле» (11 мая 1888 г.). 14 мая появилось распоряжение министра внутренних дел, где были такие строки: «Редакция журнала решилась напечатать в мартовской книжке стихотворение Фофанова под заглавием «Таинство любви», отличающееся возмутительным кощунством». Императору Александру III министр внутренних дел 14 мая представил доклад по этому делу, в котором писал: «Все стихотворение представляется каким-то диким бредом. Автор дерзнул коснуться в нем величайшего таинства православной веры, архангельского благовестия о воплощении сына божия от девы Марии и святого духа, и исказил его в языческом смысле. Самое заглавие стихотворения «Таинство любви» придает ему ненавистный для христианина смысл». *Иудея* — царство иудейское, государство в Южной Палестине. *Сион* — гора в Иерусалиме, где, по библейской легенде, находились святилище и крепость иудейских царей. *Гомор-*

ра и Содом — мифические города, якобы разрушенные волею бога. *Кесарь* — император. *Скиния* (греч.) — куща, сень, шатер, походная церковь израильтян.

«С тоской в груди и гневом смутным...». Впервые — РБ, 1885, № 11, стр. 7. Вошло в сб. 1887.

«Звезды ясные, звезды прекрасные...». Впервые — РБ, 1886, № 1, стр. 74. Вошло в сб. 1887. Одно из самых популярных стихотворений Фофанова; включалось во множество сборников, антологий, чтецов-декламаторов. Неоднократно положено на музыку (И. Дунаевским, Д. Калинниковым, Н. Соколовым, Н. Черепниным). Стихотворение высоко ценил Валерий Брюсов: «Читатели никогда не позабудут его бессмертного признания, как звезды ясные, звезды прекрасные — нашептали цветам сказки чудные...» (Избр. соч., т. 2, М., 1955, стр. 227). С этого стихотворения, по воспоминаниям М. О. Меньшикова (НВ, 1911, 19 мая), началась известность К. Фофанова: «Заговорили о новом поэте. Несколько дней встречали друг друга вопросом: читали «Звезды ясные, звезды прекрасные»? Какая прелесть! И каждый декламировал...».

Музе. Печ. по сб. 1887, стр. 26.

Нежные письма. Впервые — «Звезда», 1886, № 17, стр. 398. Вошло в сб. 1887. Обращено к жене поэта Л. К. Фофановой.

Два мира. Впервые — Н, 1887, № 11, стр. 39. Вошло в сб. 1889 и в сб. «Снегурка».

Небо и море. Впервые — РБ, 1887, № 1, стр. 18. Вошло в сб. 1889 и сб. «Снегурка».

Элегия. Впервые — Н, 1887, № 6, стр. 44. Вошло в сб. 1887.

Прежде и теперь. Впервые — Н, 1887, № 4, стр. 69. Вошло в сб. 1889.

«Исполнен горького упрека...». Впервые — РБ, 1887, № 3, стр. 132. Вошло в сб. 1889. Обращено к жене поэта.

Призрак. Печ. по сб. 1887, стр. 46.

Мир поэта. Впервые — «Новь», 1887, № 7, стр. 86. Вошло в сб. «Этюды в рифмах».

Тени А. С. Пушкина. Впервые — сб. 1887, стр. 181. Написано к 50-летию со дня смерти Пушкина.

«Умирала лилия лесная...». Впервые — РБ, 1887, № 9, стр. 24. Вошло в сб. 1889. Неоднократно было положено на музыку.

«Она цветы свои любила...». Впервые — сб. 1889, стр. 170. Вошло в сб. «Майский шум».

«Прекрасна эта ночь с ее красой печальной...». Впервые — сб. 1889, стр. 31. Печ. по сб. «Майский шум», стр. 74.

Песня («Заперты ворота...»). Впервые — «Петербургский листок», 1911, 20 мая.

Умирающая невеста. Печ. по ТТ, 1892, стр. 290.

На поезде. Впервые — РБ, 1887, № 12, стр. 82. Вошло в сб. 1889 и сб. «Этюды в рифмах». Отмечено Я. П. Полонским в отзыве, рекомендующем Фофанова на соискание Пушкинской премии: «Хорошее стихотворение, но последние восемь строк — не нужны» (ИРЛИ).

К сказкам. Впервые — НВ, 1888, 28 августа. Вошло в сб. 1889 и сб. «Снегурка».

«Она была похожа на тебя...». Печ. по сб. «Монологи», стр. 129.

«Нет, мне не жаль, что умер этот день...». Печ. по сб. 1889, стр. 184.

«Забытою весной пахнуло на меня!..». Печ. по сб. 1889, стр. 26.

Первая заря. Впервые — НВ, 1888, 24 января. Вошло в сб. 1889 и сб. «Этюды в рифмах». В письме к поэту А. А. Коринфскому Фофанов по поводу этих стихов писал: «Уцелел ли тот деревянный домик, с садом и яблонями? Ей-богу, он был чудесен, или так мне казался мой младенческий рай. Я воспел его в стихах. Ты, верно, читал во втором томе стихов моих «Первую зарю»? У меня там схвачено одно из первых моих впечатлений...» (Письмо от 2 октября 1892 г. — ЦГАЛИ). Воспоминания относятся к 1865 г., когда Фофанов жил с родителями на даче в Сергиевской пустыни, под Петербургом. *Няня* — София Андреевна Нахтурн.

«Я родом финн — и гордая свобода...». Печ. по сб. 1889, стр. 164. Предки Фофанова были крестьянами из Олонецкой губернии. См. вступ. статью, стр. 7.

«Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови...». Печ. по сб. 1889, стр. 50.

«Всегда мы чувствуем правдиво...». Впервые — РБ, 1888, № 1, стр. 148. Вошло в сб. 1889 и сб. «Снегурка».

«Отзвучали струны сердца...». Печ. по сб. 1889, стр. 32.

«Я помню дни весенних дум...». Печ. по сб. 1889, стр. 129. Вошло в сб. «Монологи».

«От луны небесной, точно от лампады...». Печ. по сб. 1889, стр. 163.

«Свечка догорела, спать давно пора бы...». Впервые — сб. 1887, стр. 24. Положено на музыку композитором Н. Н. Черепниным и входило в репертуар известного русского артиста Л. В. Собинова.

Двойник. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1891, № 12, стр. 596. Вошло в сб. 1889 и сб. «Снегурка».

«Под напев молитв пасхальных...». Печ. по сб. 1889, стр. 78. Вошло в сб. «Снегурка». Положено на музыку Платоновым.

Накануне зимы. Печ. по сб. 1889, стр. 27.

Старый сад. Впервые — Н, 1887, № 10, стр. 69. Вошло в сб. 1889.

«Шумят леса тенистые...». Впервые — сб. 1887, стр. 15.

«Печально верба наклоняла...». Впервые — сб. 1889, стр. 81.

«Блуждая в мире лжи и прозы...». Печ. по сб. 1889, стр. 72.

Старые часы. Впервые — НВ, 1888, 28 февраля. Вошло в сб. 1889 и сб. «Этюды в рифмах». Стихотворение высоко ценил В. Я. Брюсов (Избр. соч., т. 2. М., 1955, стр. 228). *Сатурнина коса.* Сатурн (римск. миф.) — бог времени; изображался с косой.

У печки. Печ. по ТТ, стр. 63.

Весенний дождь. Впервые — НВ, 1888, 3 апреля. Вошло в сб. 1889. Печ. по сб. «Этюды в рифмах», стр. 45.

Соловей. Печ. по сб. 1889, стр. 87. Вошло в сб. «Снегурка».

На Неве. Впервые — сб. 1889, стр. 195. Вошло в сб. «Снегурка».

Одуванчик. Впервые — НВ, 1888, 22 мая. Вошло в сб. 1889 и сб. «Снегурка».

З а г о р о д о м. Впервые — сб. 1889, стр. 33. Вошло в сб. «Этюды в рифмах».

К о н ч а е т с я! .. Впервые — НВ, 1888, 22 мая. Вошло в сб. 1889 и сб. «Этюды в рифмах». Посвящено отцу поэта Михаилу Петровичу Фофанову (1832—1885).

«З а р я в е ч е р н я я, з а р я п р о щ а л ь н а я. . .». Впервые — НВ, 1888, 29 января. Вошло в сб. 1889.

С м е р т ь ш у т а. Впервые — «Русская мысль», 1888, № 9, стр. 199. Вошло в сб. 1889 и сб. «Этюды в рифмах».

Л. Н. Т<о л с т о м у>. Печ. по ТТ, стр. 17. Стихотворение очень нравилось Н. С. Лескову, который в письме к И. Е. Репину писал: «Стихотворение это прекрасно, но в нем есть одно ужасное слово, которое совсем не идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина в истинном, а не приходском смысле этого слова. Это слово: «горжусь». Л. Н. будет смущен и огорчен, что он внушил кому-то самое противное его духу чувство „гордости“» (Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 11. М., 1958, стр. 413).

В д о р о г е. Впервые — сб. 1889, стр. 125. Вошло в сб. «Снегурка».

В д о х н о в е н и е. Впервые — НВ, 1889, 15 января. Вошло в ТТ.

«В д а л и, к а к ч у т к и й с т р а ж, п о ч и е т л е с б е з м о л в н ы й. . .». Впервые — сб. 1889, стр. 95. Вошло в сб. «Снегурка».

С о н. Печ. по сб. 1889, стр. 98. Вошло в сб. «Снегурка». И. Е. Репин 14 августа 1888 г. писал Фофанову: «Сейчас прочитал Ваше стихотворение «Сон» и пришел в такой восторг от этого перла поэзии, что не могу удержаться, чтобы не выразить Вам своей радости за Вас и за всех нас, кто читает и кто способен почувствовать эту тонкую, ароматную струю жизни. Всякому, кто пережил в своем душевном мире нечто подобное, это шевельнет сердце чем-то дорогим, невозвратным, но очень близким сердцу и много напоминающим, таинственным ароматом. . .» (И. Е. Репин. Письма. М., 1950, стр. 35).

Х у д о ж н и к. Впервые — ТТ, стр. 27. *И. Е. Репина* (1844 — 1930) связывала с Фофановым долголетняя дружба. В стихотворении поэт пересказывает содержание ряда картин Репина: «Отказ от исповеди», «Петр и Алексей», «Иван Грозный и его сын Иван», «Прощай, свободная стихия. . .» и др. Отточие после шестой строфы принадлежит Фофанову.

Стансы («И наши дни когда-нибудь века...»). Впервые — НВ, 1888, 9 октября. Вошло в сб. 1889 и сб. «Монологи».

«Была ль то песнь, рожденная мечтою...». Впервые — НВ, 1888, 4 декабря. Вошло в ТТ.

«Не отходи от меня!..». Впервые — «Россия», 1888, № 4245.

«Рыдает и плачет тоскливая скрипка...». Впервые — НВ, 1888, 6 ноября. Вошло в сб. 1889 и сб. «Монологи». Обращено к другу поэта Анатолию Ивановичу Леману (1859—1913), литератору и музыканту.

Капля. Впервые — НВ, 1888, 8 мая. Вошло в сб. 1889 и сб. «Монологи».

«Я знаю грусть: певучая, как песнь...». Впервые — НВ, 1889, 29 января, стр. 2, под заглавием «Грусть и песнь». Печ. по ТТ.

Лунный свет. Печ. по сб. 1889, стр. 102. Вошло в сб. «Снегурка».

Упраздненное кладбище. Впервые — сб. «Снегурка», стр. 22.

«Вечернее небо, лазурные воды...». Впервые — НВ, 1888, 25 сентября. Вошло в сб. 1889.

«Сумерки бледные, сумерки мутные...». Впервые — сб. 1889, стр. 118.

«Посмотри: у пруда, где в прохладную тень...». Впервые — сб. 1889, стр. 121.

Из старого альбома (1—2). Печ. по ТТ, стр. 289.

А. А. Фету. Впервые — НВ, 1889, 2 февраля. Вошло в ТТ. В пятой строфе цитируются строки из стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье...».

В альбом В. Б. Бертенсона. Впервые — «Столица и усадьба», 1914, № 14. *В. Б. Бертенсон* — врач, общий знакомый Фофанова и Репина.

«Дрожащий блеск звезды вечерней...». Впервые — НВ, 1889, 9 апреля. Вошло в ТТ.

Мечта («Дрожит ли зыбь сребристого ручья...»). Впервые — НВ, 1889, 11 июня. Вошло в ТТ.

Всё то же. Впервые — НВ, 1889, 28 мая. Вошло в ТТ.

Кукушка. Впервые — НВ, 1889, 7 мая. Вошло в ТТ.

У потока. Впервые — НВ, 1889, 2 июля. Вошло в ТТ.

«Зашумел, закачался взволнованный сад...». Печ. по ТТ, стр. 110.

Листья. Впервые — НВ, 1889, 20 августа. Вошло в ТТ.

«Стало скучно тебе...». Печ. по ТТ, стр. 169.

Отошедшим. Впервые — НВ, 1889, 20 августа. Вошло в ТТ. Об этом стихотворении Н. С. Лесков писал В. А. Гольцеву (12 октября 1889 г.): «Посылаю Вам стихотворение Фофанова, которое висело у меня, прикрепленное на стенке над рабочим столом. Оно написано не одному Салтыкову, а вообще «отошедшим», и появилось в печати после смерти Андрея Алекс<андровича> Краевского. Мне оно очень нравится» (Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 11. М., 1958, стр. 439). А. А. Краевский умер 8 августа 1889 г. *Заря освобождения* — отмена крепостного права в 1861 г.

«Прекрасна ты, осенняя пора!..». Впервые — НВ, 1889, 3 сентября. Вошло в ТТ.

«Как быстро год прошел! Как медленные дни...». Впервые — НВ, 1889, 13 августа. Вошло в ТТ.

Журавли. Впервые — НВ, 1889, 1 октября. Вошло в ТТ.

«Сколько жизни, сколько блеску...». Впервые — КН, 1889, № 12, стр. 41. Вошло в ТТ.

«Умолк весенний гром. Всё блещет и поет...». Впервые — НВ, 1890, 28 января. Вошло в ТТ.

«Что ты сказала, я не расслышал...». Печ. по ТТ, стр. 114.

«Есть странные минуты: бытие...». Впервые — НВ, 1889, 31 декабря, под заглавием «Из монологов». Вошло в сб. 1889. Печ. по сб. «Монологи», стр. 105.

«Еще дрожит последняя слеза...». Впервые — ТТ, стр. 58.

Меланхолия. Впервые — сб. 1889, стр. 177. Вошло в сб. «Снегурка».

Хандра. Впервые — НВ, 1890, 4 ноября. Вошло в ТТ. В рукописи стихотворение имеет подзаголовок «Подражание персидскому» (ЦГАЛИ). *Окно косящатое* — с косяками.

Морозной ночью. Впервые — КН, 1891, № 1, стр. 85. Вошло в ТТ. *Клир* — церковный хор.

«Родился день, как поздняя любовь...». Впервые — НВ, 1890, 9 декабря. Вошло в ТТ.

Поздние огни. Впервые — КН, 1891, № 2. Вошло в ТТ.

Летние грозы. Впервые — Н, 1891, № 1, стр. 204. Вошло в ТТ.

Я. П. Полонскому. Впервые — ТТ, стр. 247. *Я. П. Полонский* (1819—1898) — поэт. Книга стихов Полонского *«Вечерний звон»* вышла в 1890 г.

«Лунная тихая ночь...». Впервые — Н, 1891, № 2, стр. 204, под названием «В лунную ночь». Печ. по ТТ, стр. 347.

«Любил я с детства темные леса...». Впервые — КН, 1890, № 10, стр. 98. Вошло в ТТ.

«Усталое сердце не жаждет...». Впервые — КН, 1890, № 10, стр. 101. Вошло в ТТ.

Из «Цветника роз» Саади. Впервые — НВ, 1891, 31 марта. Вошло в ТТ. *Саади* (1184—1291) — великий иранский поэт. *«Цветник роз»* (1258) — его книга стихов и прозы.

Ты помнишь ли?! Впервые — ТТ, 1892, стр. 334.

«Мы любим, кажется, друг друга...». Впервые — НВ, 1891, 13 октября.

Голод. Впервые — КН, 1891, № 12, стр. 48. Вошло в сб. «Этюды в рифмах». Стихотворение является откликом на голод в Поволжье.

Мечта («Я верю: будет век великого сознанья...»). Впервые — Н, 1891, № 12, стр. 73.

«Уныло рыдала метель на дворе...». Впервые — НВ, 1892, 5 января. Вошло в сб. «Монологи».

Наш домовой. Впервые — НВ, 1891, 15 декабря. Вошло в сб. «Этюды в рифмах».

Сонет («Когда задумчиво вечерний мрак ложится...»). Печ. по ТТ, стр. 231.

«Мечтательно-возвышенный...». Впервые — КН, 1892, № 1, стр. 3. Вошло в сб. «Монологи».

«Сегодня под моим окном...». Впервые — КН, 1891, № 11, стр. 151. Вошло в ТТ.

На добрую память. Впервые — НВ, 1891, 10 ноября, без заглавия. Печ. по ТТ, стр. 351.

«Мы — поздние певцы: мир, злой и обветшалый...». Печ. по ТТ, стр. 341.

Notturno («Не мечты ли мне напели...»). Печ. по ТТ, стр. 29.

«Ни медленным трудом, ни жизнью торопливой...». Печ. по ТТ, стр. 101.

«Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне...». Печ. по ТТ, стр. 217. Обращено к жене поэта.

Скошенные травы. Впервые — «Звезда», 1891, № 33, стр. 789. Вошло в ТТ. Строка точек между четвертой и пятой строфами принадлежит автору.

«Я сидел у окна, я смотрел в полутьму...». Печ. по ТТ, стр. 28.

«Кто он? Зачем? Откуда этот гость...». Впервые — ТТ, стр. 245.

Осень. Впервые — ТТ, стр. 214.

«Мы, нежного певцы, таинственной судьбы...». Впервые — ТТ, стр. 221.

«Обманули меня соловьи...». Впервые — ТТ, стр. 350.

«Я сердце свое захотел обмануть!..». Впервые — «Труд», 1892, № 14, стр. 92. Вошло в сб. «Монологи».

Стансы («Недаром вопли клеветы...»). Впервые — НВ, 1892, 8 марта.

Тридцать лет. Впервые — КН, 1892, № 7, стр. 87. Вошло в сб. «Снегурка». В рукописи (ЦГАЛИ) начало стихотворения иное:

Правдивей и звучней настрой свою струну
Во имя светлых дней и долгого союза.
Сегодня тридцать лет минуло мне, о Муза!
Мы нежно станем петь тридцатую весну!
Ты мне одна верна...

Ландыш. Впервые — НВ, 1892, 20 декабря. Вошло в сб. «Майский шум». *Сильфида* — дух воздуха.

Утешение. Впервые — КН, 1893, № 4, стр. 150. Вошло в сб. «Монологи».

Шарманщик. Впервые — НВ, 1892, 20 сентября. Вошло в сб. «Снегурка».

В сосновой роще. Впервые — НВ, 1892, 4 октября. Вошло в сб. «Майский шум».

«Дай оглянусь назад! Жизнь прожита почти...». Впервые — НВ, 1892, 22 ноября. Вошло в сб. «Монологи».

После грозы. Впервые — КН, 1893, № 8, стр. 83. Вошло в сб. «Майский шум».

Заглохшая тропа. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1892, № 4. Вошло в сб. «Снегурка».

Вечер. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1892, № 8. Вошло в сб. Ил.

Папоротник. Впервые — НВ, 1892, 1 ноября. Вошло в сб. «Майский шум».

Подснежник. Впервые — сб. «Майский шум», стр. 27.

Подсолнечник. Впервые — сб. «Майский шум», стр. 27.

Осина. Впервые — НВ, 1892, 1 ноября, без заглавия. Печ. по сб. «Майский шум», стр. 31.

«Всё грустно, всё! Наш тихий разговор...». Впервые — НВ, 1893, 5 декабря. Вошло в сб. «Монологи».

«На волне колокольного звона...». Впервые — «Нива», 1892, № 10, стр. 87. Вошло в сб. «Монологи».

«Мне нужен свет любви твоей...». Впервые — КН, 1892, № 3, стр. 150. Вошло в сб. «Монологи».

Гамма. Впервые — НВ, 1893, 17 октября. Вошло в сб. «Снегурка».

Смерть. Впервые — КН, 1892, № 4, стр. 12. Вошло в сб. «Снегурка». Строка точек в конце принадлежит автору. Стихотворение написано в дни болезни поэта.

Первая разлука. Впервые — ТТ, стр. 241. В неизданной «Автобиографической записке» Фофанов вспоминает: «Я нежно влюбился в первый раз на двенадцатом году. Глубже и чище того чувства я не испытывал. Предмет моей любви была девочка десяти лет, дочь солдата. Мы жили тогда в одной из деревенек, под Стрельной, на дачке...» (ЦГАЛИ).

Лабиринт. Впервые — сб. «Снегурка», стр. 24.

Весенние слезы. Впервые — НВ, 1893, 21 марта. Вошло в сб. «Майский шум».

Предчувствие. Впервые — сб. «Майский шум», стр. 63.

На смерть А. Н. Плещеева. Впервые — КН, 1893, № 12, стр. 82. *Плещеев* Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт.

«Есть много навсегда забытых впечатлений...». Впервые — НВ, 1893, 30 мая. Вошло в сб. «Монологи».

Идол. Впервые — «Звезда», 1894, № 4, стр. 89. Вошло в сб. «Снегурка».

Цветы. Впервые — сб. «Майский шум», стр. 26.

Безумный. Впервые — НВ, 1893, 19 апреля. Вошло в сб. «Снегурка».

Беглянка. Впервые — «Труд», 1893, № 19, стр. 291. Вошло в сб. «Этюды в рифмах»

После грозы. Впервые — КН, 1893, № 8, стр. 83. Вошло в сб. «Снегурка».

Чудовище. Впервые — НВ, 1893, 23 сентября. Вошло в сб. «Этюды в рифмах». И. Е. Репин писал об этих стихах: «Сколько таланта! Какая сильная вещь «Чудовище»!» (Письма, М., 1950, стр. 132).

«Как стучит уныло маятник...». Впервые — «Труд», 1890, № 20, стр. 81. Вошло в сб. «Монологи».

«Я сказки медленней пишу...». Впервые — сб. «Монологи», стр. 83.

Снегурка. Впервые — КН, 1893, № 2, стр. 147. Вошло в сб. «Снегурка».

«Не знаю почему, но только мне легко...». Впервые — НВ, 1894, 13 марта. Вошло в сб. «Монологи».

Всё тает. Впервые — НВ, 1894, 13 марта. Вошло в сб. «Майский шум».

«Мне кажется порой, во мне страдает кто-то...». Впервые — НВ, 1894, 22 мая. Вошло в сб. «Монологи». *Альфа и Омега* — начальная и конечная буквы греческого алфавита.

Мелодия. Впервые — НВ, 1894, 15 мая. Вошло в сб. «Майский шум».

«Светает; за окном моим...». Впервые — НВ, 1894, 5 июня. Вошло в сб. «Монологи».

Осеннее. Впервые — НВ, 1894, 4 сентября. Вошло в сб. «Майский шум».

«Ты помнишь ли, подруга юных дней...». Впервые — НВ, 1894, 14 августа. Вошло в сб. «Монологи». Обращено к жене поэта.

Оттепель. Впервые — НВ, 1894, 23 января. Вошло в сб. «Майский шум»

«Не мигают зарницы вечерние...». Впервые — «Север», 1894, № 15, стр. 726. Вошло в сб. «Майский шум».

Тише, Муза! Впервые — НВ, 1895, 9 июля.

У прилива. Впервые — Н, 1895, № 10, стр. 56. Вошло в сб. «Майский шум».

Осенние мелодии (1—2). Впервые — НВ, 1895, 28 августа. Вошло в сб «Монологи».

«В ее душе разлад...». Впервые — НВ, 1895, 3 декабря, под названием «Безумная». Печ. по Ил, стр. 23.

«Не смейся над моей иронией холодной...». Впервые — Н, 1895, № 1, стр. 45. Вошло в сб. «Монологи».

Notturno («Полосы лунного света легли...»). Впервые — НВ, 1895, 24 сентября. Вошло в ИЛ.

«Я населил таинственным мечтаньем...». Впервые — КН, 1896, № 1, стр. 170. Вошло в Ил.

Ночью. Впервые — сб. «Снегурка», стр. 70.

«Прозрачный вечер тих, но всё еще не мог он. . .». Впервые — сб. «Монологи», стр. 36.

«Как вздох земных морей в небесную мечту. . .». Впервые — сб. «Монологи», стр. 36.

«Чем смертоносней влага в чаше. . .». Впервые — сб. «Монологи», стр. 29.

«Пришла румяная весна. . ». Впервые — сб. «Майский шум», стр. 49.

«Святые детские порывы. .». Впервые — сб. «Монологи», стр. 119.

«Я хотел бы верить в прозу жизни. . .». Впервые — сб. «Майский шум», стр. 51.

Два беса. Впервые — сб. «Майский шум», стр. 60.

«Дай мне звуков, дай музыки стройной. . .». Впервые — сб. «Майский шум», стр. 41.

Два гения. Впервые — сб. «Этюды в рифмах», стр. 19.

«Дай горе выплакать! Дай вынесть одному. . .». Впервые — сб. «Монологи», стр. 50.

Гимн отстрадавшим. Печ. по сб. «Майский шум», стр. 94.

Лето. Впервые — НВ, 1896, 14 января. Вошло в Ил.

«Сегодня в ночь весна-колдунья. . .». Впервые — КН, 1896, № 4, стр. 82. Вошло в Ил.

Аллея осенью. Впервые — сб. «Снегурка», стр. 14.

Ракета. Впервые — сб. «Снегурка», стр. 15.

Грусть сосен. Впервые — КН, 1896, № 4, стр. 82. Вошло в Ил.

Засохшие листья. Впервые — сб. «Майский шум», стр. 8.

В роще. Впервые — «Северный вестник», 1897, № 7, стр. 42. Вошло в Ил.

«Я не вижу врагов, не могу враждовать. . .». Впервые — НВ, 1897, 9 марта.

«Пел соловей, цветы благоухали. . .». Впервые — КН, 1900, № 5, стр. 61. Вошло в Ил.

«Как воздух свеж, как липы ярко...». Впервые — НВ, 1897, 26 октября. Вошло в Ил.

«Еще повсюду в спящем парке...». Впервые — НВ, 1897, 13 апреля.

Уходящая зима. Впервые — КН, 1897, № 3, стр. 93. Вошло в Ил.

«День гаснет зарею, свиваясь с тенями...». Впервые — НВ, 1897, 13 апреля. Вошло в Ил.

Из осенних мелодий. Впервые — Ил, стр. 8.

Весенний гром. Впервые — «Северный вестник», 1898, № 5, стр. 154. Вошло в Ил.

«Как будто раннею весною...». Впервые — «Север», 1898, № 4, стр. 100. Вошло в Ил.

Стансы («Пусть говорят: она пропала...»). Впервые — Ил, стр. 243.

Вечерний чай. Впервые — НВ, 1898, 28 июня. Вошло в Ил.

Утро. Впервые — НВ, 1898, 26 июля. Вошло в Ил. *Тартар* (греч.) — царство мертвых.

Стансы («Всё пережито, что возможно...»). Впервые — Ил, стр. 58.

В конце сентября. Впервые — «Осколки», 1898, № 41, стр. 1. *Билеты бельмами торчат.* В те годы на оконные стекла наклеивались цветные ярлыки, объявления о том, что квартира или комната сдается.

«Сумерки шире спадали...». Впервые — «Осколки», 1898, № 49, стр. 1. Вошло в Ил.

«Белый снег мутнеет в блеске...». Впервые — ЖО, 1898, № 1, стр. 281. Вошло в Ил.

«Ветер ласковый при встрече...». Впервые — НВ, 1898, 14 июня. Вошло в Ил.

«Бежит волны кипучий гребень...». Впервые — КН, 1898, № 11, стр. 45. Вошло в Ил.

А. С. Пушкину. Впервые — Ил, стр. 140. Стихотворение написано по случаю столетия со дня рождения Пушкина.

«Желтыми листьями дети играли...». Впервые — Ил, стр. 108.

«Деревня скрылася... И нивы...». Впервые — НВ, 1899, 12 июля. Вошло в Ил.

«Вечера всё белей и беззвездней...». Впервые — «Нива», 1899, № 28, стр. 526.

«Сколько веток поломано бурею...». Впервые — Ил, стр. 151.

Прошедшее «я». Впервые — Ил, стр. 130.

Осень («Уж холодом веет осенним...»). Впервые — Ил, стр. 247.

Стансы («Мой друг, у нашего порога...»). Впервые — Ил, стр. 236.

«Под музыку осеннего дождя...». Впервые — альм. «Северные цветы», 1901, стр. 76.

Грешница. Впервые — альм. «Северные цветы», 1901, стр. 76.

Иллюзии. Впервые — Ил, стр. 1.

«Ищите новые пути!..». Печ. по сб. Ил, стр. 1.

«Прошла любовь, прошла гроза...». Впервые — ЖО, 1900, № 16, стр. 258.

Декадентам. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1901, № 1, стр. 71. Об отношении К. М. Фофанова к декадентам см. вступ. статью.

На полюсе. Впервые — альм. «Северные цветы», 1902, стр. 118.

Стансы («Лишь только зрячие разбудят...»). Впервые — НИ, 1902, № 46, стр. 368.

Таянье снегов. Публикуется впервые, по рукописи ЦГАЛИ.

«Пыль на улице. Травою...». Впервые — НВ, 1903, 15 июня.

Ивы. Впервые — «Русский вестник», 1903, № 10, стр. 587.

Нездоровье. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 40.

Сумерки. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 38.

Луч. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 36.

«Весна, вперед, вперед дружней!..». Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 37.

Последняя встреча. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 34.

Круговорот. Впервые — НП, 1903, № 4, стр. 41.

После дождя. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1903, № 6, стр. 194.

«О, горе, горе тем, кто с отроческих лет...». Публикуется впервые, по рукописи АРС.

«Тебя поймут, тебя поймут!..». Впервые — ЖО, 1905, № 9, стр. 197.

Святочная ночь. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1904, № 12, стр. 511.

В дороге. Впервые — НП, 1904, № 4, стр. 91.

Стансы. («Судьбой холодной и жестокой...»). Впервые — НИ, 1907, № 23, стр. 179.

Перед зарей. Публикуется впервые, по рукописи ЦГАЛИ.

В гóре. Публикуется впервые, по рукописи АРС. *Младший брат* — Фофанов Николай Михайлович (1865—1920), арестованный за политическую пропаганду в 1906 г. и впоследствии сосланный. *Старший сын* — Фофанов Борис Константинович (1888—1930). *Две дочки* — Фофанова Ольга Константиновна (1892—1920) и Фофанова Екатерина Константиновна (род. 1895).

«Я хотел бы страдать, но не в силах страдать...». Впервые — НВ, 1910, № 12406.

«В мире душно и позорно...». Впервые — НВ, 1906, 7 июня.

На проспекте. Впервые — «Нива», 1906, № 30, стр. 474.

Стансы («Когда пройдут стремленья молодые...»). Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1906, 2 ноября.

Зимой. Впервые — «Нива», 1906, № 34, стр. 539.

Ломка. Впервые — НИ, 1906, № 10, стр. 79. В стихотворении имеются в виду события русско-японской войны 1904 г. и революции 1905 г. *Феникс* (греч.) — легендарная птица, сжигающая сама себя и возрождающаяся обновленной, символ вечности.

«Я весла опустил, плыву я по теченью...». Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1907, 10 марта.

Осеннее. Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1906, № 10, стр. 333.

Цепи. Впервые — «Нива», 1906, № 30, стр. 539. *Жезл Аарона* (библ.) — по легенде посох, который в руках Аарона (брат Моисея) мгновенно зазеленел и расцвел.

Элегия («Склонилась жизнь моя к закату...»). Впервые — П, 1906, № 13, стр. 374.

ПЕСНИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Встреча. Публикуется впервые, по автографу ЦГАЛИ.

Камера. Публикуется впервые, по автографу ЦГАЛИ.

Терпение. Публикуется впервые, по автографу ЦГАЛИ.

В заключении. Впервые — НИ, 1907, № 2, стр. 15, в составе цикла «Песни узника». Цикл сопровождался редакционным сообщением: «Общей участи современного литератора не избежал и известный поэт К. М. Фофанов. В настоящее время он находится в заключении в Гатчине. Печатаем несколько стихотворений поэта, явившихся отражением его подневольных впечатлений». См. вступ. статью, стр. 41—42.

Стансы («О, замолчи, воспоминанье...»). Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1907, 14 апреля.

«Бело... Восходит зимний день...». Публикуется впервые, по рукописи ЦГАЛИ.

«Я иду, вокруг — всё избы...». Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1907, 27 июня.

«Последних дум, последних лет...». Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1907, 9 июня.

«Кругом прозрачный, кругом полночный...». Впервые — Лит. прил. к «Ниве», 1909, № 1, стр. 597.

«Догорает мой светильник...». Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1908, 29 сентября.

«Какая грусть могильная...». Впервые — «Нива», 1908, № 25, стр. 447.

Элегия («Папироса... Еще и еще папироса...»). Впервые — в статье А. А. Измайлова «Принц и нищий» («Исторический вестник», 1916, № 5, стр. 475). Печ. по автографу (ЦГАЛИ).

«Уж более полжизни пройденó...». Впервые — «Исторический вестник», 1916, № 5, стр. 475.

«В исканьи истины и бога...». Впервые — «Нива», 1910, № 4, стр. 681.

Сны цветов. Впервые — НВ, 1910, 15 мая.

Балтийские ночи. Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1910, 18 сентября. Написано в Сергиевской пýстыни, под Петербургом, где Фофанов жил в 1910—1911 гг.

«У леса есть птицы и гнезда...». Впервые — П., 1910, № 14, стр. 471.

Опять. Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1910, 8 ноября.

«В городке небольшом, в переулке глухом...» Впервые — П, 1910, № 15, стр. 488. Написано в Сергиевской пýстыни.

Возрождение. Впервые — НВ, 1910, 11 июля, стр. 3.

На взморье. Впервые — П, 1910, № 16, стр. 531.

«Как много в жизни скучной прозы...». Публикуется впервые, по рукописи ЦГАЛИ.

Чудище. Впервые — альм. «Вешние воды». СПб., 1910, стр. 64.

«Так полно, так полно...». Впервые — Иллюстр. прил. к НВ, 1910, 25 сентября.

«В день своего рожденья...». Впервые — «Нива», 1911, № 24, стр. 446. Обращено к жене поэта Л. К. Фофановой.

«Под сосной косматой вырос...». Публикуется впервые, по автографу ИРЛИ.

Волны. Впервые — П, 1911, № 9, стр. 258. *Несутся громом выстрелы.* Обычно Петропавловская крепость в Петербурге оповещала население залпами о повышении уровня воды в Неве.

«Мелькают, как птицы, моторы...». Впервые — «Дачница», 1912, № 1, 17 мая, стр. 1.

ПОЭМЫ И СКАЗКИ

Каменотес. Впервые — «Родник», 1885, № 12, стр. 1045. Вошло в сб. 1887.

Старый дуб. Впервые — НВ, 1887, 25 декабря, под названием «Сказки весны». Вошло в сб. 1889, стр. 132. Печ. по сб. «Маленькие поэмы», стр. 57. Поэма посвящена другу К. М. Фофанова писателю Иерониму Иеронимовичу *Ясинскому* (1850—1931).

Волки. Впервые — сб. 1889, стр. 138. Вошло в сб. «Маленькие поэмы», стр. 63. Посвящено Александру Владимировичу *Жиркевичу* (1853—1927) — юристу и литератору (псевдоним — А. Нивин), другу Фофанова. Об этом заявил однажды сам поэт в шуточном стихотворении:

Не верьте сумрачной молве,
Что я со всеми на ноже:
Жиркевич, Жорников, Жерве —
Мои друзья, и все — на «же».

Отмечено Я. П. Полонским в его отзыве о Фофанове: «К великому удивлению, у Фофанова есть стихотворения, прямо выявленные из жизни, как например «Признание» и святочный рассказ «Волки». Тут Фофанов сам по себе, и он понятен, прост, ясен и напоминает нам лучшую пору нашей поэзии» (ИРЛИ).

Дума в Царском Селе. Впервые — НВ, 1889, 9 июля. Вошло в ТТ. *У женственного трона...* Имеется в виду царствование Екатерины II (1729—1796). *Сатурн* (миф.) — бог времени. *Весной, при кликах лебединых* — цитата из А. С. Пушкина («Евгений Онегин», гл. 8). *Цицерон* — греческий философ (106—43 до н. э.). Последние две строфы обращены к брату поэта Александру Михайловичу Фофанову (1863—1888), рано умершему художнику.

Ревнивый муж. Впервые — НВ, 1892, 12 апреля. Вошло в сб. «Маленькие поэмы». В автографе ЦГАЛИ поэма имеет подзаголовок «Из русских былин» и незначительные разночтения.

Весенняя поэма. Впервые — НВ, 1892, 26 апреля. Вошло в сб. «Маленькие поэмы». Одна из реалистических поэм Фофанова, что было в свое время особо отмечено Валерием Брюсовым: «Создал он свой вполне реальный рассказ в стихотворении «Весенняя поэма», где героем является уже не фантастический поэт, а самый обыкновенный мальчик — кадет, а героиней не фея и не русалка, а милое, но погибшее создание, у которого было „имя ласкательное Фанни"». (Избр. соч., т. 2. М., 1955, стр. 228). *Тильбюри* — коляска. *Козри* (фр.) — беседа, болтовня.

Очарованный принц. Впервые — Ил, стр. 303. *Порфира* — царское одеяние.

Поэзия — бог. Впервые — Юбилейный сборник литературного фонда (1859—1909), СПб., 1910, стр. 241. Поэма посвящена памяти друга Фофанова Александра Сергеевича *Слуцкого,* сотрудника журналов «Развлечение», «Стрекоза», «Осколки». *«Поэзия есть бог в святых мечтах земли»* — заключительная строка драматической поэмы В. А. Жуковского «Камоэнс», высеченная в 1887 г. на постаменте памятника Жуковскому работы скульптора В. П. Крейтона (1832—1896) в Ленинграде. *Певец «Светланы»* — В. А. Жуковский (1783—1852). *Исаакий* — Исаакиевский собор. *Ренгтонка* — пишущая машинка фирмы «Ремингтон». *Кеньги* — зимняя обувь.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет К. М. Фофанова работы И. Е. Репина. 1888. Местонахождение оригинала неизвестно.

2. *Между стр. 48 и 49.* К. М. Фофанов. Фотография 1881 г. На подлиннике есть пометка: «Снимался по получении первого гонорара».

3. *Между стр. 64 и 65.* Портрет К. М. Фофанова работы И. И. Ясинского. 1888 г. Воспроизводится впервые.

4. *Между стр. 224 и 225.* К. М. Фофанов. Фотография 1908 г.

5. *Между стр. 240 и 241.* К. М. Фофанов в Сергиеве. Фотография 1910 г.

6. *Стр. 249.* Рукопись последнего стихотворения К. М. Фофанова.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ[1]

[1] При расположении в алфавитном порядке заглавий, представляющих собой фамилии адресатов, имена и инициалы во внимание не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания. Звездочкой отмечены стихотворения, публикуемые впервые.

ПОЭМЫ И СКАЗКИ

Фофанов Константин Михайлович

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редакторы *А. А. Нинов* и *Г. М. Цурикова*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *Э. Е. Миронова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 12/IV 1962 г. Подписано в печать 26/VII 1962 г. М 08468. Бумага $84 \times 108\,{}^{1}/_{32}$. Печ. л. $10^{13}/_{16}$ (17,73). Уч.-изд. л. 15,78. Тираж 20 000. Зак. № 751.
Цена 67 к

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
40	2 сн.	«нездешнне»	«нездешнее»
158	9 св.	недетская	недетскую
207	7 св.	жизнь суетна́я	жизнь, суетна́я
264	17 св.	вряд	в ряд
Места иллюстраций изменены по техническим причинам:			
316	7 св.	*Между стр. 64 и 65*	*Между стр. 80 и 81*
316	4 сн.	*Между стр. 224 и 225*	*Между стр. 208 и 209*

К. Фофанов